

Роберт Маккаммон

ГОРОД ГИБЕЛИ

R
МАККАММОН

ДОМ
УЖАСОВ

Роберт Р. Маккоммон

ГОРОД ГИБЕЛИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Москва, 1999

ББК я43
М 15

Роберт Р.Маккоммон
М 15 Город гибели. Сборник рассказов.— М.: «РИПОЛ
КЛАССИК», 1999.—448 с.
Серия «Дом ужасов»

В книгу вошли наиболее удачные произведения замечательного мастера «страшного» рассказа Роберта Р. Маккоммона, а также лучшие новеллы из «Американской антологии ужаса и мистики».

ББК я43

Составление
Л. Зданович

Художественное оформление обложки
В. Рябов

Фронтиспис
художник *А. П. Куколев*

ISBN 5-7905-0224-5

© «РИПОЛ КЛАССИК»,
оформление, 1999

М.Р.Джеймс

НОМЕР 13

Среди городов Ютландии Виборг заслуженно занимает почетное место. Здесь находится резиденция епископа, здесь есть красивый, но практически совсем новый собор, очаровательный сад, великолепное озеро и множество аистов. Поблизости расположены Хальд, считающийся одним из самых красивых мест в Дании, и Финдеруп, где Марск Стиг убил короля Эрика Глиппинга в день Св. Цецилии в 1286 году. Пятьдесят шесть следов от скандинавских железных палиц были обнаружены на черепе Эрика, когда его гробница была вскрыта в XVII веке. Впрочем, я не собираюсь писать путеводитель.

В Виборге есть хорошие гостиницы — лучше «Прейслера» и «Феникса» нечего и желать. Но мой кузен, о чьих приключениях я хочу вам рассказать, в первый свой приезд в Виборг остановился в «Золотом льве». Больше он там никогда не бывал, и нижеследующие страницы, возможно, объяснят причины его воздержания.

«Золотой лев» входит в число немногих домов в городе, уцелевших при грандиозном пожаре 1726 года, практически полностью уничтожившем кафедральный собор, Сogne-кирке, Раадхуус, а также много других зданий, старых и интересных. Это огромное здание из красного кирпича, точнее сказать, с кирпичным фасадом, с рустовкой на фронтоне и надписью над дверью; но внутренний двор, куда заезжает омнибус, отделан в черно-белую клетку из дерева и алебаstra.

Солнце уже спускалось с небес, когда мой кузен подошел к гостиничной двери, и впечатляющий фасад дома был ярко озарен солнечными лучами. Он был доволен старомодностью здания и решил, что его ждет приятное и интересное времяпрепровождение в гостинице, столь типичной для старой Ютландии.

Надо сказать, что не дела в привычном смысле слова привели мистера Андерсона в Виборг. Он занимался исследованиями по церковной истории Дании и случайно узнал, что в архивах Виборга хранятся спасенные при пожаре документы, относящиеся к последним дням католицизма в стране. Поэтому он решил потратить значительное время, возможно, даже две или три недели, на их изучение и копирование и надеялся, что в «Золотом льве» найдет комнату достаточных размеров, чтобы

служила бы ему одновременно спальней и кабинетом. Он высказал свои пожелания хозяйну, и после определенных раздумий последний предложил, что лучше всего будет, если гость сам осмотрит одну или две большие комнаты и выберет что-нибудь для себя. Это казалось хорошей идеей.

Верхний этаж был вскоре отвергнут из-за необходимости слишком высоко взбираться наверх после трудового дня, на третьем этаже не было комнаты, в точности соответствующей требуемым размерам, но на втором этаже можно было выбрать две или три комнаты, которые, судя по размерам, могли бы вполне его устроить.

Хозяин настойчиво предлагал номер 17, но мистер Андерсон заметил, что его окна выходят только на глухую стену соседнего дома и что во второй половине дня там будет темно. Номера 12 и 14 были лучше, поскольку оба выходили на улицу, и яркий вечерний свет и приятный вид с лихвой восполняли неудобства от лишнего шума.

В конце концов был выбран номер 12. Как и в соседних комнатах, здесь было три окна, все на одной стене; комната была высокой и необычно длинной. Камина, конечно, не было, но печь была красивым и довольно старым сооружением из литого чугуна, на одной стороне

которого было изображение Авраама, приносящего в жертву Исаака. Больше ничего примечательного в комнате не было, единственной интересной картиной была цветная литография с видом города, относящаяся примерно к 1820 году.

Приближалось время ужина, но, когда Андерсон, освеженный привычным омовением, спускался по лестнице, до звонка оставалось еще несколько минут. Он посвятил их изучению списка постояльцев.

Как принято в Дании, их имена были написаны на большой доске, разделенной на строчки и колонки. Номера комнат были обозначены в начале каждой строки. Список был далеко не впечатляющим. Среди соседей значился адвокат-немец и несколько коммивояжеров.

Единственным пунктом, дающим пищу для размышлений, было отсутствие в перечне комнат номера 13, но и это Андерсон уже замечал с полдюжины раз, когда останавливался в датских отелях.

Он не мог не удивиться тому, до какой степени неприятие этого числа распространено так сильно, что препятствует нумерации им комнат, и решил спросить у хозяина, действительно ли он и его коллеги часто сталкиваются с постояльцами, отказывающимися жить в 13-й комнате.

Ему было нечего сказать мне (я излагаю историю так, как слышал от него) о том, что произошло за ужином, и вечер, потраченный на распаковывание и раскладывание одежды, книг и бумаг, был не намного богаче событиями. К 11 часам он решил лечь спать, но для него, как и для многих других людей в наши дни, совершенно необходимой прелюдией к постели (если, конечно, собираешься спать) было чтение нескольких страниц печатного текста, и тут он вспомнил, что книга, которую он читал в поезде, именно та, что только и могла удовлетворить его в настоящий момент, лежала в кармане пальто, оставленного на вешалке у входа в столовую.

Сбежать вниз и найти ее было делом одной минуты, и поскольку в коридорах было совсем светло, оказалось нетрудно найти дорогу к собственной двери. Так, по крайней мере, думал мой кузен, но, когда он подошел к ней и повернул ручку, дверь никак не хотела открываться, и он уловил звук быстрого движения за ней в ее сторону. Он, конечно же, ошибся дверью. Где его комната — направо или налево? Он взглянул на табличку: номер 13. Его комната должна быть слева, там она и оказалась. И лишь после того как он лег в постель, прочел привычные несколько страниц из своей книги, задул свечу и повернулся на другой бок,

чтобы уснуть, он сообразил, что, в то время как на регистрационной доске отеля номера 13 не было, такой номер в действительности существовал. Он пожалел, что не поселился в нем сам. Может быть, тем самым он оказал бы хозяину небольшую услугу, предоставив ему возможность рассказывать направо и налево, что благородный английский джентльмен прожил в ней три недели и она ему очень понравилась. Но может быть, ее использовали в качестве помещения для слуг или чего-нибудь в этом роде. В конце концов, она не была столь же просторной, чем его собственная. Сквозь дрему он оглядел свою комнату, контуры которой были еле различимы в тусклом свете уличного фонаря.

Странное явление, подумал он. Комнаты при слабом освещении обычно выглядят больше, чем они есть на самом деле, но эта, казалось, сократилась в длину и соответственно выросла в высоту. Ну и ну!

Сон был важнее этих досужих размышлений... и поэтому он отошел ко сну.

На следующий день после приезда Андерсон атаковал виборгский архив. Он был, как и следовало ожидать в Дании, радушно принят, и ему был предоставлен самый свободный доступ ко всему, что он хотел видеть. Документы, разложенные перед ним, были гораздо

более многочисленными и интересными, чем он ожидал. Кроме официальных бумаг здесь была большая папка с письмами, имевшими отношение к Юргену Фриису, последнему католику, занимавшему епископский престол, и в них неожиданно обнаружилось множество забавных и, как говорится, «интимных» подробностей частной жизни и черт характера. Много говорилось о принадлежавшем епископу доме в городе, где он сам не жил. Жилец же, занимавший дом, был скандальной личностью и камнем преткновения для реформаторского движения. Он был, как гласили письма, позором города, занимался колдовством и черной магией и продал душу дьяволу. Архиепископ смело встречал эти обвинения, демонстрируя свое отвращение к черной магии, и требовал, чтобы его противники изложили свои обвинения перед компетентным судом (церковным, разумеется), дабы разобраться в этом деле до конца. Никто не мог более, чем он, быть готовым и желать осудить магистра Николаса Франкена, если тот действительно окажется виновным в любом из тех преступлений, в каких его обвиняли неофициально.

У Андерсона хватило времени лишь на то, чтобы мельком пробежать следующее письмо протестантского лидера Расмуса Нильсена перед закрытием архива, но он уловил его общий

смысл, заключающийся в том, что христиане больше не считали себя связанными решениями римских пастырей и что епископский суд не был и не мог быть компетентным в рассмотрении столь серьезного дела.

Когда мистер Андерсон ушел из архива, его попутчиком оказался старый джентльмен, заведовавший этим учреждением, и, пока они шли, разговор перекинулся на бумаги, о которых я только что говорил.

Герр Скавениус, архивариус Виборга, хоть и был прекрасно осведомлен об общей направленности документов, находившихся в его ведении, не был специалистом по периоду Реформации. Он сильно заинтересовался тем, что рассказал Андерсон. Он сказал, что с большим удовольствием будет ждать выхода в свет публикации, в которой мистер Андерсон обнародует их содержание.

— Ох уж этот дом епископа Фрииса, — добавил он, — величайшая загадка дня состоит в том, где он находится. Я тщательно изучил топографию старого Виборга, но вот невезение: в старой поземельной книге владений епископа, составленной в 1560 г., большая часть которой хранится в нашем архиве, отсутствует как раз тот кусок, где содержится перечень недвижимости в городе. Ну да ладно. Может быть, когда-нибудь я найду его.

После небольшой прогулки — я забыл, по каким местам, — Андерсон вернулся к «Золотому льву», ужину и постели. По пути к своей комнате он вспомнил, что так и не поговорил с хозяином об отсутствии в отеле номера 13, а также о том, что так и не удостоверился в том, существует ли на самом деле номер 13, прежде чем заводить разговор о нем.

Решение напрашивалось само собой. Была дверь с ясно различимым номером, и за ней шла какая-то деятельность, так как когда он приближался к двери, то слышал внутри комнаты шаги и голоса (или голос). В течение нескольких секунд, на которые он задержался, чтобы удостовериться в наличии такого номера, звук шагов прекратился (по всей видимости, перед самой дверью), и он с легким испугом услышал быстрое свистящее дыхание человека, находящегося в сильном возбуждении. Он прошел дальше в свою комнату и вновь с удивлением обнаружил, насколько меньше она казалась теперь, чем тогда, когда он выбирал ее. Это было легким разочарованием, но не более. Если он сочтет ее недостаточно большой, то без труда сможет переселиться в другую. Между тем он захотел что-то достать (насколько я помню, носовой платок) из чемодана, который носильщик поставил на весьма хилый табурет у стены в дальнем от кровати

углу комнаты. Чудные дела — чемодана не было видно. Его переставили не в меру ретивые слуги; несомненно, содержимое поместили в гардероб. Но нет, там не было никаких вещей из чемодана. Это было досадно. Мысль о краже он отверг сразу же. Подобное редко случается в Дании, но определенная глупость, что отнюдь не такая редкость, явно была совершена, и с горничной следовало бы строго поговорить. Однако что бы ему ни требовалось, это не было настолько необходимым для его комфорта, чтобы нельзя было подождать до утра, поэтому он решил не звонить в колокольчик и не тревожить прислугу. Он подошел к окну, открывавшемуся направо, и выглянул на тихую улицу.

Напротив стояло высокое здание с большими плоскостями глухой стены; прохожих не было; ночь была темной, и мало что вообще было видно.

Свет падал ему в спину, и он видел свою четкую тень на противоположной стене. Также тень бородатого мужчины из номера 11 слева, который сначала дважды прошел туда и обратно в рубашке, потом причесывался, потом переоделся в ночную сорочку. Также тень постояльца из номера 13 справа. Это было более интересно. Номер 13, как и он сам, стоял у окна, опершись локтями на подоконник, и смот-

рел на улицу. Похоже, это был высокий худой мужчина, а может быть, женщина? По крайней мере, он (или она) прикрывал свою голову чем-то вроде драпировки, перед тем как лечь спать. Андерсон вспомнил, что на лампе был красный абажур, а сама лампа сильно мигала. Тусклый красноватый отблеск на противоположной стене явно то усиливался, то угасал. Он немного высунулся из окна, чтобы лучше рассмотреть фигуру соседа, но за складкой какой-то светлой, возможно, белой материи на подоконнике он не мог различить ничего.

Тут с улицы слышались отдаленные шаги, и их приближение, похоже, вернуло 13-й номер к сознанию того, что его могут увидеть, поскольку тот внезапно и резко отошел от окна и красная лампа погасла. Андерсон, куривший сигарету, положил окурочек на подоконник и отправился спать.

На следующее утро он был разбужен горничной, принесшей горячую воду. Он привстал на постели и, подобрав правильные датские выражения, произнес как можно отчетливее:

— Зачем вы двигаете мой чемодан? Где он?

Как нередко бывает, горничная рассмеялась и ушла, не ответив ничего определенного.

Андерсон, весьма раздраженный, сел на кровати, намереваясь вернуть ее обратно, но не двинулся с места, глядя не отрываясь перед собой. Его чемодан стоял на табурете — там, куда его поставил носильщик, когда Андерсон въехал в этот номер. Это был глубокий шок для человека, гордившегося своей наблюдательностью.

Как это могло ускользнуть от него прошлым вечером, он не мог понять. Так или иначе, чемодан стоял на своем месте.

Дневной свет выявил нечто более, чем чемодан, — истинные пропорции комнаты с тремя окнами, и успокоил ее жильца в том, что его выбор был неплохим. Когда он почти оделся, то подошел к среднему из трех окон взглянуть, какая на улице погода. Его ожидал еще один шок. Вчерашним вечером он был страшно ненаблюдательным. Он готов был десять раз поклясться в том, что курил у окна справа, перед тем как лечь спать, а окурок лежал на среднем окне.

Он начал спускаться вниз к завтраку. Он запаздывал, но 13-й номер был еще более медлительным — около двери все еще стояли ботинки — мужские ботинки. Значит, в 13-м номере жил мужчина, а не женщина. Только теперь он увидел номер на двери: 12. Он подумал, что, наверное, прошел мимо 13-го номе-

ра, не заметив его.

Три глупых ошибки за двенадцать часов — это было слишком много для методичного, аккуратного человека, потому он вернулся, чтобы удостовериться. Следующим номером после 14-го был 12-й, его собственный. 13-го номера не было вообще.

После нескольких минут, посвященных тщательному продумыванию того, что он ел и пил за истекшие 24 часа, Андерсон решил отказаться от этой затеи. Если его зрение или мозг подводят его, у него будет еще уйма возможностей, чтобы убедиться в этом; если нет, тогда он столкнулся с весьма интересным явлением. В любом случае за дальнейшим развитием событий стоит последить, решил он.

Днем он продолжил изучение епископской переписки, которую я уже подытожил. К его разочарованию, она была неполной. Было только одно письмо, относящееся к делам магистра Николаса Франкена. Оно было от епископа Юргена Фрииса к Расмусу Нильсену.

Оно гласило:

«Хотя мы ни в коей мере не согласны с вашим мнением касательно нашего суда, я буду готов, если потребуется, дать вам всевозможный отпор, но что касается

преданного нам и любимого нами магистра Николаса Франкена, против которого вы выдвинули лживые и гнусные обвинения, то, поскольку его больше нет с нами, этот вопрос в настоящее время отпадает. Что касается ваших последующих заявлений о том, что апостол и евангелист св. Иоанн в своем боговдохновенном «Апокалипсисе» описывает святую римскую церковь под личиной и символом блудницы в пурпуре, то да будет вам известно...» и т. д.

Несмотря на все усилия, Андерсон не смог найти ни продолжения этого письма, ни подсказки о сущности или способе «исчезновения» casus'a belli. Он мог только предполагать, что Франкен умер внезапно; и поскольку минуло всего лишь два дня между датой последнего письма Нильсена (когда Франкен, очевидно, был еще жив) и письма епископа, смерть явилась полной неожиданностью.

После обеда он нанес короткий визит в Хальд и выпил чаю в Беккелунде; при этом он никак не заметил, хоть и был в несколько нервном состоянии духа, никаких признаков того, что глаза или разум подводили его, как он

опасался, исходя из утренних событий.

За ужином он оказался рядом с хозяином.

— Чем объяснить, — начал он после несущественного разговора, — что в большинстве гостиниц в этой стране номера 13 нет в перечне комнат? Я заметил, что у вас его тоже нет.

Хозяина, казалось, позабавил этот вопрос.

— Надо же, вы заметили это! По правде говоря, я сам задумывался об этом один или пару раз. Я уже говорил, что образованный человек не должен обращать внимания на подобные суеверия. Я сам окончил Высшую школу Виборга, и наш старый учитель всегда резко выступал против этого. Он уже давно умер... это был хороший и честный человек и всегда был готов помочь и делом, и советом. Я помню, как мы, мальчишки, в один снежный день...

И он погрузился в воспоминания.

— Значит, вы считаете, что нет никаких препятствий к тому, чтобы иметь 13-й номер? — спросил Андерсон.

— А! На всякий случай. Понимаете, профессии меня обучил мой бедный старый отец. Вначале он содержал гостиницу в Аархуусе, а потом, когда родились мы, переехал сюда, в Виборг, его родной город, и управлял «Фениксом» до самой своей смерти. Это было в 1876 году. Потом я начал свое дело в Силке-

борге и всего лишь год назад въехал в этот дом.

За этим последовали еще подробности о состоянии дома и дел, когда они перешли в его руки.

— А когда вы переехали сюда, номер 13 был?

— Нет, нет. Я собирался рассказать вам об этом. Видите ли, в подобном заведении приходится ориентироваться главным образом на потребности деловых людей — коммивояжеров. Попробуйте-ка поселить их в 13-й номер. Да они скорее будут спать на улице. Что касается лично меня, то для меня не имеет ни малейшего значения, каков номер на двери моей комнаты. Я им так прямо и говорил, но они упорно считают, что он принесет им неудачу. Между ними ходит уйма всяких историй о людях, ночевавших в 13-х номерах и сходявших с ума или терявших своих лучших клиентов... и тому подобное, — сказал хозяин, после того как безуспешно пытался подыскать более образное выражение.

— Тогда для чего же вы используете ваш номер 13? — спросил Андерсон, понимая, что его жадное любопытство никак не соответствовало важности вопроса.

— Мой тринадцатый номер! Разве я не говорил вам, что такого в доме нет? Я думал, вы

это сами заметили. Если бы он существовал, то находился бы рядом с вашим.

— Ну да, я просто подумал, точнее сказать, вчера вечером мне показалось, что я видел дверь с номером 13 в своем коридоре; в самом деле... я почти уверен в этом, поскольку видел ее и позавчера.

Разумеется, герр Кристенсен в ответ на такие слова рассмеялся, как и ожидал Андерсон, и еще раз подчеркнул, что никакого номера 13 в отеле нет и до него не было.

Андерсон почувствовал некоторое облегчение от уверенного тона собеседника, но сомнения не рассеялись, и он начал склоняться к выводу, что лучшим способом удостовериться в том, действительно ли он стал жертвой иллюзии или нет, было пригласить хозяина к себе в номер и выкурить с ним по сигаре в тот же вечер. Несколько фотографий английских городов, которые были у него, создавали весьма удобный предлог.

Герр Кристенсен был польщен приглашением и с удовольствием согласился. Примерно в 10 часов он должен был прийти, но перед этим Андерсон должен был написать несколько писем, поэтому он поднялся к себе. Он чуть было не покраснел, признаваясь в этом, но не мог отрицать, что начинал сильно беспокоиться по поводу существования номера 13; по-

этому он подошел к своей комнате со стороны номера 11, чтобы не проходить мимо той самой двери или места, где она должна быть. Он быстро и внимательно окинул взором комнату, когда вошел в нее, но в ней не было ничего необычного, кроме необъяснимого ощущения, что она была меньше, чем обычно.

Сегодня не было проблемы присутствия или отсутствия его чемодана.

Он сам опустошил его и засунул под кровать. С некоторым усилием он выкинул из головы мысль о номере 13 и сел писать письма.

Его соседи вели себя спокойно. Время от времени открывалась дверь и в коридор выставлялась пара ботинок или мимо проходил коммивояжер, мурлыкая что-то себе под нос, а на улице порой грохотала по неровной булыжной мостовой телега или слышались быстрые шаги по тротуару.

Андерсон разделался со своими письмами, заказал в номер виски с содовой, потом подошел к окну и начал изучать глухую стену напротив и тени на ней.

Насколько он помнил, номер 14 занимал юрист, степенный человек, за едой мало говоривший и обычно погруженный в изучение небольшой стопки бумаг, лежащей рядом с его тарелкой. Однако он явно имел привычку давать выход своим эмоциям, когда оставался

один. Иначе зачем надо было ему танцевать? Тень из соседней комнаты явно свидетельствовала о том, что именно так оно и было. Вновь и вновь его тонкий силуэт пересекал оконный проем, он махал руками, а вытянутая нога делала удивительно проворные движения.

Он был босиком, но на полу должен был быть расстелен толстый ковер, поскольку ни один звук не выдавал его движений.

Герр Андерс Йенсен, адвокат, танцующий в 10 часов вечера в гостиничном номере, был подходящей темой для исторической картины в торжественном стиле, и мысли Андерсона, как у Эмили в «Мистериях Удольфо», начали «сами складываться в стихотворные строчки»:

*Когда вернусь к себе в отель,
Часы пробьют десяток раз,
И все решат, что не в себе я,
Но мне на это наплевать.
Но вот когда я дверь закрою,
То... скинув обувь, в пляс пуцусь.
И пусть ругаются соседи,
Я буду танцевать всю ночь,
Поскольку знаю я закон,
И несмотря на весь их стон,
Протесты я отвергну прочь.*

Если бы хозяин в этот момент не постучал в дверь, вниманию читателя могла бы быть предложена довольно длинная поэма. Судя по

удивленному выражению лица, когда тот вошел в комнату, герр Кристенсен был поражен, как и до него Андерсон, чем-то необычным в облике помещения. Но он не сказал ничего. Фотографии Андерсона сильно его заинтересовали и дали почву для многих автобиографических разглагольствований. Было неясно, как перевести беседу в нужное русло, если бы адвокат вдруг не запел, причем в манере, не оставляющей ни у кого сомнений, что он был либо вдрызг пьян либо сошел с ума. Они слышали высокий тонкий голос с легкой хрипотцой, словно давно не звучавший.

О словах или мелодии не было и речи. Он поднялся на необычайно высокую ноту, а потом опустился до отчаянного стога, словно ветер в пустой трубе или орган, в котором внезапно прервалась подача воздуха. Это был действительно ужасный звук, и Андерсон почувствовал, что если бы он был не один, то сбежал бы в поисках укрытия и общества в номер, занимаемый каким-нибудь коммивояжером.

Хозяин сидел с раскрытым ртом.

— Ничего не понимаю, — наконец выговорил он, утирая пот со лба. — Это ужасно. Один раз я слышал нечто подобное, но решил, что это была кошка.

— Он что, с ума сошел? — сказал Андерсон.

— Наверняка, как это ни печально! Такой хороший клиент и, как я слышал, весьма удачливый в своем деле. У него осталась семья с маленькими детьми.

В этот самый момент раздался нетерпеливый стук в дверь, и стучавший вошел, не дожидаясь разрешения. Это был адвокат в дезабилье и непричесанный; выглядел он крайне рассерженным.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, — но я буду вам очень признателен, если вы перестанете...

Тут он умолк, поняв, что никто из стоящих перед ним не может нести ответственности за причиняемое ему беспокойство. После секундного затишья шум возобновился с еще большей силой, чем прежде.

— Но что же, черт возьми, все это значит?! — взорвался адвокат. — Где это? Кто это? Что я, схожу с ума?

— Это, герр Йенсен, несомненно, исходит из вашей комнаты.

— Может быть, это кошка застряла в трубе или что-нибудь в этом роде?

Это было лучшее, что пришло на ум Андерсону, и он понял всю тщетность своих слов, пока произносил их; но все же это было лучше, чем стоять и слушать этот ужасный голос и смотреть на широкое лицо хозяина, ко-

торый весь покрылся потом и дрожал от страха, сжимая ручки кресла.

— Невероятно, — сказал адвокат, — невероятно. У меня нет трубы. Я пришел сюда потому, что был уверен, что шум исходит отсюда. Это было явно в соседней комнате.

— Не было ли двери между моей и вашей? — нетерпеливо спросил Андерсон.

— Нет, сэр, — весьма резко ответил герр Йенсен. — По крайней мере, сегодня утром.

— Вот именно! — сказал Андерсон. — А сегодня вечером?

— Не помню, — неуверенно произнес адвокат.

Внезапно голос, кричащий и поющий в соседней комнате, умолк, и стало слышно, что певец начал смеяться низким тоном. Трое мужчин задрожали от страха, заслышав этот звук. Потом наступила тишина.

— Итак, — сказал адвокат, — что скажете вы, герр Кристенсен, что это значит?

— Боже мой! — воскликнул Кристенсен. — Что я смогу сказать? Я знаю об этом не больше вашего, господи. Я молю Бога, что... чтобы никогда больше не слышать подобных звуков.

— Я тоже, — согласился герр Йенсен и добавил что-то еле слышное. Андерсону показалось, что это были последние слова Псалты-

ри: «*omnis spiritus laudet Dominum*».

— Но мы должны что-то предпринять, — сказал Андерсон, — втроем. Может, пойдем и посмотрим, что там, в соседней комнате?

— Но это комната герра Йенсена, — простонал хозяин. — Это бессмысленно; он сам только что пришел оттуда.

— Я в этом не вполне уверен, — сказал Йенсен. — Думаю, этот джентльмен прав — нам надо пойти и посмотреть.

Единственными орудиями защиты, которые им удалось раздобыть, были трость и зонтик. Экспедиция вышла в коридор не без дрожи в поджилках. Снаружи стояла мертвая тишина, но из-под соседней двери пробивался свет. Андерсон и Йенсен подошли к ней.

Последний повернул ручку и резко и с силой толкнул ее. Бесполезно.

Дверь была заперта накрепко.

— Герр Кристенсен, — обратился Йенсен к хозяину, — приведите, пожалуйста, самого сильного слугу. С этим надо как следует разобраться.

Хозяин кивнул и поспешил прочь, радуясь, что может покинуть место событий. Йенсен и Андерсон остались стоять в коридоре, глядя на дверь.

— Видите, это номер 13, — сказал последний.

— Да; вот ваша дверь, а вот моя.

— Днем в моей комнате три окна, — выговорил Андерсон, с трудом подавляя нервный смех.

— И в моей тоже, клянусь святым Георгием! — воскликнул адвокат, поворачиваясь и смотря на Андерсона. Теперь он стоял спиной к двери. В этот самый момент дверь открылась, и оттуда высунулась рука, схватившая его за плечо. Она была одета в потрепанный пожелтевший холст, а кожа, там где ее можно было видеть, была покрыта длинными седыми волосами.

Андерсон еле успел вытащить Йенсена с криком отвращения и ужаса; дверь опять захлопнулась, и послышался негромкий смех.

Йенсен не видел ничего, но когда Андерсон торопливо рассказал ему, какому риску тот подвергся, адвокат страшно разволновался и предложил устраниваться из этого предприятия, заперевшись в одной из комнат.

Однако пока он излагал свой план, на месте появились хозяин с двумя крепкими мужчинами; все они выглядели серьезными и встревоженными. Йенсен встретил их потоком описаний и объяснений, что отнюдь не усилило их боевой пыл.

Слуги побросали ломы, принесенные с собой, и прямо заявили, что не собираются рис-

ковать своей жизнью в этом чертовом логове.

Хозяин был до жалости обеспокоен и нерешителен; он понимал, что, если не пойти навстречу этой опасности, его отелю придет конец, но ему лично очень не хотелось идти ей навстречу. К счастью, Андерсон нашел способ поднять дух деморализованного войска.

— Неужели это та знаменитая датская храбрость, о которой я столько слышал? — сказал он. — Внутри нет ни одного немца, а если и есть, то нас пятеро против одного.

Это подтолкнуло двоих слуг и Йенсена к действию, и они нанесли удар по двери.

— Стойте! — воскликнул Андерсон. — Не теряйте голову. Вы, хозяин, стойте вон там с фонарем, а один из вас двоих пусть взломает дверь, но не входите в комнату сразу.

Слуги кивнули, и более молодой из них выступил вперед, занес свой лом и нанес сильнейший удар по верхней дверной панели.

Результат был тот, которого они менее всего ожидали. Не было ни трещин, ни древесных щепок — один лишь глухой звук, как будто удар был нанесен по глухой стене. Слуга с криком бросил свой лом и стал растирать себе локоть. Его крик привлек на мгновение их взгляды, потом Андерсон вновь взглянул на дверь. Она исчезла; ему в лицо смотрела оштукатуренная стена коридора с большой вы-

боиной там, куда пришелся удар ломом. Номер 13 перестал существовать.

Какое-то время они стояли в полном оцепенении, глядя на глухую стену. Было слышно, как во дворе прокричал ранний петух, и когда Андерсон обернулся на звук, сквозь окно в конце длинного коридора он увидел, что небо на востоке побледнело перед рассветом.

— Может быть, джентльмены, — неуверенно произнес хозяин, — вам сегодня потребуется другая комната — на двоих?

Ни Йенсен, ни Андерсон ничего не имели против такого предложения. После последних событий они почувствовали склонность ходить на охоту парами. Они сочли удобным собрать в своих комнатах все необходимое для сна вдвоем, так что один собирал свои вещи, а другой держал свечу.

На следующее утро та же самая компания вновь собралась в номере 12. Хозяин, разумеется, сильно желал уладить все дело без посторонней помощи, и тем не менее было абсолютно необходимо разгадать тайну этой части дома. Поэтому тех двух слуг заставили взять на себя функции плотников. Мебель вынесли и, ценой потери огромного числа безнадежно испорченных паркетных досочек, вскрыли ближайшую к номеру 14 часть пола.

Вы, наверное, уже подумали, что там обнаружили скелет, например, магистра Николаса Франкена. Но было совсем не так. Они нашли между балками, поддерживавшими пол, небольшой медный ящик. В нем находился плотно сложенный документ на пергаменте, примерно с двадцатью строчками текста. И Андерсон, и Йенсен (который оказался кем-то вроде палеографа) пришли в сильное возбуждение от этого открытия, которое могло дать ключ к разгадке этого необычного феномена.

У меня есть экземпляр труда по астрологии, который я никогда не удосужился прочесть. На его фронтисписе помещена деревянная гравюра Ханса Себальда Бехамма, изображающая нескольких святых, сидящих вокруг стола. Эта деталь может помочь знатокам определить книгу. Я сам не могу вспомнить ее название, а достать и посмотреть книгу не представляется возможным; но я хорошо помню, что форзацы фолианта исписаны рукописным текстом, и за 10 лет, что я владею этим томом, я так и не смог определить, с какой стороны надо читать этот текст, не говоря уже о том, на каком языке он написан. В похожей ситуации находились и Андерсон с Йенсеном после длительного изучения, каковому они подвергли документ из медного ящика.

После двухдневного созерцания Йенсен, как более смелый, рискнул высказать предположение, что язык пергамента был либо латинским, либо стародатским.

Андерсон не высказал никаких предположений и очень желал пожертвовать ящик и пергамент Историческому обществу Виборга для помещения в его музей.

Через несколько месяцев я узнал от него всю эту историю, когда мы вдвоем сидели в роще недалеко от Упсала после посещения тамошней библиотеки, где мы, точнее сказать я, посмеивались над договором, согласно которому Даниэль Сальтениус (в прошлой жизни профессор иврита в Кенигсберге) продал душу дьяволу. Андерсон же вовсе не был весел.

— Молокосос! — воскликнул он, имея в виду Сальтениуса, который еще не окончил университет, когда допустил такую неосмотрительность. — Знал ли он, с кем связывается?

Когда я высказал тривиальные соображения по этому поводу, он лишь усмехнулся. В тот же день он рассказал мне то, что вы сейчас прочитали, но отказался делать из этого какие-либо собственные выводы и не согласился с моими.

Элеонора Смит

**ВОСКОВАЯ
ФИГУРА
МИССИС
РЕБЕРН**

Дождь, так долго ливший с безжалостной жестокостью на крыши и трубы большого промышленного города, казалось, окружил его высокими глухими стенами из полированной стали. Короткий зимний день уже близился к концу, а дождь все шел не переставая с самого рассвета и собирался лить всю ночь напролет. Темные сырые сумерки обволокли город, как соболье одеяло; уличные фонари ожили и замаячили, словно призраки залитых водой бледно-желтых нарциссов, отбрасывая дрожащие отблески на мостовые, превратившиеся в настоящие реки. Немногие люди осмеливались идти по унылым улицам, а те, кто решился на это, вынуждены были пробиваться сквозь колючие порывы ветра, сгибаясь в три погибели под тяжестью насквозь промокших зонтов.

Одним из них был Патрик Ламб, и он так спешил, что не раз споткнулся о невидимый бордюр, рискуя угодить вместе с зонтом в пенящийся грязный поток, бегущий по водосточной канаве. У него имелись веские осно-

вания, чтобы торопиться; он шел, чтобы попытаться получить работу, и опасался, что опоздает заполнить вакансию, которая так много значила для него.

Свернув наконец на узкую и темную улицу, он увидел перед собой ветхое здание из желтого кирпича, над крышей которого возвышался стеклянный купол, покрытый вековой грязью и копотью.

Лестница из узких ступенек вела к двустворчатой двери. Это и была цель его путешествия.

Он распахнул дверь и очутился перед турникетом, рядом с которым сидел нездоровый на вид человек в сшитой не по росту форме, напоминавшей униформу пожарника.

— Шесть пенсов, пожалуйста, — процедил тот сквозь зубы.

Патрик Ламб замотал головой.

— Нет... я не посетитель. У меня назначена встреча с мистером Мугиваном, управляющим.

— А-а, — понимающе произнес служитель и проводил его в крохотный закуток, заваленный бумагами, папками, бухгалтерскими книгами и пылью. Там сидел мистер Мугиван — упитанный низкорослый человек с толстыми ногами и лицом, напоминающим помидор.

— Добрый день, — неуверенно произнес Патрик Ламб. — Я слышал, у вас есть вакан-

сия... зрителя.

Мистер Мугиван какое-то мгновение пристально смотрел на желтоватое вытянутое лицо молодого человека, его глубоко посаженные серые глаза и худое и хилое тело.

— Кто вам об этом сказал?

— Моя квартирная хозяйка на Бэри-стрит. Она знала последнего человека, работавшего на этом месте.

— А что заставило вас прийти?

— Нужда. Я ищу работу. Я сел на мель, работая в театральной труппе.

Воцарилось молчание. Внезапно мистер Мугиван рассмеялся, вызываясь посмотреть на посетителя маленькими красными глазками, сильно смахивавшими на свиные.

— Разве не падение — актеру присматривать за выставкой восковых фигур Мугивана?

— Не имеет значения, сэр. И если вы только позволите, я отлично присмотрю за ней.

— Рабочий день здесь долог, — сказал хозяин все еще с презрением, — с 9 утра до 7 вечера. Час на обед и столько же на чай. Два фунта в неделю, и зритель должен носить униформу. Разве актеру это может понравиться?

— Может, я вовсе не актер, — возразил Патрик Ламб.

Мистер Мугиван сплюнул на пол.

— Я дам вам испытательный срок. Как вас зовут?

Патрик назвал себя.

— Хорошо, Ламб, — хозяин встал со стула, отчего тот закрипел, при этом случайно обнаружилось, что он носил ворсистые шлепанцы и имел шишки на больших пальцах ног, — пойдите со мной; я покажу вам красоты Мугивана, прежде чем вы уйдете. Можете приступить к работе с завтрашнего утра.

Ламб послушно последовал за своим новым работодателем через турникет, послушно повернутый другим смотрителем, по узкому выбеленному коридору в большой зал.

— Когда-нибудь видели восковые фигуры? — поинтересовался мистер Мугиван.

— Восковые фигуры? Только когда был еще ребенком.

— Зал монархов, — сказал Мугиван, неодобрительно причмокивая языком.

Комната, в которой они оказались, была лишена мебели и напоминала склеп. Ее стены были также побелены, пол покрыт драгетом, а в середине стоял диван, обитый потертым малиновым плюшем. Несмотря на почти полное отсутствие мебели, комната была отнюдь не пустой, а наоборот, переполненной толпой немых, застывших и безмолвных фигур. Они стояли группами, каждая группа на отдельном

помосте, и были отгорожены от публики красным шнурком, который окружал их, как ограда загона — овец, так что, даже если бы они хотели убежать, им все равно пришлось бы навеки остаться здесь. Они стояли и, несомненно, должны были простоять еще много веков, эти мишурные короли и королевы, Плантагенеты и Стюарты, Тюдоры и представители Ганноверской династии, молчаливые и ужасно отстраненные, с бледными щеками и стеклянными глазами, безразличные ко всем, кто проходил мимо и смотрел на них, — сонм мертвых восковых принцев, многие из которых уже были забыты, страшно одинокие в своем кричащем великолепии, жуткие в своем грубом сходстве с живыми людьми, которое, однако, лишало их даже частиц жизни, делая их застывшими, замороженными и смотрящими неподвижным взглядом, в то время как пыль покрывала толстым слоем их дешевые старомодные наряды из малинового бархата и поддельного горноста.

Напротив двери, через которую они вошли, находилась другая дверь, ведущая в следующий зал. Мистер Мугиван шагнул впереди.

— Курьезы и ужасы, — беззаботно объявил он. Они прошли через вторую дверь.

За ней была еще одна комната, точная копия первой, но слабее освещенная и наводя-

шая еще большее уныние, чем даже Зал монархов, поскольку подсветка этой тоскливой сцены была зеленоватой, мертвенно-бледной, словно свет исходил от канделябра с болотными гнилушками. Здесь, словно в мрачной пещере, еще более плотными рядами стояли неподвижные невозмутимые фигуры, еще бледнее, чем монархи, и еще более отталкивающие, поскольку их застывшие, безразличные ко всему тела были одеты в повседневную одежду, не имевшую великолепия одеяний принцев, хоть и поддельных. В одном из углов комнаты белел скелет, в другом месте красовались чучело шестиногого быка, крошечный восковой карлик и гигант местного масштаба. Кроме них в зале находились лишь люди, совершившие убийство и понесшие за это наказание, — толпа, неподвижно смотрящая прямо перед собой, с невыразительными, окаменелыми, маскообразными лицами, словно погруженная в тяжкие раздумья о совершенных преступлениях.

Мугиван, казалось, почувствовал себя более уверенно в обстановке второй комнаты. Он стал гораздо разговорчивее.

— Вот Хопкинс, душитель из Норвика... Трейси, застреливший полицейского... Джон Джозеф Гилмор, перерезавший глотку своей жене и двум детям...

Они шли через комнату. И тут, возле узкого оконного проема, пересеченного стальными прутьями, Патрик впервые увидел ее. Она стояла на индивидуальном небольшом помосте, молодая женщина, одетая в облегающее платье старомодного покроя. Она держалась гордо, словно королева, и, в отличие от других фигур, чьи лица не выражали абсолютно ничего, она одна, с гордо поджатыми губами и коротким высокомерным носом, показалась ему живой, возможно, потому, что она олицетворяла собой воплощенную надменность. Она стояла легко и грациозно, ее длинные руки были сложены на груди, и Патрик, смотря на нее, почувствовал на себе спокойный, чуть насмешливый взгляд ее серых глаз. В какое-то мгновение у него в груди екнуло сердце, он слегка испугался и внезапно почувствовал желание подойти поближе и получше рассмотреть ее, потом в его душу закралось чувство странного дискомфорта. Он чувствовал себя растерянным и отвел глаза.

— Кто эта женщина? — импульсивно спросил он, позднее поняв, что спрашивать лучше не стоило.

Мистер Мугиван ответил ему невзначай, повернувшись спиной к фигуре:

— Это миссис Реберн, отравительница... ну, вот и все, пойдем отсюда.

— Миссис Реберн? Мне кажется, я знаю эту фамилию.

— Без сомнения, без сомнения. Одно время она была хорошо известна.

Они ушли в Зал монархов, а Патрик все никак не мог выбросить из головы высокомерный сверлящий взгляд серых глаз, который, как ему казалось, все еще преследовал его. Искусственные глаза искусственной женщины, восковой фигуры! Он чувствовал себя крайне нелепо.

Мистер Мугиван не сказал ничего, пока они вновь не оказались в его маленьком кабинете. Там, угостив Патрика сигаретой, он спросил:

— Вы случайно не впечатлительный человек?

— Впечатлительный? Вы имеете в виду — нервный? Нет, мне так не кажется. А почему вы спросили?

— Здесь не место впечатлительным, — словно выдавая секрет, сказал мистер Мугиван, показав рукой в сторону выставки. — Большую часть времени находишься в полном одиночестве, и если подумаешь, что фигуры смотрят на тебя, то все, с тобой покончено. Последний зритель пристрастился к фантазиям. Вот почему вы заняли его место.

Патрик чуть было не взбесился.

— Я могу твердо заверить вас, что у меня не будет фантазий, — насмешливо сказал он. — Может быть, я не особенно храбр, скорее наоборот, но должен сказать, что меня не напугаешь кучей восковых кукол.

— Восковые фигуры — это не куклы, — возмущенно поправил его мистер Мугиван.

— Хорошо, фигур, — и подумал: «Если уж говорить о фигурах, то у миссис Реберн фигура очень даже ничего».

Однако ни он, ни мистер Мугиван не упомянули имя женщины вслух.

— Тогда завтра в девять, — сказал мистер Мугиван.

— Завтра в девять.

На этом они расстались.

На следующий день он обнаружил две особенности своей новой работы. Одна заключалась в том, что долгое и зачастую одинокое дежурство рядом с восковыми фигурами порой вызывало у него странное и жутковатое чувство: будто он заживо погребен в склепе, заполненном мертвецами, другая — что с наступлением утра миссис Реберн опять превратилась в восковое изображение, перестав быть живой, дышащей женщиной. Это успокаивало его, но в то же время странным образом расстраивало, поскольку он не мог отрицать, что в течение

ночи он часто думал о ней и возможность еще раз встретиться с прямым взглядом ее крайне насмешливых глаз несомненно подталкивала его и гнала по унылым улицам, наполняя душу нетерпеливым жгучим волнением, которое он, правда, без особого энтузиазма, пытался погасить.

Утром он изучал каталог выставки, пытаясь выучить биографические данные многочисленных принцев и убийц. Он привык заучивать наизусть, и через три часа его задача была почти выполнена, за единственным исключением. Странное чувство отвращения не давало ему прочесть в каталоге, даже для себя, краткое изложение преступлений миссис Реберн, не позволяло узнать через посредство абзаца дешевого «слепого» шрифта, что она была скверной женщиной, настоящим чудовищем, воплощением порока и жестокости. Вынув из кармана перочинный нож, он вырезал из каталога весь текст о ее грязных делах. Тем не менее она все утро оставалась безжизненным изображением, и, раз взглянув на него, он с удовлетворением отвернулся.

После обеденного перерыва он вернулся на длительное дневное дежурство. Посетителей было немного: двое школьников в сопровождении тетки, старой девы, две девушки, все время хихикавшие и застенчиво рассматри-

вавшие его, старик и влюбленная парочка, откровенно считавшая его присутствие большим неудобством.

На улице стоял туман; сумерки наступили рано. Впервые за день, когда он ходил по Залу монархов, он почувствовал одиночество своего нынешнего положения. К нему опять вернулось ощущение, что он заживо погребен среди мертвых, усиленное к тому же надоедливой и мрачной меланхолией, в то время как утром к этому примешивалось чувство приключения. Его шаги — единственный звук в безмолвном помещении — мрачно отдавались в ушах. Ему хотелось курить, но это, конечно же, было запрещено.

Наконец он повернулся и, повинувшись внезапному порыву, становившемуся с каждой секундой все сильнее, пошел в дальний зал — Зал курьезов и ужасов. Здесь сумерки придавали мрачный оттенок бледным поблескивающим лицам убийц, поднятым вверх, словно чтобы поприветствовать первых темных и туманных вестников ночи; лица опять стали зеленоватыми, угрюмыми и выражали полную безнадежность беспрекословного смирения с утомительным пребыванием в этой слабо освещенной комнате, дышавшей благородным разрушением.

Он подошел прямо к фигуре миссис Ре-

берн, тихо и прямо стоявшей на своем постаменте у зарешеченного окна. Он никогда не стоял так близко от нее; их глаза встретились, и у нее опять появилась та искорка жизни, которая произвела на него столь необычное впечатление в предыдущий день. Несколько секунд он смотрел не отрываясь в ее бледное, четко очерченное лицо, на ее открытые насмешливые глаза. В ответ на его испытующий взгляд она посмотрела на него сурово и презрительно, но с проблеском интереса и юмора. Ему показалось, что она была женщиной, привыкшей к любопытным взглядам и способной защититься от назойливых глаз.

Внезапно, к собственному удивлению, он заговорил с ней, и его голос звучал весьма странно в этой тихой комнате.

— Интересно, что вы совершили? — отрывисто спросил он. — Ради Бога, скажите, что вы такого натворили, что оказались здесь?

Последовала долгая пауза, в течение которой он продолжил внимательно рассматривать ее. Было ли это плодом его воображения, или ее губы действительно сложились в улыбку, а глаза моргнули в ответ? Потом он резко обернулся, так как услышал (или ему показалось?) мягкое, нежное, нетерпеливое шуршание из толпы фигур у него за спиной. Но тут он был спасен, так как в зал с топотом вбежали двое мальчиков.

На следующий день он твердо решил не выходить из Зала монархов. Здесь вместе с безжизненными манекенами, изображавшими давно умерших людей, он ощущал себя в безопасности. В той, другой комнате он чувствовал, что подвергается риску. И через день, хоть он и жаждал взглянуть на бледное лицо миссис Реберн, все еще держался поодаль. Потом была суббота, и на выставку шел непрерывный поток постоянных посетителей, которые делают даже самый промозглый склеп домашним и прозаичным. А потом было воскресенье — выходной.

В понедельник, вернувшись на выставку, он был готов смеяться над собой за то, что оказался таким впечатлительным глупцом.

Дождь прекратился; робкие бледно-желтые лучи солнца, просачивающиеся сквозь зарешеченное окно второго зала, делали даже миссис Реберн не более чем искусно наряженной куклой в человеческий рост. И он разговаривал с ней, будто она была живой и могла слышать и понимать его! Он был противен самому себе.

Однако с быстрым наступлением сумерек убийцы опять изменились: по своему обыкновению, с приходом ночных теней их злобные и деятельные натуры проявляли себя в полную силу: казалось, они расправляли плечи, словно освободившись от долгого заклатья, обрекав-

шего их на неподвижность; они кивали друг другу, даже подмигивали, возможно, стряхивали пыль с поношенной одежды, зевали и тихо ждали закрытия выставки. Так думал Патрик, но разглядеть он не мог из-за густых теней в его потерянной и забытой комнатенке.

Он подошел к изображению миссис Реберн и не удивился, обнаружив, что ее глаза, живые и блестящие, почти лихорадочные из-за своей страстной энергии, неотрывно смотрели на него, словно она ждала, не заговорит ли он с ней опять после трехдневного отсутствия.

Он, однако, молчал. Он смотрел на ее горделивый и прекрасный рот, ее длинные бледные руки, на белизну ее шеи и признался самому себе, что желал ее. Нет, он не испытывал стремления непосредственно коснуться ее, просто он страстно жаждал, чтобы жесткое восковое тело превратилось в мягкую живую плоть и кровь.

Где-то это чудо должно было, однако, произойти, поскольку если он не мог обладать ею, то это потому, подумал он, что она наложила на него порчу, и теперь он непременно зачахнет и заболеет, так как она была могущественной и безжалостной колдуньей, и он оказался у нее в рабстве. Наконец он тихо заговорил с ней, не понимая, что несет.

— Ты колдунья, — начал он, — и ты за-

владела моей душой и телом. Тебя надо сжечь, но, поскольку ты сделана из воска, уничтожить тебя будет нетрудно... и у меня есть сильное желание попробовать.

На этот раз ошибки быть не могло; в ее глазах появился блеск сардонического хохота, на губах — странная проказливая улыбка.

Она бросала ему вызов. Как и раньше, ряд убийц позади него, казалось, одновременно зашевелились, возбужденно перешептываясь.

И как и прежде, его спас звук шагов из внешнего мира. Он резко обернулся. В комнату вошла женщина.

Патрик напрягся, опять став почтительным и бдительным зрителем. Женщина секунду колебалась, потом медленно подошла к нему; она была старой, согнувшейся и низкорослой и передвигалась с помощью палки. Он смутно уловил, что одета она была в выцветшее темное платье, неряшливый капор, косо сидевший на голове, и тонкую вуаль, частично закрывавшую лицо. Он вежливо поклонился.

— Слушаю вас, мадам. Могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

— Да, — ответила старуха. Она говорила отчетливо и решительно — голосом человека, привыкшего повелевать. — Я по глупости не купила каталог на входе, а поскольку я стара и хожу не так хорошо, как бывало, то не могли

бы вы, чтобы мне не идти обратно, рассказать что-нибудь о восковых фигурах. Это убийцы, правда ведь?

Патрик, чрезвычайно довольный тем, что может занять голову столь привычным делом, машинально начал:

— Да, мадам. Справа от меня — Ричард Сеерз, шотландский похититель трупов, который убил двоих, прежде чем был арестован, и отрицал свою виновность до конца... Рядом с Сеерсом — выполненная Мугиваном реконструкция облика Джека-потрошителя — преступника, который так и не был схвачен... Эта фигура выполнена по описаниям людей, утверждавших, что видели его до или после совершения гнусных преступлений... Рядом с Джеком Потрошителем у нас Ландру...

Но пока его голос монотонно излагал сведения об экспонатах, он с ужасом ждал момента, когда они подойдут к миссис Реберн и он взглянет на ее бледное отстраненное лицо, вновь встретившись с ее неотрывным презрительным взглядом. Он задержался около карлика, быка-урода, местного гиганта. Старуха внимательно слушала его, сверкая из-под вуали маленькими глазками-бусинками. Раз другой она задавала ему вопросы, но в остальном молчала, явно наслаждаясь монотонным перебором гнусных и жестоких преступлений.

Наконец наступил момент, которого Патрик так боялся, больше нельзя было оттягивать — они подошли к стоявшей у зарешеченного окна фигуре миссис Реберн, стройной, прямой и хладнокровной. Внезапно Патрик вспомнил, что ничего не знает об этой преступнице, кроме того, что она совершила убийство с помощью яда; здесь он стоял молча и не мог рассказать никаких жутких подробностей и даже не знал, кто был ее жертвой; просто она была молодой и красивой и наложила на него заклятье, и об этом нельзя было рассказывать его нынешней спутнице. Последовала пауза, в течение которой старуха внимательно рассматривала восковую фигуру, не проронив ни слова.

Наконец он промямлил:

— Это миссис Реберн... отравительница.

Говоря это, он бросил быстрый взгляд на фигуру и заметил, что лицо ее опять стало маскообразным и ничего не выражающим, безразличным как к нему, так и к старухе. Ведьма опять превратилась в восковую фигуру.

Старая дама подошла к фигуре поближе, посмотрела на нее со вниманием и любопытством, потом повернулась к Патрику и критически заметила:

— Сходство не очень хорошее.

Он был поражен и устался на нее, не в силах понять смысл ее слов.

— Вы знали ее? — спросил он.

Она ничего не ответила, но произнесла, не отрывая глаз от фигуры:

— Она была выше ростом, в ней было больше достоинства, самомнения. И, как мне кажется, она была шире в плечах. Но это было так давно. — Лицо старухи при этом непрерывно менялось.

Он повторил вопрос. Он весь дрожал, руки его заоченели, в голосе бессознательно появились угрожающие нотки.

— Вы ее знали?

Старуха впервые повернулась, чтобы посмотреть на него, и принялась внимательно разглядывать. Она усмехнулась, и поначалу ему показалось, что засмеялась одна из восковых фигур — столь призрачным и неожиданным был этот тихий булькающий звук в тишине сумрачного зала.

Она сказала, все еще смеясь:

— Я и есть миссис Реберн.

И так как он ничего не ответил, она откинула вуаль. Она была моложе, чем ему показалось вначале. У нее было толстое массивное лицо с большим подбородком, желтоватое, нездоровое, с широкими монголоидными скулами. Ее нос был толстым и широким, и от ноз-

дрей к углам рта шли две глубокие морщины. Ее маленькие острые серые глаза почти совсем скрывались в жирных складках кожи. Из-под капора из шодди выбивалась прядь волос, что была выкрашена в ярко-оранжевый цвет. Это лицо, столь нагло смотревшее на Патрика, было отмечено следами всех гнусных и непристойных пороков; бесстыдное, распутное, столь грубое, что его можно было трижды назвать мордой животного; казалось, оно висело в воздухе, это химерическое лицо, торжествуя над его страхом и смущением. Потом женщина быстро опустила вуаль и решительно заметила своим ясным и гулким голосом:

— Ваша фигура не делает мне чести. — Через секунду она исчезла, а восковая фигура миссис Реберн, отравительницы, оставалась стоять, спокойная, бледная и отстраненная, на своем пьедестале и казалась еще бледнее и еще спокойней теперь, когда оказалась в центре потока холодного лунного света.

Патрик выбежал вслед за старухой, не потому, что хотел увидеть ее вновь, но потому, что из-за них обоих восковая фигура стала еще более отвратительной, но когда он оказался в Зале монархов, она уже исчезла.

Он прождал, чувствуя тошноту и дрожь, пока часы не пробили семь и выставка закрылась; потом он отправился искать мистера Му-

гивана, которого нашел в его кабинете за чтением вечерней газеты с ногами, положенными на стол.

— Добрый вечер. — сказал Патрик. — Мне нужно кое-что сказать вам.

Мистер Мугиван отложил газету.

— Боже мой, как вы плохо выглядите, молодой человек.

Патрик выпалил:

— Знаете, кто был здесь сегодня?

— Нет, — ответил мистер Мугиван. — Я — хозяин выставки восковых фигур, а не волшебник. Кто же здесь был?

— Миссис Реберн. Настоящая миссис Реберн. Она пришла взглянуть на свою восковую фигуру. Она только что ушла.

Мистер Мугиван зевнул, и на его красном лице проступили странным образом перемешанные багровые и белые пятна.

— Миссис Реберн?

— Да.

Мистер Мугиван не без труда слез со своего стула.

— Миссис Реберн? Вас кто-то одурачил. Кроме того, вы не выучили каталог. Надо же, миссис Реберн!

И он вытащил брошюру из своего неприбранного стола, лизнул палец и открыл страницу.

— Миссис Реберн, — начал он, говоря очень громко и не глядя на Патрика, — была вздернута на виселице, повешена, понимаете, повешена за шею за убийство своего мужа более двадцати лет назад. Так что вы никак не могли видеть ее прямо сейчас. Ну, на сегодня хватит чепухи.

Патрик ничего не сказал. Сказать было действительно нечего.

Мистер Мугиван также не нарушил молчания и стал вперевалку расхаживать по маленькой комнате, переобувшись из шлепанцев в ботинки, с трудом натянув пальто и напялив клетчатую кепку. Через секунду он ушел.

Патрик погасил свет в кабинете, потом прошел в залы, чтобы привернуть газовые рожки, перед тем как запереть выставку на ночь. Его коллега на турникете уже ушел домой; он оказался один, совершенно один вместе с более чем сотней восковых фигур. На улице было совсем темно, так как луна спряталась за плотные облака; из-за закрытых ставнями окон слышался свист сильного порывистого ветра.

Он остановился, чтобы закурить запрещенную сигарету, и тут со странной отрешенностью понял, что сегодня днем видел не привидение, а нечто еще более ужасное — душу, лишившуюся тела.

Черную и злую душу этой испорченной женщины, чей прекрасный образ околдовал его. Отвратительная тень отвратительного духа. За кажущейся непорочностью и красотой всегда прятался этот ужас, дремавший в ожидании удобного момента, чтобы броситься и погубить. Ветер усилился, стеная и ударяя в оконные стекла.

В такую ночь, подумал он, медленно шагая к монархам, упыри непременно выползают из своих логовищ, и ведьмы носятся по воздуху, сжимая между ногами свои метлы и выкрикивая призывы к Сатане. Вампиры, колдуны, демоны. Ночные ужасы... Он поднялся на цыпочки, чтобы убавить газ над бледным безучастным лицом короля Ричарда II... В старые времена ведьм сжигали живьем, как теперь пугала пятого ноября... И после сожжения, предположил он, эти злые женщины больше не могли причинить вреда, но были уничтожены навсегда они и их чары. Хорошее дело. Он вошел во вторую комнату.

В ту ночь жители города с удивлением наблюдали темно-красное зарево над крышами домов далекой улицы. Потом ударили в набат, заревели моторы пожарных машин и крики возбужденной толпы, бегущей вслед за пожарными. Горела выставка восковых фигур Муги-

вана. Никто не хотел пропустить такое зрелище, вдвойне радуясь тому, что оно было бесплатным.

В ту ночь ветер был сильным и яростно раздувал пламя до тех пор, пока усилия вооруженных брандспойтами пожарных не стали умилительными в своей беспомощности. В конце концов рухнула крыша и столб ревающего пламени вырвался в небо. Они торжествовали, эти языки пламени, словно знали, что они несли очищение, уничтожая ведьму.

К утру выставка восковых фигур Мугивана превратилась в мокрые закопченные руины. Многие фигуры были совсем уничтожены, и монархам в целом повезло меньше, чем убийцам. В Зале курьезов и ужасов уцелело несколько экспонатов. Некоторые остались сравнительно нетронутыми огнем. Миссис Реберн, например, вышла из испытания невредимой и стояла на своем пьедестале гордо и грациозно, притворно-застенчиво сложив руки на груди. Тем не менее при ближайшем рассмотрении миссис Реберн не осталась совсем неповрежденной. Ее восковое лицо оплавилось и покрылось потеками, отчего на нем появилась странная дьявольская усмешка.

Если бы не гордая осанка, ее невозможно было бы узнать — настолько исказился ее облик. А потом пожарные обнаружили еще кое-что.

Рядом, там, где пламя горело сильнее всего, лежал обугленный промокший ком одежды. Они наклонились, чтобы рассмотреть его.

Это было, как они обнаружили, человеческое тело, останки молодого мужчины.

A decorative border surrounds the central text area. It features a repeating pattern of stylized skulls and floral motifs, possibly representing a 'Gothic' or 'Horror' theme. The skulls are positioned at regular intervals along the top and bottom edges, while the floral motifs fill the spaces between them. The entire border is rendered in a black and white, woodcut-like style.

Джей Стрит

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК

Как это обычно делается? Артист так называемого «оригинального жанра» обычно привлекает внимание публики к одной руке, а другой в это время проделывает свои жульнические трюки. Этот метод, известный под благозвучным термином «отвлечение внимания», и является основой в работе фокусника. Так оно и ведется с тех самых пор, когда впервые был проделан трюк с пятью хлебами.

Эти двое болванов из зала старательно обмотали запястья Ферлини тяжелым тугим проводом и крепко-накрепко завязали его. Наиболее воинственно был настроен тот усатый типчик, что пониже ростом: он дергал и тянул шнур с таким усердием, что казалось, вот-вот перережет плоть. Потом они стянули лодыжки Ферлини железными кандалами и долго проверяли надежность их запоров. Наконец, пыхтя и отдуваясь, поднялись над своей жертвой, казалось, вполне удовлетворенные ее беспомощностью.

Публика шумела и переговаривалась. На сцену вышла женщина в платье с блестками и

поставила перед связанным телом ширму. Не прошло и минуты, как торжествующий Ферлини отбросил ширму в сторону, потрясая в руках разорванным канатом и кандалами.

Публика небольшого ночного клуба замерла в восхищении, а через секунду разразилась бурными аплодисментами. Услышав гром рукоплесканий, Ферлини засиял. Это был светловолосый и белокожий подтянутый мужчина, почти альбинос, и даже горячему солнцу пустынь не удавалось изменить этот цвет. Но признание публики вызвало на его щеках яркий румянец удовлетворенного тщеславия.

Двое добровольцев, покачивая головой и смущенно усмехаясь, вернулись к своим столикам под свист и презрительные смешки приятелей. Небольшой оркестр из шести музыкантов заиграл танцевальную мелодию. Ванда, жена Ферлини, профессиональная партнерша для танцев, покачиваясь в такт музыке, прошла через весь зал, взяла ширму и унесла ее за кулисы. Вслед ей раздались поощрительные свистки и жидкие аплодисменты. Она знала, что публика оценила ее ноги, не больше. Ей было уже за сорок, и чтобы сохранить остатки былой красоты, приходилось накладывать на лицо все больше и больше слоев театрального грима. Но ноги, длинные, стройные, без единой прожилки, были все еще очень хороши.

По пути в гримерную она столкнулась с

Бэггетом, который, глядя на нее с нежностью, протянул руку к ширме:

— Разреши, я помогу тебе.

— Спасибо, Томми. Не надо, — прошептала она.

— Сегодня он всем понравился, не так ли?

Она нахмурилась, отчего сквозь толстый слой грима проступили глубокие складки и, пожав плечами, сказала:

— Просто сегодня такая публика. И ты тоже когда-нибудь понравишься.

— Спасибо, — сухо ответил Бэггет, стареющий исполнитель сентиментальных песенок.

— Я не то хотела сказать, Томми, — она прислонила ширму к стене и приблизилась к нему. — Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, то есть к твоему пению.

— Понятно. Теперь ты сказала то, что хотела?

— Я, пожалуй, лучше пойду, — сказала Ванда.

Войдя в гримерную, она застала своего мужа в хорошем настроении, и это его настроение она любила меньше всего. Он пялился в зеркало, яростно растирал полотенцем плечи и широко улыбался, так широко, что были видны почти все зубы, большие и крепкие.

— Эй, а сегодня меня хорошо принимали.

Даже очень, — сказал он счастливо. — У меня такое чувство, будто я вылез из стального ящика. Видела этого коротышку? — Он загоготал и ударил по туалетному столику. — Он-то думал, что скрепил меня насмерть этими проводами. Видела, как он кряхтел, чтобы шнур затянуть покрепче. Такие вот недомерки хуже всего. Обожаю делать из них дураков.

Он повернулся и посмотрел на жену, глядящую в никуда пустыми глазами.

Тогда он сжал кулаки, напряг свои мускулы и раздул грудную клетку, чтобы показать всю мощь своей фигуры, столь важную для его занятий.

— Взгляни-ка сюда. Видела что-нибудь подобное? Кто даст мне сорок шесть? Ну-ка скажи.

— Греческий бог, — с горечью отозвалась Ванда. — Кстати, о грехах. Мы приглашены сегодня вечером на обед. Роско угощает.

— Ох уж этот Фил. Он всегда портит мне аппетит, — посетовал Ферлини все с той же усмешкой. — Ты слышала, как он сказал, что этот мой последний номер с высвобождением из пут кончился? Как тебе это нравится? Ему бы следовало посмотреть на публику сегодня, а? Думаю, он сразу бы заговорил по-другому.

— Ведь это он вовлек тебя в дело, не правда ли? Ну тогда и подумай, кому лучше знать, кончился этот трюк или не кончился. — Ванда

зевнула и начала переодеваться. Внезапно она вспомнила что-то и, отирая на ходу грим, снова подошла к столику мужа.

— Послушай, когда сегодня встретимся с Филом, ради всего святого, не заводи с ним опять разговор об этом трюке с водой, понял? У меня голова начинает раскалываться, когда я слышу про это.

— А, — махнув рукой, сказал Ферлини. — Просто ты стареешь, Ванда. Вот в чем твоя беда.

— Ой, кто это говорит, послушайте-ка его. Ты, между прочим, тоже не цыпленок, и уже давно. Так что не забывай об этом.

Он посмотрел на нее, ехидно улыбаясь.

— Я насчитал у тебя десять новых морщин только с прошлой недели, сладкая моя. Давно не разглядывала себя? Ну так пойд и посмотри, у тебя ведь есть зеркало?

— Иди к черту!

— Нет. Пойди и посмотри! — вдруг закричал Ферлини. Затем он вытянул свою сильную мускулистую руку, схватил ее за запястье и подвел к освещенному зеркалу, стоящему у него на столе. Он чуть не ткнул ее лицом в это зеркало. Она взглянула на свое отражение, на расплывшуюся на лбу и подбородке оранжевую косметику, на старческие морщинки вокруг рта, на мешки под глазами и отвернулась, но Ферлини держал ее мертвой хваткой.

— Отпусти, Джо. Ради Бога, прекрати!

— Ну так кто из нас старый, а? Я моложе тебя, потому что держу себя в форме и слежу за собой, поняла? И никогда не называй меня старым, слышишь?

— Хорошо, хорошо.

Он с явным сожалением отпустил ее, злобно прошипев еще что-то.

Прекрасное настроение было испорчено. Ванда со слезами на глазах прошла в другой конец комнаты заканчивать свой туалет.

— Не все еще считают меня старой, Джо, — прошептала она. — Не все.

— Заткнись и одевайся скорее. Мы, кажется, собирались на обед? Ну так идем. Кроме того, — он встал и похлопал себя по плоскому животу, — я бы хотел поговорить с Роско кое о чем. И о трюке на воде, в том числе.

Ванда промолчала.

Ресторан, который выбрал Роско, был под стать ему самому: уже переживший свои лучшие дни, слегка потрепанный, но довольно приятный и хорошо освещенный. Роско галантно подвинул стул для Ванды, но Ферлини плюхнулся на него, схватил со стола булку и разломил ее пополам. С набитым ртом он обратился к Роско.

— Тебе бы, Фил, следовало посмотреть на меня сегодня. Я был в своей самой лучшей форме. Вон Ванда не даст соврать, да, Ванда?

Ванда вымученно улынулась:

— Публика сегодня была хорошая.

— Публика хорошая? Да меня три раза вызывали и три раза поднимали занавес, — воскликнул Ферлини, забыв, что он работал без занавеса и без вызовов на «бис». — Я тебе говорю, Фил, что номер с разрыванием и освобождением еще долго будет проходить на «ура» и иметь успех. А я собираюсь быть на гребне его. Особенно после того, как проведем трюк на воде.

— Что? Опять? — заорал Фил. — Слушай, мы не выпили еще ни капли, а ты опять за старое.

Ферлини довольно загоготал и крикнул официанта.

Для Ванды этот обед был утомителен от начала и до конца. Ферлини и его менеджер говорили и говорили. Все это она слышала уже много раз.

— Пойми, Джо, — говорил Роско, — времена теперь не те. Несколько лет тому назад хороший пресс-агент мог бы поднять шумиху вокруг «парня-разрывателя цепей» прямо на первой полосе большой газеты. Да только Гудини мертв, Джо, не забывай это.

— Да, Гудини умер. Но я жив. Я — Джо Ферлини!

— Ну, от излишней скромности ты, Джо, никогда не страдал.

— Послушай, — раздраженно сказал Ферлини. — Ну что такое делал твой Хаудини, чего не мог бы сделать я? Я работаю с тросами, цепями, кандалами. Могу освобождаться из мешков, коробок, корзин с крышками, сундуков. Могу делать трюк с наручниками и смирительной рубашкой. Могу делать такие трюки, какие и не снились этому Хаудини. Кроме того, тебе же известно, что он трюкачил с фальшивыми материалами...

— А ты так никогда не делал, — хмыкнула Ванда.

— Ну, я тоже иногда. То есть у меня тоже бывали и фальшивые гвозди, и отмычки, и прочее хламье. Но ты ведь знаешь меня, Фил. Лучшие свои номера я делаю мускулатурой. Разве не так?

— Так. Так. Ты великий человек, Джо, — устало сказал менеджер.

— Я сохраняю форму. Спроси у Ванды. Каждый день по часу работаю со штангой и до сих пор могу раздуть свою грудную клетку до огромных размеров. Я смогу проделать этот трюк на воде. Фил, это будет сенсация.

— Но ведь это уже было, было, Джо. Вот что пытаюсь втолковать тебе. Люди не захотят смотреть все это снова.

Ферлини презрительно фыркнул.

— Ты слишком много пьешь, Фил, и у тебя от этого размягчение мозга. Да, это уже было. Но когда? Сколько лет прошло с тех пор? А с

твоим умением создавать рекламу и налаживать контакты это может быть по-настоящему крупным делом. Ну, что скажешь?

Роско вздохнул, и это был вздох поражения.

— Ладно, Фил, раз уж тебе так хочется. Как ты собираешься все это обставить?

Ферлини просиял.

— Все будет отлично, Фил. Можешь быть уверен. Прежде всего я дам надеть на себя наручники, потом пусть обмотают мое тело шнуром длиной около пятидесяти футов. Далее — колодки из железа. Потом пусть меня уложат в мешок и завяжут сверху. Затем все это засунут в железный сундук, закроют на замок и бросят в Трусканское Озеро. Ну, что скажешь? Как это будет выглядеть?

— Как скоропостижная смерть. Ладно, допустим. Но что из этого будет трюк, а что мускулатура?

— Мускулатура только для шнура. Я раздую до возможных пределов свою грудную клетку, когда меня будут затягивать, а когда ослаблю ее, провод сам спадет. За двойным обшлагом брюк у меня есть отмычки от наручников.

Как только я скидываю наручники, беру бритву, спрятанную там же, и разрезаю мешок. У сундука фальшивое дно. Я с силой его выбиваю и выплываю на поверхность. Весь рек-

визит идет на дно, а я появляюсь из воды, благоухающий, как роза.

Он победно взглянул на Роско.

— Ты хоть хорошо плаваешь?

— Лучше всех. Об этой стороне дела можешь не беспокоиться. Однажды, мальцом, я надумал сбежать из дома. И знаешь как? Переплыл Канал. Вот какой я пловец.

— Мы могли бы сбросить тебя с моторной лодки, подождать, пока ты выплывешь, и забрать. Это уменьшило бы риск.

— Конечно, это надежнее. Я знал, что ты поймешь меня, Фил.

— Все я понимаю, но только мне это не нравится. Эй, официант, где же наше виски?

С балкона отеля на третьем этаже Ванда наблюдала, как ее муж плавал в бассейне, расположенном во дворе гостиницы. Он плыл, откинув голову с седеющими, гладко прилизанными и слегка вьющимися на концах волосами, рассекая воду, как акула. При этом мощные мускулы на спине и плечах играли и переливались при каждом движении его рук. Когда-то, лет пятнадцать тому назад, она бы замерла в восхищении при виде такого зрелища. Но с той поры поумнела и знала, что Великому Ферлини нужен был один-единственный поклонник, которого он видел каждый день в зеркале, когда брился. Со вздохом она вернулась в комнату, села и равнодушно переверну-

ла страницу «Вэраети». Немного погодя раздался робкий стук в дверь, и она сказала: «Войдите».

Дверь открылась, на пороге стоял Бэггет. С удивлением Ванда почувствовала, что краснеет, и еще почему-то почувствовала себя виноватой.

— Томми! Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно было встретиться с тобой, Ванда. Я увидел, что Джо в бассейне, и подумал, что это самое подходящее время. Похоже, что он там пробудет до конца дня.

— Скорее всего, ты прав.

Она была очень взволнованна, хотя и пыталась это скрыть. Предложила Бэггету выпить, но он отказался. Попыталась завести какой-то незначительный разговор, Бэггета он не заинтересовал. В следующее мгновение она оказалась в его объятиях, но, почувствовав себя неуютно, высвободилась и тут же начала говорить о муже.

— Ты не представляешь, Томми, какой он стал. И с каждым годом, да что там с каждым годом, с каждым днем становится все хуже и хуже. Единственное, о чем он думает, это о своих выступлениях, день и ночь только об освобождении, освобождении. Освобождении от цепей, от наручников, из ящиков... Иногда мне кажется, что я схожу с ума, честное слово... Когда мы были в Луисвилле в прошлом

году, я даже какое-то время ходила к психиатру. Ты не знал об этом? Я ходила к нему, но вскоре муж получил работу в Лас-Вегасе, на том все и кончилось.

— Если хочешь знать мое мнение, — проворчал Бэггет, — то сумасшедший он, а не ты, раз позволяет себе так обращаться с тобой.

— Знаешь, он даже во сне освобождается! Кроме шуток, представляешь? Просыпается среди ночи, сбрасывает одеяло, разрывает ночную рубашку и, вскочив с кровати, начинает раскланиваться. — Она рассмеялась, но выражение ее лица при этом не изменилось, и вдруг из глаз потоком хлынули слезы. Бэггет снова обнял ее. — Иногда мне даже хочется, чтобы его связали так, чтобы он не смог освободиться. Никогда...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты слышал, в чем заключается его трюк на воде? Его в сундуке бросают в озеро. Он собирается выступить с этим через пару недель. А знаешь, о чем я не перестаю думать с тех пор, как он решился на это?

Она подошла к окну и посмотрела на бассейн. Ферлини все так же упорно рассекал воду.

— Я думаю, вдруг что-нибудь будет не так, как он замыслил. Он, правда, в хорошей форме и может освободиться почти от всего. Но... если одна маленькая деталь не сработает, он

утонет. Скажешь, я чудовище, раз у меня такие мысли?

— Ничего я такого не думаю, — сочувственно сказал Бэггет.

Медленными шагами Ванда подошла к бюро и открыла второй ящик. Из груды всяких вещей она извлекла пару стальных наручников и два каких-то маленьких предмета.

Она принесла наручники Бэггету и сказала:

— Сделай одолжение, надень их, пожалуйста.

Он заморгал глазами.

— Зачем?

— Ну, прошу тебя, надень.

Бэггет покорно подставил запястья, и она захлопнула их.

— А теперь попытайся освободиться.

Хрупкий и романтичный Бэггет напрягся так, что на шее вздулись бордовые жилы.

— Нет, не могу, — прошептал он, задыхаясь.

— Конечно, не можешь. И никто не может, даже Ферлини, если бы у него кое-где не была спрятана вот эта штука. — С этими словами она подала ему маленький ключик. — Теперь попробуй еще раз.

Схватив ключик и высунув от усердия кончик языка, Бэггет всунул его в отверстие наручников и попытался повернуть, но ключик не поворачивался.

— Ничего не получается. Я не могу его повернуть.

— Да, — мечтательно сказала Ванда, — он не подходит, не правда ли?

— Но почему? В чем дело? — В голосе Бэггета прозвучала тревога.

— Потому что это не тот ключ. Вот в чем дело. А вот этот — настоящий.

Она взяла другой ключик, подошла к Бэггету и сама вставила его в отверстие. Замок щелкнул, и наручники оказались в руках Ванды. Бэггет потер запястья и вопросительно посмотрел на Ванду.

— А теперь тебе лучше уйти, — задумчиво сказала она.

Фил Роско остался доволен результатами своей рекламной кампании.

Четыре местные газеты в округе Денвер освещали это событие, а одна крупная служба новостей передала о предстоящем выступлении по радио. Но великому Ферлини не так-то просто было угодить. Он грезил о телевизионной рекламе, толстых журналах и предложениях из Голливуда. Однако такие орешки были не по зубам Роско.

— Ради Бога, не жди, что я достану тебе луну с неба, — говорил ему Роско. — Большой рекламы не было со времен Гудини. Надо довольствоваться тем, что имеешь.

Ферлини проворчал, но все же был доволен.

В день выступления Ванда Ферлини проснулась с головной болью и выглядела еще более старой и измученной, чем всегда. Для нее эта ночь была ужасной. Ферлини дважды будил ее, рассказывая о своих снах и страхах по поводу предстоящего выступления. Но не только бессонница была причиной ее ужасного вида. Ее мучило и томило предчувствие: что-то должно случиться.

Роско нанял открытый «Кадиллак» с шофером, и они с шиком подъехали к месту выступления. Ванда, сидевшая рядом с Роско в своем самом нарядном платье, никогда еще не выглядела так плохо. Роско, раскрасневшийся от возбуждения и выпитого виски, крепко держал ее за руку. Ферлини, во фраке с белым галстуком, поигрывая мускулами так, что еще чуть-чуть, и полопаются швы, махал зрителям.

Если Ферлини и имел какие-то претензии к рекламе, устроенной Роско, то сейчас они были забыты. На берегу озера Трускан собрались сотни зрителей. Правда, Роско не удалось заполучить на эту программу мэра, зато прибыли член городского муниципалитета, шеф полиции, помощник начальника пожарной команды и два крупных городских бизнесмена. Ночной клуб выставил свой оркестр, и заданный им бравурный ритм придавал всей церемонии

гораздо больше праздничности и значительно-сти, чем она того заслуживала.

Но — главное — присутствовало в общей сложности не меньше дюжины репортеров и фотографов.

Роско спланировал все очень хорошо, и все-таки кое-что вызывало разочарование. Микрофон издавал какие-то визжащие высокие ноты, поэтому им нельзя было пользоваться, и, соответственно, не было речей. Погода, совершенно идеальная с утра, к половине второго начала меняться. Сверху прямо на толпу надвигалось черное аккуратное облако. Заметив его, Ванда вздрогнула.

Роско крутился вокруг официальных гостей, пытаясь ускорить начало представления, пока не хлынул дождь и не усложнил и без того трудный трюк Ферлини.

Все было готово к двум часам.

Начали с наручников. Их, как и следовало, надевал шеф полиции.

Грубовато-добродушный, с натянутой улыбкой, он тщательно исследовал наручники, прежде чем надеть их на запястья Ферлини, а затем провозгласил, что они подлинные и вполне надежны.

Двум денежным воротилам было поручено обмотать тело Ферлини толстыми веревками. Ферлини сбросил пиджак, снял белый галстук и рубашку. Потом он сбросил ботинки. Ос-

тавшись в одной тенниске, он напряг мускулы и расширил грудь, чем вызвал восторженные восклицания представительниц слабого пола.

Оба бизнесмена были толстые и невысокие, а к тому времени, когда они обмотали тело Ферлини пятидесятифутовой веревкой, изрядно взмокли.

— Затягивайте туже, еще туже, — подзадоривал их Ферлини, улыбаясь так, чтобы видны были его здоровые острые, отточенные годами разрывания и перекусывания веревок зубы. И они затягивали, стараясь, обматывая Ферлини, как катушку, с головы до ног, и были так заняты своим делом, что ни сами, ни зрители не заметили, как Ферлини, набрав полные легкие воздуха, раздул и увеличил объем своей грудной клетки почти на семь дюймов. Когда они закончили, он удовлетворенно улыбнулся, ибо знал, что сможет освободиться от этих канатов за несколько секунд, стоит ему только выдохнуть и расслабить грудь.

Помощник начальника пожарной команды должен был проследить за процедурой опускания Ферлини в мешок... Он опустил мешок на землю, и Ферлини залез туда. Потом мешок подняли так, что артист скрылся там весь с головой. Но когда мешок был крепко завязан, в толпе послышался ропот.

Оказалось, однако, самую бурную реакцию

зрителей вызвал вид большого железного сундука. В толпе даже раздался женский визг. Роско был доволен.

Значит, это настоящий аттракцион. Он искал глазами Ванду, чтобы разделить с ней торжество момента, но, увидев ее бледное, искаженное лицо и беззвучно шепчущие губы, отвернулся.

Затем Ферлини в мешке был водворен в ящик, крышку которого крепко запер на замок сам член городского муниципалитета. Комиссия осмотрела все и доложила публике, что ящик прочен и закрыт надежно. Четверо дюжих молодцов подхватили ящик с земли и поставили на корму стоящей у пристани моторной лодки.

Клубный оркестр заиграл печальную траурную мелодию. Роско вступил в лодку первым, потом помог Ванде, похожей в этот момент на убитую горем вдову. Водитель лодки — бойкий молодой человек со стрижкой ежиком — помахал зрителям и отвязал лодку. После этого он запустил двигатель и направил на глубину.

— Как вы? — спросил Роско у Ванды. Она что-то пробормотала и оперлась о его руку.

Когда они отплыли от берега ярдов на пять, водитель заглушил двигатель.

— Здесь подойдет, мистер Роско?

— Да, да.

Роско взял бинокль, настроил его и посмотрел на берег: готовы ли газетчики? Они наблюдали с нетерпением за лодкой. Фотографы, некоторые с телескопическими линзами на камерах, горели желанием приступить к работе.

— Отпускайте, — махнул рукой Роско.

Ванда слабо вскрикнула, а водитель ухмыльнулся, положил руки на ящик и столкнул его за борт. Ящик плюхнулся в воду, забрызгав всех в лодке и исчез. От него пошли круги почти до самого берега.

Затем они стали ждать.

Роско посмотрел на часы. Когда прошло тридцать секунд, он посмотрел на Ванду и успокаивающе улыбнулся ей. К концу первой минуты усмешка водителя завяла, и он нервно принялся насвистывать какой-то фальшивый мотивчик. Ванда прикрикнула на него, и он замолчал.

К концу второй минуты Роско уже не мог больше видеть ужасное, белое как мел лицо Ванды и, подняв бинокль, опять стал смотреть на берег. Толпа подобралась к самому краю воды, как огромное черное волнообразное животное.

— Боже, — прошептал водитель, — он не всплывет.

— Выплывет! Он должен выплыть!

Прошло еще три минуты, и никаких при-

знаков великого Ферлини... К концу шестой Ванда застонала, покачнулась и потеряла сознание. Роско едва успел поймать ее тело в тот момент, когда она падала на пол лодки. Еще через пять минут он приказал водителю возвращаться к берегу.

Тело Ферлини с наручниками на запястьях было выловлено поздно вечером.

Бэггет пытался встретиться с Вандой в день похорон, но Роско воспротивился этому. Конечно, его не особенно волновали любовные дела Ванды, у него хватало своих забот. Но он был деловой человек, а Ванда все еще оставалась его клиенткой, даже без своего знаменитого мужа. Она должна появляться на публике, как убитая горем вдова, и никак иначе.

Ванда хорошо играла свою роль. Скорбь сделала ее моложе, благодаря отчасти удачному подбору косметики. Белое напудренное лицо в сочетании с бледной губной помадой хорошо контрастировало с черным траурным туалетом.

Роско обставил процесс похорон почти с такой же помпой, как и само представление. Собралась большая толпа народу, среди которой то там, то тут мелькали представители прессы. Присутствовали артисты шоу-бизнеса, которые не прочь были продемонстрировать всем, и особенно прессе, горечь утраты собрата по искусству.

Похоронная процессия медленно двигалась по улицам города, проходя за полчаса только один квартал. Но к тому времени, когда гроб с телом Ферлини был доведен до места, откуда никто не возвращается, толпа заметно поредела. Только небольшая группа осталась наблюдать церемонию погребения.

Ванда рыдала на плече у Роско, а он потечески утешал ее.

— Он хотел умереть именно так, — бессмысленно говорил Роско.

— Знаю, знаю, — отвечала безутешная вдова.

Надгробное слово произнес самый известный городской священник. Он был краток и сказал о мужестве Ферлини, о его преданности искусству, о том, сколько радости тот доставлял людям. Пока он говорил, Ванда как-то странно смотрела на него, и Роско вдруг испугался, что она сейчас опять упадет в обморок.

Принесли гроб и поставили его на краю могилы. Тот, что нес гроб спереди, официант из ночного клуба, казался немного смущенным и что-то нервно говорил стоящему рядом с ним человеку. Роско сразу бросился к ним, что-то спросил и тут же поспешно направился к священнику. Вся эта суматоха не ускользнула от внимания единственного оставшегося журналиста, стоявшего несколько поодаль. Он тут же подошел к Роско и осведомился, что про-

исходит.

— Не знаю, — сказал Роско, почесывая затылок. — Вон Фреди считает, что с гробом не все в порядке. Говорит, что гроб странный.

— Что значит странный?

Официант пожал плечами.

— Легкий он, вот что. Слишком легкий.

— Ну, знаете, — прошептал священник, — едва ли...

— Он прав, — сказал второй носильщик. — Вообще почти ничего не весит. Вы ведь знали Ферлини? Он был здоровенный малый.

Они посмотрели друг на друга, ожидая, что кто-нибудь первым рискнет сказать то, что думали все. Наконец Роско произнес:

— Мне, конечно, не хочется этого делать, но придется. Вскрываем гроб.

Священник запротестовал, но они уже взламывали крышку.

— Что случилось? — подошла к ним Ванда. — Роско, что здесь происходит?

— Отойди. Я бы не хотел, чтобы ты это видела, Ванда.

Но было уже поздно. Крышку подняли, и все с ужасом обнаружили, что он был пуст...

Ванда завывала, как ураганный ветер в верхушках деревьев.

Доктор Рашфила поката́л карандаш по листку бумаги и сказал:

— Продолжайте, мистер Роско, я хочу услышать все.

Роско облизнул сухие губы. Ему ужасно хотелось выпить.

— Вы должны понять суть моего бизнеса, доктор. Все это лишь аттракцион. Вот почему Ферлини попросил меня об этом лет десять или двадцать назад.

— О чем? Объясните.

— Никто не знал об этом. Только он и я. Я говорил ему, что это сумасшествие. Но если такому упрямцу, как он, что-нибудь втемяшится в голову... Он взял с меня клятву, что, если с ним что-нибудь случится, ну, то есть если он погибнет, я должен буду организовать этот последний трюк... Что-нибудь такое, чтоб его надолго запомнили. Хотел затмить самого Гудини. Вот как было дело, док.

— Трюк? Не понимаю.

— Да, трюк, и достаточно простой. Я сунул владельцу похоронного бюро пятьдесят долларов, и он организовал похороны Ферлини тайно, где-то в другом месте. А сам, после того как с телом простились и закрыли крышку, поставил на катафалк другой гроб, пустой. Вот и весь трюк. Понимаете, док? Ничего противозаконного. Настоящий аттракцион, и никакого жульничества!

— Понятно, — сказал доктор, нахмурившись. — Но, боюсь, этот ваш аттракцион произвел на миссис Ферлини... По-моему, она и до этой истории была немного не в себе, а теперь...

Он вздохнул и поднялся из-за стола.

— Ладно, мистер Роско. Я позволю вам взглянуть на нее, но ни слова. Разговаривать с ней категорически запрещаю.

Роско последовал за доктором. Они остановились у двери с небольшим окошечком, и Роско заглянул в комнату. То, что он увидел, заставило его в ужасе отпрянуть от окна. На кровати, с округлившимися, ничего не видящими глазами сидела Ванда и безуспешно пыталась вырваться из тугих и жестких объятий смиренной рубашки.

Роберт Говард

ГОЛУБИ ПРЕИСПОДНЕЙ

1. СВИСТ ИЗ МРАКА

Грисвелл проснулся внезапно: каждый его нерв звенел, предупреждая об опасности. Беспокойно он осмотрелся вокруг, с трудом припоминая, где он находится и что здесь делает. Лунный свет едва просачивался сквозь запыленные окна, и большая пустая комната с высоким потолком и зияющей пастью камина казалась призрачной и незнакомой. Постепенно высвобождаясь от липкой паутины недавнего сна, Грисвелл наконец сообразил, где он и как попал сюда. Он повернул голову и уставился на своего компаньона, спящего на полу рядом с ним. Джон Брэйнер выглядел во тьме смутной тяжелой грудой, едва посеребренной лунным светом.

Грисвелл попытался вспомнить, что его разбудило. В доме стояла тишина; лишь отдаленное уханье совы доносилось из чащи сонового леса.

Наконец ему удалось поймать ускользаю-

щее воспоминание. Это был сон, наполненный темной угрозой, заставившей его в ужасе проснуться.

Воспоминание нахлынуло вновь, живо обрисовывая отвратительное видение.

Да и был ли это сон? Он так странно смешался с недавним действительным событием, что теперь трудно было разобрать, где кончается реальность и начинается фантазия. В этом сне Грисвеллу казалось, что он вновь переживает последние часы вчерашнего дня.

Сон вернул его в то мгновение, когда он и Джон Брэйнер увидели дом, в котором они сейчас лежали. Они подъехали по тряской разбитой дороге, пересекавшей сосновый лес. Здесь, вдали от родной Новой Англии, они с Джоном скитались в поисках развлечений. Этот ветхий заброшенный дом, поднимающийся посреди зарослей дикого кустарника навстречу заходящему солнцу, сразу завладел их воображением. Черный, застывший, мрачной громадой возвышался он на фоне зловеще багряного заката.

Оставив машину на дороге, они направились к дому по узкой, затерянной в зарослях дорожке, усыпанной кирпичной крошкой. Примерно с середины пути они увидели, как с балюстрад дома сорвалась целая стая голубей и унеслась прочь, сотрясая воздух громким хлопанием крыльев.

Дубовая дверь осела на сломанных петлях. Пыль лежала толстым слоем на полу просторной прихожей, на широких ступенях лестницы, ведущей куда-то вверх. Они выбрали дверь напротив лестничной площадки и вошли в обширную пустую комнату с блестками паутины по углам. Пыль и здесь лежала повсюду, даже на пепле в камине.

Они не стали разжигать огонь. Как только село солнце, все вокруг окутала темнота — густая, черная, крошечная тьма дремучих сосновых лесов.

Они знали, что гремучие змеи чувствуют себя как дома в этих краях, и потому побоялись шарить под деревьями в поисках хвоста. Перекусив консервами, они расположились около камина, с головой завернувшись в свои одеяла, и мгновенно уснули.

Почти то же самое только что приснилось Грисвеллу. Он вновь увидел мрачный дом, вздымающийся на фоне багрового неба, увидел полет голубей, когда они с Джоном шли к дому по кирпичной дорожке. Откуда-то со стороны он увидел и темную комнату, в которой они сейчас лежали, и две фигуры, закутанные в одеяла на пыльном полу, — себя и своего друга. С этого момента его сон слегка изменился, выходя за пределы здравого рассудка и обращаясь ночным кошмаром. Он перенесся

в другую темную комнату, освещенную серебристым светом, падавшим неведомо откуда, — ведь в этой комнате совсем не было окон. В этом призрачном свете он увидел три маленькие фигуры, неподвижно висящие в ряд. Своими очертаниями и мертвенным спокойствием они вызывали леденящий душу ужас. Не было ни звука, ни слова, но он чувствовал присутствие безумия и злобы, затаившихся в темном углу. Внезапно он вновь перенесся в прежнюю темную пыльную комнату с высоким потолком, где лежал напротив камина.

Он лежал закутанным в одеяло и напряженно всматривался в темный коридор и дальше, в холл, туда, где луч лунного света падал на лестницу с балюстрадами в нескольких шагах от лестничной площадки. И там, на лестнице, было нечто, скорчившееся, уродливое: призрачная тварь, лишь частично освещенная лучом лунного света. Тусклое желтое пятно, которое могло быть ее лицом, повернулось к Грисвеллу, словно притаившийся на лестнице рассматривал его и Джона. Холодный ужас пробежал по нервам, и затем Грисвелл проснулся — если это был сон.

Он вздрогнул, всматриваясь. Луч света все так же падал на лестницу, но сейчас там никого не было. Однако мурашки по-прежнему бежали по коже; ноги Грисвелла были холодны

как лед. Он сделал резкое движение, надеясь разбудить своего товарища, а затем его парализовал внезапно раздавшийся звук.

Кто-то свистел этажом выше. Свист становился жутким и сладким, не неся никакой мелодии. Это был просто свист, переливчатый и пронзительный.

Такой звук в доме, выглядевшем пустым, был вполне тревожным сам по себе, но нечто большее, чем просто страх перед странным соседством, держало Грисвелла в оцепенении. Он не мог определить тот ужас, что завладел им. Но вот Брэйнер зашевелился и сел. Фигура Джона смутно вырисовывалась в обволакивающей тьме, голова его была повернута в сторону лестницы, словно он внимательно прислушивался. Сверхъестественный свист стал еще более сладким и казался теперь поистине дьявольским.

— Джон! — прошептал Грисвелл сухими губами. Он хотел крикнуть, предупредить друга, что на лестнице есть кто-то, навряд ли притаившийся там с добрыми намерениями, и что они должны немедленно покинуть дом... Но крик застрял в пересохшем горле.

Брэйнер встал. Его башмаки застучали по полу, когда он двинулся навстречу неведомой твари за дверью. Не спеша вышел он в прихожую и ступил на нижнюю ступеньку лестницы,

смешавшись с тенями, сгустившимися в прихожей.

Грисвелл лежал, не в состоянии пошевелиться, захваченный вихрем замешательства и страха. Кто свистел наверху? Он видел Джона, проходящего сквозь пятно света, видел его голову, откинутую назад, как будто тот смотрел на нечто, загороженное от Грисвелла лестницей. Лицо его было лицом лунатика.

Джон пересек полосу света и исчез из поля зрения. Грисвелл пытался кричать ему вслед, но сдавленный шепот — вот все, на что он оказался способен.

Свист перешел на низкую ноту и внезапно затих. Грисвелл слышал, как лестница скрипела под ногами Джона; потом он достиг верхней прихожей, и теперь Грисвелл слышал его шаги прямо над собой. Внезапно они стихли; сама ночь, казалось, задержала свое дыхание. И вдруг ужасный крик разорвал тишину. Грисвелл, подскочив, уставился на дверь.

Странный паралич, охвативший его, теперь был сломлен. Он бросился к двери, но остановился, взяв себя в руки. Шаги наверху возобновились: Джон возвращался. Он не бежал; его поступь была даже более твердой и размеренной, чем прежде. Вновь закрипела лестница. Рука, цепляющаяся за перила, показалась в полосе лунного света; за ней появилась и

вторая...

Чудовищный трепет потряс Грисвелла: эта рука сжимала короткий, тускло мерцающий топор! Был ли спускающийся по лестнице Брэйнером?!

Да! Человек полностью вошел в полосу света, и Грисвелл узнал своего товарища. Затем он увидел лицо Джона, и вопль сорвался с его губ.

Лицо это было бескровным, точно лицо трупа, струйки крови стекали по мертвенно-бледной коже, остекленевшие глаза глубоко запали, огромная рана, сочась кровью, почти пополам рассекала голову Джона.

Грисвелл не помнил точно, как он выбрался из этого проклятого дома.

Впоследствии к нему вернулись дикие, смутные воспоминания — о том, как он проломил собой пыльное, затянутое паутиной окно, о том, как, спотыкаясь, вслепую продрался сквозь колючий кустарник и увидел в кроваво-черном тумане собственного безумия темную стену сосен с бесстрастной луной, плывшей над ним в черном небе.

Какой-то клочок здравого смысла вернулся к нему, когда он увидел на дороге свою машину. В мире, который внезапно стал кошмаром, это был предмет, сохранивший прозаичную реальность. Но как только он дотронулся до

дверцы, сухое холодное шуршание донеслось изнутри, и он отшатнулся от слегка подрагивающей ленты, молнией взметнувшейся с сиденья водителя и с пронзительным шипением выбросившей вперед раздвоенный, блеснувший в лунном свете язык.

С воплем ужаса он бросился вниз по дороге. Так человек бежит в бесконечном кошмарном сне. Он бежал безо всякой цели; его окостеневший мозг не был в состоянии произвести ни единой мысли. Он мог только отдаться слепому отчаянному порыву — бежать и бежать до тех пор, пока усталость или смерть не заставят его упасть.

Черные сосны беспокойно колыхались вдоль дороги; ему казалось, что он так и не сдвинулся с места. Но вот чей-то ровный, нарастающий топот донесся до Грисвелла сквозь пелену его ужаса. Повернув голову, он увидел что-то, несущееся за ним, — собаку или волка, определить было невозможно.

Глаза этого существа горели, как шары зеленого пламени. Задыхаясь, он увеличил скорость, огибая поворот дороги, и тут же услышал храп лошади, а затем увидел ее воочию. До него донеслись проклятья всадника, в руке которого блеснула голубая сталь.

Грисвелл повернулся к нему и успел перед падением уцепиться за поводья.

— Ради Бога, помогите мне! — прохрипел он из последних сил. — Эта тварь! Она убила Брэйнера и теперь охотится за мной! Смотрите!

Два одинаковых огненных шара светились сквозь бахромку кустарника у поворота дороги. Всадник выругался, и Грисвелла оглушили револьверные выстрелы. Огненные глаза исчезли, и всадник, вырвав у Грисвелла поводья и пришпорив лошадь, помчался вперед, к повороту дороги.

Пошатываясь, Грисвелл поднялся, трясаясь всем телом. Через несколько мгновений всадник галопом вернулся обратно.

— Это был волк, я думаю, — заявил он, — хотя я никогда не слышал, чтобы в наших краях волки нападали на человека. Вы разглядели, что это было?

Грисвелл смог только слабо покачать головой. Всадник смотрел на него сверху вниз, все еще держа в руке дымящийся револьвер. Это был плотно сложенный человек среднего роста. По его широкополой шляпе и башмакам в нем можно было узнать уроженца этих мест, так же как одежда Грисвелла выдавала в нем приезжего.

— Что же все это значит?

— Не знаю, — беспомощно ответил Грисвелл. — Меня зовут Грисвелл. Джон Брэй-

нер — мой друг, он путешествовал вместе со мной. Мы остановились на ночлег в заброшенном доме, там, дальше по дороге. Что-то... — вспомнив, он почти задохнулся от вновь нахлынувшего ужаса. — Боже! Я, должно быть, сошел с ума! Что-то появилось там и смотрело на нас через балюстраду лестницы — какая-то тварь с желтым лицом! Я думал, что это мне приснилось, но, видно, так оно и было на самом деле! Потом наверху начали свистеть, и Брэйнер встал и, не просыпаясь, поднялся по лестнице, точно лунатик или загипнотизированный. Я услышал, как кто-то закричал — или что-то закричало, — а затем Джон стал спускаться по лестнице с окровавленным топором в руке. И, Боже мой, сэр, — он был мертв! Голова была рассечена пополам; его мозги вперемешку с кровью стекали по лицу, и лицо это было лицом покойника. Но он спускался по лестнице! Пусть Бог будет моим свидетелем, я говорю правду: Джон Брэйнер был убит в холле наверху, а затем его мертвое тело спустилось вниз по лестнице, чтобы убить меня!

Всадник ничего не ответил, сидя на лошади, точно статуя. Профиль его чернел на фоне звезд, и Грисвелл не мог прочесть выражения лица, скрытого под тенью от широкополой шляпы.

— Вы думаете, что я сумасшедший, — сказал он беспомощно. — Может, так оно и есть...

— Не знаю, что и думать, — ответил всадник. — Если здесь и есть какой-то дом, то это всего лишь поместье Блассенвиль. Хорошо, посмотрим. Мое имя Баннер. Я здешний шериф и сейчас как раз возвращаюсь домой.

Он соскочил с лошади и встал возле Грисвелла. Теперь он оказался ниже тощего англичанина, но был куда более плотного сложения. В нем чувствовалась природная решительность и мощь опытного бойца.

— Вы побоитесь вернуться обратно к этому дому? — спросил он. Грисвелл содрогнулся, но все же покачал головой. В нем заговорило упрямство его предков-пуритан.

— Мысль о том, чтобы увидеть этот дом, и этот ужас еще раз приводит меня в трепет, — признался он. — Но бедный Брэйнер... — Он запнулся. — Мы должны найти его тело. Боже мой! — вскричал он, осознав наконец кошмар всего происшедшего. — Что мы найдем? Если мертвый человек ходит...

— Посмотрим. — Шериф зажал поводья в левой руке и на ходу принялся перезаряжать свой револьвер.

— Боже, как зловеще выглядел этот дом на фоне черных сосен! — воскликнул Грисвелл,

сделав несколько шагов. — Он дурно выглядел с самого начала, когда мы только подошли к нему, и стая голубей вспорхнула в небо с его балюстрад!

— Голубей? — Баннер бросил на него быстрый взгляд. — Вы видели голубей?

— Да, конечно. Целая стая сидела там на перилах.

Они шагали некоторое время в молчании, а потом Баннер внезапно сказал:

— Я прожил в этом графстве всю жизнь. Я пересекал имение Блассенвиль тысячу раз, я думаю, во все часы дня и ночи. Но я никогда не видел здесь голубей!

— Их было множество, — повторил изумленный Грисвелл.

— Я встречал людей, которые клялись, что видели стаю голубей на балюстраде, как раз на закате, — медленно сказал Баннер. — Все они были негры, кроме одного... бродяги. Он разжег во дворе огонь, намереваясь там переночевать. Я проходил мимо, когда уже сгушалась тьма, и он рассказал мне о голубях. Я вернулся следующим утром, от костра остался пепел, рядом валялись жаровня и жестяная кружка. Одеяло лежало нетронутым. С тех пор парня больше никто не видел. Это было двенадцать лет назад. Негры говорят, что видят здесь голубей, но никто из них не рискует приходить

сюда между закатом и рассветом. Они говорят, что голуби — это души Блассенвилей, ночью выпускаемые из ада. Негры говорят, что красное зарево на западе — свет из преисподней, потому что ворота ада открыты, когда вылезают Блассенвили...

— Кто же эти Блассенвили? — спросил Грисвелл, все еще дрожа.

— Они владели когда-то этой землей. Англо-французский род. Пришли сюда из Вест-Индии задолго до покупки Луизианы. Гражданская война похоронила их, как и многих других. Некоторые были убиты, большая часть вымерла после. Никто не жил в поместье с 1890 года, с тех пор как мисс Элизабет Блассенвиль, последняя из рода, сбежала из старого дома ночью, словно из чумной ямы, и никогда не вернулась... Это ваша машина?

Они остановились возле машины, и Грисвелл мрачно уставился на старый дом. Его пыльные стекла были пустыми и белыми, но не слепыми! Казалось, что чьи-то глаза жадно рассматривают новую добычу сквозь затемненные стекла.

Баннер повторил свой вопрос.

— Да. Будьте осторожны. Там, на сиденье, змея... по крайней мере, она была там.

— Сейчас никого, — пробормотал Баннер, привязывая свою лошадь и вытаскивая из се-

дельной сумки электрический фонарик. — Давайте посмотрим, что в доме.

Он невозмутимо зашагал по кирпичной дорожке. Грисвелл почти наступал на пятки Баннеру, сердце его учащенно билось. Ветер доносил запах разложения и прелой травы. Грисвеллу стало до тошноты плохо от ненависти к этим черным лесам, к этим ветхим домам плантаторов, в которых еще дремал забытый дух рабства, кровавой гордыни и темных интриг. Он всегда думал о Юге как о солнечной и праздной стране под легким ветром, пахнущим специями и цветами, где жизнь спокойно текла под бой барабанов черного народа, поющего на залитых солнцем хлопковых полях. Но сейчас ему открылась другая ее сторона, о которой он прежде и не подозревал, — темная и мрачная, окутанная страхом. И он не мог сдержать своего отвращения.

Дубовая дверь свисала, как и прежде, с разбитых петель. Луч фонарика лишь сгустил мрак внутри дома; Баннер стоял на пороге, осматривая прихожую. Луч скользнул сквозь тьму и взобрался вверх по лестнице. Грисвелл затаил дыхание, сжав кулаки, — но в этот раз никто не смотрел на них сверху. Баннер вошел внутрь, ступая мягко, как кошка, — в одной руке фонарик, в другой револьвер.

Когда он повернул свой фонарь в глубину

бокового проема, Грисвелл закричал, почти потеряв сознание от невыносимой дурноты.

След кровавых капель тянулся по полу, пересекая одеяла, на которых спал Брэйнер между дверью и постелью Грисвелла. И на этой постели лицом вниз лежал Джон Брэйнер с расколотой головой, сочащейся свежей кровью, отблескивавшей в луче фонаря. Его вытянутая рука все еще сжимала топор, лезвие которого вонзилось в одеяло там, где должен был спать Грисвелл.

Мгновенно нахлынувший поток темноты поглотил Грисвелла. Ничего не соображая, он, шатаясь, побрел прочь, но Баннер схватил его за руку. Когда он вновь стал слышать и видеть, ему стало невероятно дурно, и в приступе рвоты он едва успел склонить голову над камином.

Баннер повернул на него фонарь. Его голос донесся из-за слепящего круга:

— С вашей стороны было бы умнее использовать другой топор!

— Но я не убивал его, — простонал Грисвелл. — Я не собираюсь говорить о самозащите!

— Что меня и удивляет, — честно признался Баннер, выпрямляясь. — Какой бы убийца состряпал такую сумасшедшую историю, чтобы доказать свою невиновность? Ре-

альный убийца рассказал бы, по крайней мере, правдоподобную сказку... Хм-м! Капли крови ведут от двери. Тело тащили — хотя нет, кровь не размазана. Вы, должно быть, несли его сюда, после того как убили где-то в другом месте. Но в таком случае почему нет крови на вашей одежде? Вы сменили ее и вымыли руки? Но парень мертв не так уж давно...

— Он сам спустился по лестнице и пересек комнату, — безнадежно проговорил Грисвелл. — Он пришел убить меня. Я увидел его, когда он спускался по лестнице. Он ударил в то место, где я лежал бы, если бы не проснулся. Вот окно, через которое я выбрался. Видите, оно разбито.

— Вижу... но если он шел тогда, то почему он не ходит сейчас?

— Не знаю. Я боюсь даже думать об этом. Вдруг он поднимется с пола и снова пойдет на меня?! Когда я услышал его шаги, а потом топот волка, преследующего меня на дороге, — я подумал, что это Джон бежит за мной с топором в руке, с окровавленной расколотой головой и смертельной усмешкой на губах!

Зубы Грисвелла застучали, когда он вновь вспомнил этот ужас. Баннер поводил лучом фонаря по полу:

— Капли крови ведут в холл. Поднимемся вверх и проследим их.

Грисвелл вздрогнул:

— Но они ведут наверх...

Глаза Баннера сверкнули на него:

— Боитесь?

Лицо Грисвелла стало серым:

— Да. Но я все равно пойду — с вами или без вас. Тварь, что убила бедного Джона, может быть, все еще скрывается там.

— Держитесь позади меня, — приказал шериф. — Если кто-нибудь нас атакует, не вмешивайтесь. Предупреждаю, что я стреляю быстрее, чем прыгает кошка, и редко промахиваюсь. Если у вас в голове есть блажь напасть на меня сзади, забудьте об этом.

— Не будьте дураком! — Презрение взяло вверх над страхом. Казалось, эта вспышка Грисвелла убедила Баннера больше, чем все его предшествующие излияния.

— Я хочу быть честным, — сказал он тихо, — и не буду за глаза приговаривать вас. Если хотя бы половина из рассказанного вами правда, вы прошли через адское испытание, и я не хочу быть с вами жестоким. Но вы же видите, как мне трудно поверить во все, что вы мне рассказали!

Грисвелл устало кивнул, давая знак идти. Они вышли в холл и остановились у подножия лестницы. Цепочка темно-красных капель, ясно видимая на толстом слое пыли, вела наверх.

— На пыли следы человеческих ног, — тихо заметил шериф. — Идите медленнее. Я должен быть уверен в том, что вижу, потому что мы их стираем, поднимаясь наверх. Одна пара следов ведет наверх, а другая вниз. Один и тот же человек. Следы не ваши. Брэйнер был крупнее вас. Капли крови повсюду — кровь на перилах, словно человек опирался на них окровавленной рукой. Пятно вещества, которое выглядит, как мозги. Но что же...

— Он спустился по лестнице, уже будучи мертвым, — повторив это, Грисвелл содрогнулся, — шаря одной рукой впереди себя, а другой — сжимая топор, которым был убит.

— Как он был перенесен вниз? — бормотал свое шериф. — Где же следы? Они должны быть, если его несли...

Они вошли в верхний холл — большую пустынную комнату, покосившиеся окна которой почти не пропускали света. Луча фонаря явно не хватало, чтобы рассеять плотную тьму. Грисвелл дрожал как осиновый лист. Здесь среди кошмара и мрака умер Джон Брэйнер.

Глаза шерифа странно блеснули при свете фонаря.

— Кто-то свистел отсюда, сверху, — прошептал Грисвелл. — Джон пошел сюда, словно кто-то его подзывал.

— Следы ведут в глубь холла — такие же

следы, как и на лестнице. Те же отпечатки... Боже!

Позади шерифа Грисвелл подавил крик, увидев то, что вызвало его восклицание. В нескольких футах от лестницы следы Брэйнера внезапно кончались, а затем, повернув, вели в обратном направлении. И там, где цепочка его следов поворачивала, на пыльном полу растекалась огромная лужа крови, — а напротив нее кончалась другая цепочка следов, следов босых ног, узких, со скошенными передними пальцами. Они тоже вели прочь от лужи, но не к лестнице, а в глубину холла.

Чертыхаясь, шериф нагнулся над ними.

— Следы встречаются. И как раз в этом месте, где на полу кровь и мозги. Наверное, Брэйнер был убит именно здесь ударом топора... Следы босых ног ведут из темноты и встречаются со следами ног, обутых в башмаки, а затем уходят обратно.

Он указал фонариком в направлении прохода. Следы босых ног исчезали во тьме вне пределов досягаемости луча.

— Предположим, что ваша сумасшедшая история правдива, — пробормотал Баннер под нос. — Эти следы не ваши. Они выглядят как женские. Предположим, кто-то свистнул, и ваш приятель отправился наверх, посмотреть, в чем дело. Предположим, кто-то встретил его

в темноте и разрубил ему голову. Тогда все следы были бы точно такими, как мы видим. Но если так, то почему же Брэйнер не лежит там, где он был убит?! Или он смог продержаться так долго, что успел взять топор у того, кто его убил, и спуститься с ним вниз?

— Нет, нет! — содрогнувшись, возразил Грисвелл. — Я видел Джона на лестнице. Он был мертв. Ни один человек с такой раной не прожил бы и минуты!

— Я верю, — прошептал Баннер. — Но это — сумасшествие или дьявольская хитрость?.. Однако... какой идиот станет выдумывать и исполнять такой изощренный и совершенно безумный план, чтобы избежать наказания за преступление, когда простая ссылка на самозащиту была бы куда эффективнее? Ни один суд не признает эту историю. Ну, давайте проследим вторые следы. Они ведут дальше в холл... черт, что это?!

Ледяная рука сжала сердце Грисвелла, когда он увидел, что свет фонарика начал тускнеть.

— Батарейка тут новая, — пробормотал Баннер, и впервые за все время Грисвелл уловил в его голосе нотки страха и неуверенности. — Давайте отсюда убираться, и побыстрее!

Свет превратился в слабое мерцание. Каза-

лось, что тьма бросилась на них из углов комнаты. Шериф попятился назад, толкая перед собой спотыкающегося Грисвелла и сжимая в руке револьвер. В сгущающейся тьме Грисвелл слышал звук осторожно приоткрываемой двери. И тут же тьма вокруг них завибрировала, излучая опасность. Грисвелл знал, что шериф чувствует то же самое, потому что тело Баннера напряглось и вытянулось, подобно телу крадущейся пантеры.

И все же он упорно отходил к лестнице. Следуя за ним, Грисвелл подавлял в себе страх, пытавшийся заставить его закричать и броситься в безумное бегство. Ужасная мысль пронеслась в его голове, и ледяной пот покрыл его тело.

Что, если мертвый человек крадется во тьме им навстречу, вверх по лестнице, с окровавленным топором, уже занесенным для удара?!

Это предположение так ошеломило его, что он даже не почувствовал, как лестница кончилась и они оказались в нижнем холле. Фонарь светил здесь по-прежнему ярко, но, когда шериф направил его луч вверх по лестнице, тот не смог пробиться сквозь тьму, которая, точно липкий туман, окутала верхний холл и верхние ступеньки.

— Проклятье, заколдована она, что ли, —

пробормотал Баннер. — Что еще это может быть?!

— Посветите в комнату, — попросил Грисвелл. — Посмотрим, как там Джон... если Джон...

Он не мог вложить в слова свою дикую мысль, но шериф понял его.

Луч света метнулся по комнате, и...

Грисвелл никогда бы не подумал, что вид окровавленного трупа может принести такое облегчение.

— Он здесь, — проговорил Баннер. — Если он и ходил, после того как был убит, то больше уж не вставал. Но эта штука...

Он снова направил луч фонаря вверх по лестнице и стал в нерешительности кусать губы.

Три раза он поднимал револьвер. Грисвелл читал его мысли. Шериф колебался — ему хотелось броситься вверх по лестнице, чтобы попытаться счастья в борьбе с неведомым противником, но здравый смысл удерживал его на месте.

— Я не осмелюсь в темноте, — признался он наконец. — И у меня есть предчувствие, что фонарь опять погаснет.

Он повернулся и посмотрел в лицо Грисвеллу:

— Не стоит испытывать судьбу. В этом

доме обитает нечто дьявольское, и, похоже, я знаю, что это такое. Я не верю, что вы убили Брэйнера. Его убийца сейчас находится там, наверху. Многое в вашей сказке звучит безумно, но нет сомнения, что фонарь там гаснет. Я не верю, что эта тварь наверху — человек. Я еще никогда и ничего не боялся в темноте, но сейчас не поднимусь туда до рассвета. Осталось не так много времени, и мы дождемся его снаружи!

Звезды уже бледнели, когда они вышли из дома. Шериф уселся на балюстраду лицом к двери, держа револьвер наготове. Грисвелл устроился около него, опершись спиной о колонну.

Он закрыл глаза, радуясь ветерку, который, казалось, остудил его пылающий мозг. Он испытывал смутное чувство нереальности. Эта чужая ему страна внезапно наполнила Грисвелла черным ужасом. Тень виселицы маячила перед ним: Джон Брэйнер лежал в этом ужасном темном доме с раскрытым черепом. Словно остатки сна, эти факты крутились в его голове, пока не отступили перед серыми сумерками, и неожиданный сон снизошел на его усталую душу.

Он проснулся при свете зари, ясно помня все ужасы ночи. Туман клубился у верхушек сосен и дымчатыми волнами стелился по ста-

рой дороге.

Баннер тряс его:

— Проснитесь! Уже рассвет!

Грисвелл встал, подрагивая от холода в онемевшем теле. Лицо его посерело и осунулось.

— Я готов. Идемте наверх...

— Я там уже был! — Глаза шерифа горели в слабом свете зари. — Я не стал вас будить, когда пошел туда с первой зарей — и ничего не нашел.

— А следы голых ног?!

— Они исчезли.

— Исчезли?

— Да, да, исчезли. Пыль убрана по всему холлу, начиная с того места, где кончались следы Баннера, и замечена по углам. Сейчас там ничего нельзя разглядеть. Я не слышал ни звука. Я обошел весь дом, но ничего не увидел.

Грисвелл содрогнулся при мысли, что спал во дворе один, в то время как Баннер проводил свои исследования.

— Что же нам делать? — спросил он обеспокоенно. — Вместе со следами исчезла и моя единственная надежда на доказательство правдивости моих слов!

— Мы доставим тело Брэйнера в полицейский участок, — ответил шериф. — Я все

возьму на себя. Если бы власти знали, как обстояло дело, они настояли бы на вашем аресте и вынесли бы приговор. Я не верю, что вы убили своего приятеля, но ни судья, ни адвокат, ни суд присяжных не поверят в вашу историю. Я все устрою по-своему. Не собираюсь вас арестовывать до тех пор, пока не докопаюсь до сути. Ничего не говорите о том, что здесь произошло. Я скажу следователю, что Джон Брэйнер убит бандой неизвестных и я расследую это дело. Не хотите ли рискнуть вернуться со мной в дом и провести здесь ночь — в комнате, где вы и Брэйнер спали прошлой ночью?!

Грисвелл побледнел, но ответил стоически, так, как могли бы ответить его предки-пуритане:

— Я согласен.

— Тогда идемте. Помогите перенести тело в машину.

Грисвелл почувствовал странное отвращение при виде бескровного лица покойника в холодном утреннем свете и прикосновении к окоченевшей плоти.

Серый туман окутывал своими клочковатыми щупальцами все вокруг, когда они несли свою ужасную ношу через лужайку к машине.

2. БРАТЕЦ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ

И снова тени роились под кронами сосен, и снова двое мужчин ехали на машине с английским номером, подскакивая на ухабах разбитой дороги.

Машину вел Баннер. Нервы Грисвелла были слишком расшатаны, чтобы садиться за руль. Бледный и мрачный, он выглядел измученным бессонной ночью. День, проведенный в участке, и страх, поселившийся в душе Грисвелла, сделали свое дело. Он не мог спать и не чувствовал вкуса пищи.

— Я хотел рассказать про Блассенвилей, — заговорил Баннер. — Это были гордые люди, надменные и чертовски безжалостные к тем, кто задевал их интересы. Они жестоко обращались со своими рабами и слугами — видно, привыкли к этому еще в Вест-Индии. Жестокость у них в крови, и особенно это проявилось в мисс Селии, последней из их рода. Это было уже много позже после отмены рабства, но она лично порола свою служанку-мулатку, словно та все еще была рабыней. Так рассказывали старики-негры. Они же говорили, что, когда кто-нибудь из Блассенвилей умирал, дьявол поджидал его душу под кронами этих сосен. Ну а после Гражданской войны, в нищете на заброшенной плантации, им быстро пришел конец. От всей семьи остались четыре

девочки-сестры, они прозябали в старом доме всего лишь с несколькими неграми, ютившимися в старых хижинах рабов и батрачившими на общественных землях. Держались сестры замкнуто, стыдясь своей бедности. Их не видели месяцами. Когда им что-то требовалось, они посылали в город кого-нибудь из негров. Старожилы помнят, что в конце концов у них появилась мисс Селия.

Она приехала откуда-то из Вест-Индии, где род Блассенвилей имел дальних родственников. Она была симпатичной и приятной на вид женщиной, лет тридцати, но держалась замкнуто, как и ее племянницы. Она привезла с собой мулатку-служанку и изливала на нее всю жестокость рода Блассенвилей. Я знал одного негра, который сам видел, как мисс Селия привязала девушку к дереву и выпорола ее вожжами. Никто не удивился, когда мулатка исчезла.

Все считали, что она убежала — и правильно сделала. И вот одним весенним днем 1890 года мисс Элизабет, самая младшая из сестер, появилась в городе — впервые, быть может, за целый год! Она приехала за продуктами и сказала, что негры покинули свои хижины. И еще она сообщила, что мисс Селия бесследно исчезла. Сестры предполагали, что она уехала обратно в Вест-Индию, но сама

Элизабет сказала, что мисс Селия все еще находится в доме. Она не объяснила, что именно имела в виду, закупила провизию и ускакала обратно в поместье.

Месяц спустя один из негров пришел в город и сказал, что Элизабет живет в доме одна, а три ее сестры исчезли неведомо куда, ничего никому не сказав. Элизабет не знала, куда они подевались, и боялась оставаться в доме одна, но больше идти ей было некуда. Она всю жизнь провела в поместье, и у нее не было ни родственников, ни друзей. И все же она смертельно боялась чего-то. Негр сказал, что по ночам она запирается в комнате и никогда не гасит свечей.

Стояла ветреная весенняя ночь, когда мисс Элизабет влетела в город верхом на лошади, вся в слезах, едва живая от страха. На площади она без чувств упала с лошади, а на следующий день, придя в себя, рассказала, что нашла в доме тайную комнату, забытую, очевидно, лет сто назад. И там она обнаружила всех трех своих сестер — мертвыми, повешенными за шею под самым потолком. Что-то бросилось на нее в этой комнате и побежало следом, чуть не разmozжив голову топором, но она сумела спастись, вскочив на лошадь и ускаав прочь.

Она почти сходила с ума от страха и не могла объяснить, что именно гналось за ней.

Но ей показалось, что это походило на женщину с желтым лицом.

Тотчас около сотни мужчин вскочили в седла и помчались к поместью.

Они обыскали дом от подвала до крыши, но не нашли ни тайной комнаты, ни останков сестер. Только топор с прилипшими к нему волосами Элизабет торчал в косяке входной двери — точно так, как она рассказывала. Когда ей предложили вернуться и показать тайную комнату, она чуть не лишилась рассудка.

Вскоре она достаточно оправилась, и ей собрали немного денег в дорогу — как бы в долг, она была слишком горда, чтобы просто взять их, — и мисс Элизабет уехала в Калифорнию. Обратного она так и не вернулась, прислав позже деньги и письмо, в котором сообщала, что вышла замуж.

Никто так и не купил старый дом. Он стоит таким, каким его покинула последняя из Блассенвилей, разве что народ постепенно растащил из него всю мебель. Негры не заходят туда ночью, но не прочь пожить днем...

— А что люди думают об этой истории с мисс Элизабет? — перебил его Грисвелл.

— Люди думают, что она свихнулась, живя одна в старом доме. Но некоторые говорили, что их служанка-мулатка — кстати, ее звали Джоан — не убежала, а спряталась в лесу и

отомстила за мучения, убив мисс Селию и трех сестер Элизабет. Если в доме есть потайная комната, она вполне могла там скрываться. Конечно, если во всем этом есть хоть крупица правды.

— Она не смогла бы прятаться там многие годы, — пробормотал Грисвелл.

— Да и тварь в этом доме — не человеческое существо!

Баннер повернул руль и резко свернул с дороги на проселок, змеившийся между сосен.

— Куда это мы? — спросил Грисвелл.

— В нескольких милях от дороги, — пояснил Баннер, — живет один старик-негр. Я хочу поговорить с ним. Мы столкнулись с чем-то, превышающим рассудок белого человека. Черные знают куда больше о некоторых странных вещах. Этому старику почти сто лет, и про него говорят, что он колдун.

Грисвелл поежился, услышав это. Зеленые стены леса смыкались все ближе к дороге. Запах смолы и сосен смешивался с запахом незнакомых цветов, но самым сильным, казалось, был здесь запах гнили и разложения.

Тошнотворный ужас этого леса вновь окутал Грисвелла.

— Колдун, — пробормотал он. — Здесь, на Черном Юге! Колдовство для меня — старые кривые улочки в прибрежных городишках,

горбатые крыши, помнящие Салемские процессы, темные старые аллеи и горящие глаза черных котов... Колдовство Новой Англии — милое, домашнее, уютное; но все это: хмурые сосны, старые покинутые дома, заброшенные плантации, таинственный черный народ — все это отдает каким-то древним ужасом! Боже, какие чудовищные дела творятся на этом континенте, который дураки зовут «молодым»!

— А вот и жилище старого Джекоба, — провозгласил Баннер и остановил машину.

Грисвелл увидел расчищенную поляну в лесу и на ней — маленькую приземистую хижину в тени нависающих ветвей. Сосны здесь уступали место замшелым дубам и кипарисам, хижина стояла на краю болота, поросшего буйной травой. Тонкая струйка дыма поднималась из дырявой трубы.

Грисвелл следовал за шерифом. Тот толкнул дверь, висящую на кожаных петлях, и вошел внутрь. В комнате стоял полумрак, единственное маленькое оконце почти не давало света. Старый негр, скорчившись у очага, наблюдал за котелком над пламенем. Он взглянул на вошедших снизу вверх, но даже не привстал. Он казался невероятно старым даже для своих ста лет. Лицо его было сплошной сеткой морщин, глаза, некогда темные и живые, затуманились вслед за помрачившимся рассудком.

Баннер взглядом указал Грисвеллу на сплетенное из лозы кресло, а сам пододвинул себе грубо сколоченный табурет и уселся у очага лицом к старику. Глаза негра то блестели, то вновь затуманивались, словно разум его засыпал, уступая старости.

— Джекоб, — прямо сказал Баннер, — тебе пришло время говорить. Я знаю, что тебе известен секрет Блассенвилей. Я никогда тебя о нем не спрашивал, потому что меня это не касалось. Но прошлой ночью в поместье убит человек, и другой человек может быть вздернут на виселицу, если ты не расскажешь мне, что делается в проклятом старом доме!

— Блассенвили, — произнес старик, и голос его оказался ясным и звучным, а речь — не похожей на диалект черных людей, населявших здешние леса. — Это были гордые люди, сэр, гордые и жестокие. Некоторые из них погибли в войну, некоторые были убиты на дуэли — мужчины, сэр. Некоторые умерли в поместье, в старом доме. Старый дом... — Голос его вдруг перешел в бессвязное бормотание.

— Так что же дом? — напомнил о себе шериф.

— Мисс Селия была самой гордой из них — и самой безжалостной. Ее ненавидели все черные люди, а больше всех — Джоан. В

венах Джоан текла кровь белых, и она тоже была гордой. А мисс Селия порола ее как рабыню...

— В чем тайна этого дома? — настаивал Баннер.

Туманная пелена вновь исчезла с глаз старика, и они стали темными колодцами, залитыми лунным светом.

— Тайна? Не понимаю, сэр.

— Много лет дом стоит под защитой этой тайны. И ты знаешь ключ к разгадке.

Старик помешал свое варево. Ясность рассудка, казалось, полностью вернулась к нему.

— Сэр, жизнь прекрасна даже для негра!

— Ты хочешь сказать, что кто-то убьет тебя, если ты расскажешь мне правду? — быстро спросил Баннер. Но старик, казалось, снова погрузился в свои туманные видения, и бормотание его выглядело бредом:

— Не кто-то. Не человек. Черные боги болот. Секрет мой неприкосновенен, он охраняется Большим Змеем, богом всех богов. Он пошлет младшего братца, чтобы тот поцеловал меня своими холодными губами, — маленького братца с белым полумесяцем на голове. Я продал свою душу Большому Змею, и за это он сделал меня творцом зувемби...

Баннер напрягся.

— Я уже слышал это слово, — сказал он

мягко, — от умирающего человека, когда был еще ребенком. Что оно означает?

В глазах старика появился страх:

— Я что-то сказал? Нет, нет, я ничего не говорил!

— Зувемби, — торопил его Баннер.

— Зувемби, — механически повторил старик, и глаза его прояснились. — Зувемби раньше были женщины — на рабском берегу знают о них. Барабаны, в которые бьют по ночам на холмах Гаити, рассказывают о них. Творцы зуvemби — почетные люди Дамбала. Говорить о них белому человеку — значит умереть; это один из главных секретов Змеиного Бога...

— Ты говорил о зуvemби, — мягко перебил его Баннер.

— Я не должен о них говорить... — Грисвелл внезапно понял, что старик думал вслух, слишком далеко погрузившись в свои грезы, чтобы понять, что он вообще говорит. — Ни один белый не должен знать, что я плясал в Черной Церемонии и стал творцом зомби и зуvemби. Большой Змей наказывает распущенные языки смертью.

— Зувемби — женщина? — поторопил его Баннер.

— Была, — пробормотал старик, — и она

знала, что я творец зувемби. Она пришла в мою хижину и просила зелье — отвар из костей змеи, крови летучей мыши-вампира и росы с воронова крыла. Раньше она плясала в Черной Церемонии и была готова к тому, чтобы стать зувемби. Черное Зелье — вот все, чего ей недоставало. Она была красива. Я не мог ей отказать...

— Кто? — настойчиво спросил Баннер, но голова старика поникла и упала на ссохшуюся грудь. Ответа не было. Казалось, он задремал посреди разговора. Баннер потряс его. — Ты дал зелье, чтобы сделать женщину зувемби? А что такое зувемби?

Старик беспокойно пошевелился, и раздалось сонное бормотание:

— Зувемби — больше не человек. Она не знает ни родственников, ни друзей. Но она заодно с народами Черного Мира. Она повелевает оборотнями, демонами и животными — совами, петухами, мышами, змеями. Она может навлечь тьму, погасив маленький свет. Она уязвима для свинца и стали, но если ее не убить, она живет вечно. Она не ест человеческой пищи и живет, подобно летучим мышам, в пещере или в заброшенном доме. Время ничего не значит для нее — час, день, год, все равно. Она не говорит речью человека, но зву-

ком своего голоса может притягивать людей, убивает их и повелевает безжизненным телом, пока оно не остынет. Пока течет кровь — труп подчиняется ей. И ей доставляет удовольствие убивать.

— Зачем же становятся зувемби? — спросил Баннер.

— Ненависть, — прошептал старик. — Ненависть и месть.

— Ее имя было Джоан? — спросил Баннер. Это имя медленно просочилось сквозь пелену, окутывавшую разум чародея, и он восторженно вскрикнул, пробуждаясь от сна наяву. Глаза его снова стали ясными и заблестели, как мокрый гранит.

— Джоан? — повторил он медленно. — Я давно уже не слышал этого имени. Кажется, я спал, белые господа. Прошу прощения, но я ничего не помню. Старики, точно собаки, — любят вздремнуть у огня. Вы спрашивали меня о Блассенвилях? Господа, если бы я сказал вам, почему не могу ответить, то вы назвали бы это простым суеверием. Но пусть Бог белого человека будет моим свидетелем, я...

Говоря это, он протянул руку за хворостом, вороша кучу валежника.

Речь его оборвалась криком. Он конвульсивно отдернул руку — бьющая хвостом змея

повисла на ней. Она обвилась вокруг руки колдуна несколько раз и в молчаливой ярости раз за разом наносила удары своей клинообразной головой.

Крича, старик свалился в огонь, опрокинув на себя котелок и разбрасывая угли. Баннер выхватил из костра тяжелую головню и ударил ею по плоской голове змеи. Та соскользнула с руки старика, и Баннер, чертыхаясь, отбросил пинком ноги ее извивающееся тело. Старый Джекоб больше не кричал.

Он лежал спокойно, уставившись остекленевшими глазами в грязный потолок хижины.

— Мертв? — прошептал Грисвелл.

— Мертв, — согласился Баннер. — Мертв, как Иуда Искарот. — Он посмотрел на извивающуюся змею. — Эта чертова гадина вогнала столько яду в его вены, что хватило бы на дюжину здоровых молодых парней. И все же я думаю, что его убил страх.

— Что же теперь мы будем делать?!

— Оставим тело здесь на койке. Дикие свиньи не повредят его, если хорошенько закрыть дверь. Завтра мы отвезем тело в город, а сегодня ночью у нас есть другая работа. Пойдем!

Грисвелл старался не прикасаться к телу, когда помогал шерифу положить старого Дже-

коба на койку, а затем, спотыкаясь, вышел из хижины.

Солнце опускалось за горизонт, пламенея меж черных стволов.

Они молча забрались в машину и поехали обратно.

— Он сказал, что Большой Змей пошлет своего младшего брата, — пробормотал Грисвелл.

— Чепуха, — буркнул Баннер. — Змеи любят тепло, и болото просто кишит ими. Эта змея подобралась к костру и свернулась среди сучьев. Старый Джекоб потревожил ее, и она напала. В этом нет ничего сверхъестественного. — После короткой паузы он добавил чуть дрогнувшим голосом: — Впрочем, я первый раз вижу, чтобы гремучая змея напала без предупреждения. И впервые вижу гремучку с белым полумесяцем на голове.

Они свернули на главную дорогу, и Грисвелл снова заговорил:

— Вы думаете, что мулатка Джоан пряталась в доме все эти годы?

— Вы слышали, что сказал старый Джекоб, — сурово ответил шериф. — Время ничего не значит для зуемби.

Они сделали последний поворот, и Грисвелл собрался с духом. При виде дома, взды-

мающегося черной громадой на фоне заката, он закусил губу, чтобы не закричать. Мысли о таящемся во мраке чудовище вновь завладели им.

— Смотрите! — прошептал он пересохшими губами, когда они остановились у поместья. Баннер хмыкнул.

С балюстрад галереи вспорхнула стая голубей и облаком черных крапинок понеслась по багровому небу.

Зов зувемби.

Они сидели, боясь пошевелиться, пока последний из голубей не скрылся вдали.

— Ну вот, наконец-то и мне довелось их увидеть, — проговорил Баннер.

— Может быть, это суждено только обреченным, — прошептал Грисвелл. — Вспомните того бродягу...

— Мы скоро узнаем это, — спокойно ответил шериф, выбираясь из машины, но Грисвелл заметил, что рука его непроизвольно потянулась к кобуре.

Дубовая дверь все так же болталась на сломанных петлях. Звуки шагов по каменному полу гулко отдавались в пустой прихожей. Слепые окна горели пламенем заката. Войдя вслед за Баннером в просторный холл, Грисвелл заметил цепочку черных отметин на полу,

обозначивших последний путь Джона Брэйнера.

Баннер расстелил в пыли захваченные из машины одеяла.

— Я лягу ближе к двери, — сказал он, — а вы — туда, где спали прошлой ночью.

— Не разжечь ли нам огонь в камине? — спросил Грисвелл, ужасаясь мысли о тьме, которая нахлынет из леса, когда кончатся короткие сумерки.

— Зачем? У нас есть фонари. Мы ляжем в темноте и посмотрим, что будет дальше. Вы умеете пользоваться оружием?

— Думаю, что смогу. Я никогда не стрелял из револьвера, но знаю, как это делается.

— Хорошо, тогда предоставим стрельбу мне. — Баннер сел, скрестив ноги, на одеяло и, опустошив барабан своего огромного кольта, проверил каждый патрон, перед тем как вставить его обратно.

Грисвелл нервно ходил взад-вперед, прожоя тоскливым взглядом умирающий закат, подобно скупцу, взирающему на отбираемое у него золото.

Облокотясь одной рукой на рамку камина, он посмотрел вниз, на золу, покрытую пылью. Возможно, этот огонь разжигала сама Элизабет Блассенвиль более сорока лет тому назад.

Мысль эта еще больше расстроила его. Он чертыхнулся и пхнул пепел носком ботинка. Что-то мелькнуло среди головешек — клочок бумаги, желтый от времени. Нехотя Грисвелл нагнулся и вытащил из-под слоя пепла тетрадь в рассыпающемся картонном переплете.

— Что это вы там нашли? — осведомился шериф, опуская револьвер.

— Старую тетрадь. Похоже на чей-то дневник. Страницы исписаны, но чернила сильно выцвели, а бумага в таком состоянии, что ничего не разобрать. Как вы думаете, почему она не сгорела в камине?

— Была брошена туда, когда огонь уже погас, — предположил Баннер. — Может быть, кто-то нашел ее и забросил в камин: кто-то из воровавших мебель. Очевидно, он не умел читать.

Грисвелл перелистал мятые листы, напряженно всматриваясь при свете гаснущего заката в поблекшие каракули. Внезапно он выпрямился:

— Вот здесь разборчиво! Слушайте! — Он начал читать: «Я знаю, что в доме есть кто-то кроме меня. Я слышу, как он ходит по дому ночью, когда садится солнце и сосны снаружи теряются во мраке. Часто по ночам кто-то скребется под моей дверью. Кто это? Одна из

моих сестер? Или тетушка Селия? Если это так, то зачем ей красться по собственному дому? И зачем, потянув ручку двери, она тихо уходит, когда я спрашиваю — кто там? Нет, нет! Я боюсь. О Боже, что мне делать? Я боюсь оставаться здесь, но куда же мне идти?»

— О! — воскликнул Баннер. — Похоже, это дневник Элизабет Блассенвиль! Продолжайте!

— Не могу прочесть остального, — ответил Грисвелл. — После этих страниц я могу разобрать только несколько строчек. — Он прочел: «Почему негры сбежали, когда исчезла тетушка Селия? Сестры мои мертвы — я знаю, что они мертвы. Я чувствую, что они умерли ужасно, в страхе и в темноте. Но почему? Если кто-то убил тетушку Селию, то зачем ему убивать моих бедных сестер? Они были так добры к неграм. Если только Джоан...» — Он остановился, тщетно разыскивая продолжение. — Оторван кусок страницы. Здесь есть еще запись, под другой датой — то есть я думаю, что это дата. Начинается с полуслова: «...ужасная вещь, на которую намекала старая негритянка. Она назвала Джекоба и Джоан, но ничего не объяснила, может быть, она боялась». Здесь неразборчиво... А затем: «Нет, нет!... Как это может быть?! Она мертва или ушла! Пусть она

родилась и воспитана в Вест-Индии, и не раз намекала, что посвящена в какие-то темные таинства, — как она могла стать таким чудовищем! Это ужас! Боже, разве бывают такие вещи? Я не знаю, что думать. Если это она бродит ночью по дому, копошится у моей двери и свистит так дьявольски сладко... Нет, нет, я наверняка схожу с ума! Если я останусь здесь, я умру так же ужасно, как и сестры, — уж в этом-то я уверена...» Бессвязная хроника кончилась так же внезапно, как и началась.

Грисвелл, поглощенный разглядыванием неразборчивых строчек, не заметил, как пришла тьма. Баннер давно уже освещал рукопись своим фонарем.

Оторвавшись от чтения, Грисвелл вздрогнул и бросил быстрый взгляд в темный холл.

— Что вы об этом скажете? — спросил он.

— То, что я и подозревал, — ответил Баннер. — Эта мулатка Джоан превратилась в зувемби, чтобы отомстить мисс Селии. Вероятно, свою ненависть к хозяйке она перенесла и на всю семью. Она принимала участие в колдовских обрядах на своем родном острове и «была готовой», как сказал старый Джекоб. Все, чего ей не хватало, — это Черное Зелье... и Джекоб снабдил ее им. Она убила мисс Селию и трех ее племянниц-сестер. Она убила бы

и Элизабет, да помешала случайность. Она скрывается все эти годы в старом доме, как змея в развалинах.

— Но зачем ей понадобилось убивать Брэйнера?!

— Вы же слышали, что сказал старый Джекоб, — напомнил шериф. — Убивать людей доставляет зувемби удовольствие. Она заманила Брэйнера наверх и проломила ему голову, а потом, вооружив труп топором, направила его вниз, чтобы убить вас его руками. Ни один суд не поверит этому, но если мы предъявим суду ее тело, этого хватит, чтобы доказать вашу невиновность. Моему слову поверят, а я скажу, что Брэйнера убила она. Джекоб сказал, что ее можно убить... Впрочем, отчитываясь перед судом, я не буду вдаваться в подробности.

— Но она смотрела на нас с лестницы через балюстраду, — пробормотал Грисвелл. — Почему же мы не обнаружили ее следов на лестнице?

— Возможно, вам это приснилось, или она может внушать какие-то видения... К черту! Зачем пытаться объяснить то, что выше нашего понимания? Пора приступать к нашей вахте.

— Не выключайте свет! — произвольно

воскликнул Грисвелл, но все же взял себя в руки. — Нет, конечно, гасите его. Мы должны лежать в темноте, как... — он запнулся, — как в тот раз.

Но страх, словно тошнота, подступил к нему, когда комната погрузилась во тьму. Он лежал и дрожал, слушая, как неистово стучит его сердце.

— Вест-Индия, наверное, самое гиблое место в мире, — задумчиво проговорил Баннер. Голубая сталь кольца мерцала поверх его одеяла. — Я слышал о зомби — оживших мертвецах. Но никогда до этого я не знал о зувемби. Очевидно, колдуны могли состряпать какое-то средство, вызывающее помешательство у женщин. Но это не объясняет гипнотических снов, необыкновенную долговечность, способность управлять трупами — нет, зувемби не может быть просто одержимой женщиной. Это чудовище — нечто большее, чем человеческое существо, оно порождено волшебными силами черных болот и джунглей.

Грисвелл заставил себя лежать спокойно. Казалось, время остановилось.

Он чувствовал себя так, будто что-то душило его. Неопределенность становилась невыносимой; при попытке овладеть сжатыми в комок нервами его лоб покрылся холодным

потом. Он сжал зубы и держал их так, пока челюсти не свело болью. Ногти его глубоко впились в ладони.

Он не знал, что его ждет. Дьявол появится вновь — но в каком облике?

Будет ли это ужасно-сладостный свист, или шаги босых ног по скрипящим ступеням, или же внезапный удар топора из темноты? Кого зувемби выберет в этот раз — его или Баннера? Быть может, Баннер уже мертв? Грисвелл ничего не видел в темноте, но слышал ровное дыхание шерифа. Баннер, очевидно, имел стальные нервы — но был ли это Баннер? Может быть, дьявол уже пришел и занял его место, с кровожадным злорадством выцеливая следующий удар?

Тысячи леденящих фантазий копошились в мозгу Грисвелла, сливаясь в сплошной ужасный кошмар.

Он понял, что сойдет с ума, если тотчас же не вскочит на ноги и не бросится, дико крича, прочь из этого проклятого дома. Даже страх перед виселицей не мог удержать его здесь — но не успел он пошевелиться, как дыхание Баннера изменилось, и Грисвелл почувствовал себя так, словно его окатили ведром ледяной воды. Откуда-то сверху, от лестницы, раздался дьявольский сладкий свист...

Инстинкт Грисвелла сработал, погрузив

его мозг во тьму, более глубокую, чем окружавший его непроглядный мрак. В течение некоторого времени он находился в абсолютной прострации, а затем ощущение движения проникло в его пробуждающееся сознание. Он бежал как сумасшедший, спотыкаясь о неровности дороги. Все вокруг него заполняла тьма, и он бежал вслепую. Он смутно сообразил, что, должно быть, вырвался из дома и пробежал несколько миль, прежде чем мозг его снова стал работать нормально. Ему было все равно. Смерть на виселице за убийство, которое он не совершал, и вполтину не ужасала его так, как мысль о возвращении в этот дом кошмара. Он был одержим единственным побуждением — бежать, бежать, бежать, как он бежал сейчас, вслепую, не останавливаясь, пока не иссякнут силы. Туман все еще окутывал его разум, но он почувствовал смутное удивление — почему не видно звезд сквозь ветви деревьев? Он желал видеть, куда он бежит, он чувствовал, что взбирается на холм, и это было странно, так как он знал, что на несколько миль в округе не было никаких холмов. Затем впереди и вверху появилось тусклое свечение.

Он взбирался навстречу свечению, ступая на выступы, которые принимали все более симметричную форму. Затем ужас пронзил его: он понял, что все это время на уши его давил звук — странный, насмешливый свист. Звук этот рассеял туман — но что это? Где он был? Пробуждение и ясность мысли были

ошеломляющими, словно удар топора. Он не бежал по дороге и не взбирался на холм.

Он поднимался по лестнице.

Он все еще был в доме Блассенвилей — и он поднимался по лестнице!

Нечеловеческий вопль сорвался с его губ, и, заглушая все, сумасшедший свист перешел в зловещий демонический рев звериного торжества.

Он попытался остановиться, повернуть назад или хотя бы прижаться к балюстраде. Собственный вопль нестерпимо звенел в его ушах. Его сила воли была смята. Грисвелла больше не существовало. У него не было разума. Он уронил свой фонарь и забыл о лежащем в кармане оружии. Он не владел своим телом. Ноги двигались неуклюже, работая, словно части механизма, подчиненные внешней силе. Стуча по ступеням, они влекли его вверх, навстречу мерцающему дьявольскому пламени.

— Баннер! — молил он. — Баннер! Помогите мне, ради Бога!

Но крик застрял в горле. Грисвелл достиг верхней площадки. Он уже шел внутрь холла. Свист притих и исчез совсем, но импульс чужой воли влек его по-прежнему. Он не видел, откуда исходит тусклое свечение. Казалось, оно шло с разных сторон. Затем он увидел маленькую гибкую фигуру, приближающуюся к нему. Она была похожа на женщину, но ни у одной женщины не могло быть такого ужасного лица, отвратительно-желтого, наполненно-

го безумной жадой убийства. Он попробовал закричать при виде этого лица и блеска стали в занесенной когтистой лапе, но его язык отказался повиноваться ему.

Затем позади него что-то оглушительно грохнуло. Тени были развеяны языком пламени, осветившем падающую назад отвратительную фигуру. Раздался пронзительный нечеловеческий рев.

Во тьме, последовавшей за вспышкой, Грисвелл упал на колени и закрыл лицо руками. Он не слышал голоса Баннера, и лишь рука шерифа, встряхнувшая его за плечо, вывела его из обморочного состояния.

Свет ослепил его. Мигая и прикрывая глаза рукой, Грисвелл взглянул в лицо шерифу. Тот был бледен.

— Вы целы? Боже, целы ли вы? Этот мясницкий топор...

— Я цел, — промямлил Грисвелл. — Вы выстрелили вовремя. Но дьявол! Где она? Куда она делась?

— Уползла в свое логово. Слушайте!

Откуда-то из глубины дома доносились отвратительные хлопающие звуки, словно что-то извивалось и билось в предсмертных конвульсиях.

— Джекоб был прав, — угрюмо сказал шериф. — Свинец может их убивать. Я уложил ее. Все в порядке. Нельзя было использовать фонарь, но света и так хватило. Когда этот

свист завладел вами, вы чуть не наступили на меня. Я знал, что вы загипнотизированы или не в себе, и пошел следом за вами по лестнице. Я держался позади вас, пришлось согнуться, чтобы она меня не заметила. Я долго медлил, прежде чем выстрелить, — вид ее чуть не парализовал меня. Смотрите!

Луч фонаря скользнул вдоль холла. Там, где раньше была видна сплошная стена, теперь зиял темный проем.

— Дверь в потайную комнату, которую нашла мисс Элизабет, — взволнованно сказал Баннер. — Идемте!

Он побежал через холл, и Грисвелл машинально последовал за ним.

Хлопанье и возня доносились именно со стороны этой новой двери, но сейчас они уже прекратились.

Свет обрисовал узкий коридор, подобный туннелю, который был проделан в толстой стене старого дома. Не колеблясь, шериф нырнул в темноту.

— Наверное, мышление зувемби отличается от человеческого, — рассуждал он вслух, освещая себе дорогу. — Но раз прошлой ночью у этой твари хватило ума замести следы, чтобы мы не смогли понять, откуда она пришла... Да, здесь есть комната — тайная комната дома Блассенвилей!

Он остановился, и Грисвелл за его спиной в ужасе закричал:

— Боже мой! Это та самая комната без окон, с тремя повешенными, которая мне приснилась!

Луч фонаря, обежав стены круглой комнаты, внезапно остановился. В широком круге света виднелись три фигуры, три маленькие сморщенные мумии в истлевших платьях прошлого века. Их ноги отделяло от пола не менее фута, а сами они были подвешены за вытянувшиеся шеи к цепям, свисающим с потолка.

— Три сестры Блассенвиль! — прошептал Баннер. — В любом случае мисс Элизабет не была сумасшедшей.

— Смотрите, там, в углу... — Грисвелл с трудом заставил голос повиноваться.

Свет фонаря двинулся и тут же замер.

— Неужели это когда-то было женщиной? — прошептал Грисвелл, содрогаясь. — Это ужасное желтое лицо, эти руки с черными когтями, словно у зверя. И все же это был человек — на ней обрывки старого бального платья... Почему служанка-мулатка носила такое одеяние?

— Вот где было ее логово в течение сорока лет, — не слушая его, проговорил Баннер, глядя на мертвую тварь, распростертую в углу. — И это оправдывает вас, Грисвелл. Помешанная женщина с топором — вот все, что нужно знать властям. Боже, что за место! И

какую дьявольскую натуру надо было иметь с самого начала, чтобы предаваться этим колдовским обрядам!

— Женщина-мулатка? — прошептал Грисвелл, предчувствуя новое ужасное открытие.

Баннер покачал головой:

— Мы неправильно поняли бормотание старого Джекоба, как и то, что написала мисс Элизабет. Она должна была знать правду, но семейная гордость не позволила ей сказать правду. Грисвелл, теперь я понял: мулатка отомщена не так, как мы предполагали. Она не пила Черного Зелья, которое приготовил для нее старый Джекоб. Зелье предназначалось для другой цели: подмешать в еду или в кофе... а потом Джоан убежала, посеяв семена зла.

— Так значит, это не мулатка? — спросил Грисвелл.

— Когда я увидел ее там, в холле, я уже знал, что она не мулатка. Даже в этих искаженных чертах лица отражается ее наследственная красота. Я видел ее портрет и не могу ошибиться. Здесь лежит существо, когда-то бывшее Селией Блассенвиль.

A decorative border surrounds the central text area. It consists of a repeating pattern of stylized skulls and leaves. The skulls are positioned at regular intervals along the top and bottom edges, while the leaves and smaller decorative elements fill the vertical space between them.

Джозеф Конрад

ИДИОТЫ

Мы ехали по дороге из Трегье в Керванду. Быстрой рысью проскочили между живыми изгородями, венчавшими земляные валы по обе стороны дороги; затем у подножия крутого подъема, не доезжая Плумара, лошади перешли на шаг, и кучер тяжело спрыгнул с козел. Он щелкнул кнутом и, держась одной рукой за подножку и уставившись в землю, стал взбираться в гору, неуклюже ступая сбоку от экипажа. Через некоторое время он поднял голову, показал концом кнута вверх по дороге и сказал:

— Смотрите: идиот!

Нешадно палило солнце. Возвышенности были покрыты рощицами тощих деревьев, ветви которых торчали высоко в небо, как будто они посажены на ходули. Маленькие поля, разделенные живыми изгородями и каменными барьерами, лежали прямоугольными заплатками из живой зелени и желтизны. Они походили на неумелые мазки безыскусной кар-

тины. И вся местность была разделена на две части белой прожилкой дороги, уходившей вдаль, словно пыльная река, сползающая с холмов к морю.

— Он здесь, — опять сказал кучер.

Мы тихо проехали рядом, и в высокой траве обочины медленно проплыло на уровне колес чье-то лицо. Глупое красное лицо. Вытянутая голова с коротко стриженными волосами, казалось, одиноко лежала, уткнувшись подбородком в пыль. Тело осталось в кустах, густо росших по дну глубокой канавы.

Это было лицо юноши. С виду ему можно было дать лет шестнадцать, возможно, меньше, возможно, больше. Время забывает такие создания, и они живут, нетронутые годами, пока сострадательная смерть не усыпит их в своих объятиях; добросовестная смерть, которая и в спешке никогда не забывает даже самых незначительных своих детей.

— Ага, а вот еще один.

Кучер произнес это с некоторым удовлетворением в голосе, как будто поймал взором нечто долгожданное.

Точно, еще один. Этот стоял почти посередине дороги в ярком солнечном свете на краю своей собственной короткой тени. Он стоял, втянув руки в рукава длинного пиджака,

его голова втянулась в плечи и совсем вспухла от жары. Издали он казался человеком, страдающим от сильного холода.

— Это близнецы, — пояснил кучер.

Идиот отковылял на два шага в сторону и посмотрел на нас через плечо. У него был невидящий и изумленный, словно зачарованный, взгляд. Он не обернулся нам вслед. Вероятно, промелькнувший перед его глазами образ не оставил никаких следов в уродливом мозгу. Когда мы поднялись на вершину склона, я выглянул из экипажа. Идиот стоял на дороге в том же месте, где мы его оставили.

Кучер вскарабкался на сиденье, щелкнул языком, и мы покатали вниз с холма. Время от времени тормоза ужасно скрипели. У подножия кучер ослабил это шумное устройство и сказал, полуразвернувшись на козлах:

— Скоро мы увидим еще таких же.

— Еще идиотов? Сколько же их здесь? — спросил я.

— Четверо. Дети крестьянина из Плумара... Их родители умерли, — добавил он через некоторое время. — Бабушка живет на ферме. В течение дня они болтаются на этой дороге, а в сумерках возвращаются домой вместе со скотом... Это хорошее хозяйство.

Мы увидели и двоих других: мальчика и

девочку, как сказал кучер. Они были одеты совершенно одинаково, в бесформенные пиджаки и нечто, похожее на нижние юбки. Неполноценное существо, жившее в них, заставило эти создания завывать на нас с вершины насыпи, где они сидели, развалиясь среди жестких стеблей дрока. Их коротко остриженные черные головы торчали сквозь ярко-желтую стену из бесчисленных маленьких цветков. От напряженного крика их лица побагровели; голоса звучали невыразительно и надтреснуто, словно подделывались под голоса стариков, а потом внезапно смолкли, когда мы свернули на тропинку между изгородями.

Я видел их много раз во время странствий по этому краю. Они жили на дороге, перемещались по ней туда-сюда, повинувшись необъяснимым порывам своих нелепых темных душ. Они казались оскорблением солнечному свету, упреком чистым небесам, болезнью сосредоточенной и целеустремленной силы этой дикой местности.

С течением времени из равнодушных ответов на мои вопросы, незначительных слов, услышанных в придорожных гостиницах или на самой дороге, часто посещаемой этими идиотами, история их родителей приобрела для меня зримые черты. Часть ее была рассказана

одним истощенным и во всем сомневающимся стариком с огромным кнутом, когда мы с ним с трудом тащились через пески рядом с двухколесной повозкой, груженной мокрыми морскими водорослями. Затем другие люди подтвердили и дополнили историю, и, наконец, она целиком встала предо мной — страшная и простая повесть, так всегда оказывается, после того как все откроется. Вот эти мрачные испытания, пережитые невежественными сердцами.

Вернувшись с воинской службы, Жан-Пьер Бакаду застал своих стариков совсем в преклонном возрасте. С огорчением он заметил, что работа в хозяйстве ведется плохо. У отца уже не было прежней энергии. Работники не чувствовали над собой хозяйского глаза.

Жан-Пьер печально отметил, что куча навоза на внутреннем дворе перед единственным входом в дом не столь велика, какой ей следовало быть. Ограды не подправлялись, скотина была запущена. В доме мать была почти прикована болезнью к постели, и девушки громко болтали на большой кухне с утра до вечера, не получая выговоров.

Жан-Пьер сказал себе: «Мы должны все это изменить».

Однажды вечером, когда лучи заходящего

солнца разлиновали густую тень, он обсудил дело с отцом. Над навозной кучей плавал туман, куры прекратили царапанье, чтобы окинуть быстрым взглядом круглых глаз двух разговаривавших хриплыми голосами мужчин, одинаково тощих и высоких. Старик, весь скрученный ревматизмом и согнутый годами работы, и более молодой, костлявый и стройный, беседовали, по обычаю крестьян, совершенно спокойно — не помогая себе руками, серьезно и не спеша. Но еще до захода солнца отец покорился рассудительным доводам сына.

— Я говорю не ради себя, — настаивал Жан-Пьер. — Ради земли. Жалко смотреть, как ее используют. Я не о себе пекусь.

Старик кивнул.

— Пожалуй, пожалуй, — пробормотал он. — Ты прав. Делай как хочешь. Уж мать-то будет довольна.

Мать уже была довольна — своей невесткой. Стремительным броском Жан-Пьер загнал во двор рессорную двуколку. Серые лошади бежали тяжелым галопом.

Далеко отставшие свадебные гости парами и группами брели по дороге. Мужчины продвигались тяжелой поступью, размахивая праздными руками. Они были одеты по-

городски: в жакеты, скроенные с грубым изяществом, жесткие черные шляпы, огромные и тщательно начищенные ботинки. Их жены, все в простых черных платьях, белых шляпках и выцветших шалях, собранных на спинах треугольниками, шли рядом с ними легким прогулочным шагом.

Впереди резким голосом пела скрипка, а бретонская волынка храпела и жужжала всякий раз, когда музыкант торжественно и весело подпрыгивал, высоко поднимая свои тяжелые башмаки. Унылая процессия двигалась по узким дорожкам сквозь солнечный свет и тень, между полями и живыми изгородями.

Во дворе дома Бакаду темная лента процессии скомкалась в толпу мужчин и женщин, с криками и приветствиями толкавшихся у дверей. Свадебный обед вспоминали потом месяцами. Это был роскошный пир в саду, среди фруктовых деревьев. Крестьян, зажиточных и с безупречными именами, находили спящими в канавах вдоль всей дороги в Трегье даже на следующий день пополудни. Вся окрестность принимала участие в торжестве Жан-Пьера. Он же оставался трезвым и вместе со своей тихой женой держался в стороне, предоставляя отцу и матери принимать положенные почести и благодарности. Но на следую-

щий день он круто взял все в свои руки, и старики почувствовали, что на них бесповоротно легла тень — предвестник недалекой смерти. Да, мир должен принадлежать молодым.

Когда родились близнецы, в доме было просторно, поскольку мать Жан-Пьера уже переселилась под тяжелый камень на кладбище Плумара. В тот день утром, впервые после женитьбы сына, Бакаду-старший, забытый кудахтавшей толпой толкавшихся на кухне чужих женщин, покинул свое кресло у очага и пошел, мрачно покачивая седой головой, в пустой коровник. Внуки — это, конечно, очень хорошо, но и от супа в полдень он бы не отказался.

Когда старику показали малышей, он посмотрел на них остановившимся взглядом и пробормотал что-то похожее на «это слишком». Невозможно было понять, имел ли он в виду слишком много счастья или просто высказался по поводу числа своих потомков. Старик казался обиженным — в той мере, в какой его безжизненное лицо вообще могло что-либо выражать; и в последующие дни почти в любое время его можно было видеть сидящим с трубкой во рту у ворот в мрачной сосредоточенности.

Однажды он с тяжелым вздохом сказал

сыну, подразумевая новых членов семьи:

— Они будут спорить из-за земли.

Жан-Пьер вяло ответил:

— Не беспокойся об этом, отец.

И, согнувшись вдвое, прошел мимо, таща за собой за веревку непослушную корову.

Жан-Пьер был счастлив, как и его жена Сюзанна. Это не была возвышенная радость, благословляющая новые души на борьбу и победу. Через четырнадцать лет мальчики станут помощниками; а затем (так рисовало воображение Жан-Пьера) два взрослых сына зашагают по земле от одного участка к другому, собирая дань с любимой и плодородной земли. Сюзанна тоже была счастлива. Она не хотела, чтобы о ней судачили как о несчастной женщине, и теперь, когда у нее были дети, никто уже не мог ее так назвать.

Оба они, Сюзанна и Жан-Пьер, повидали кое-что в большом мире: он — во время воинской службы, она — когда провела около года в Париже с одной бретонской семьей. Но Сюзанна слишком мучилась ностальгией, чтобы дольше оставаться вдали от родных мест — холмистого и зеленого края, заброшенного среди бесплодных камней и песков. Она думала, что один из мальчиков мог бы стать священником, но ничего не говорила мужу-

республиканцу, ненавидевшему этих «ворон», как он называл священников.

Крестины были великолепны. Собралась вся коммуна, поскольку Бакаду были богаты и влиятельны и время от времени не обращали внимания на расходы. Дедушка получил в подарок новый пиджак.

Через несколько месяцев как-то вечером, когда кухня уже была подметена, а дверь заперта на замок, Жан-Пьер спросил жену, глядя на детскую кроватку:

— Что же это такое с детьми?

И она ответила громким воплем, как будто эти тихо произнесенные слова были предзнаменованием несчастья. Ее вопль был слышен даже в свинарнике на другом конце двора (у Бакаду были лучшие свиньи в округе). Свиньи завозились в темноте и недовольно захрюкали.

Муж уставился в стену и принялся тщательно разжевывать хлеб с маслом, наклонившись над дымящейся тарелкой супа. Сегодня он поздно вернулся с рынка, где нечаянно услышал, и не в первый раз, шепот за своей спиной:

— Дураки! Оба... Ни к чему не годны!.. Да! Может быть, может быть. Сам должен видеть. Спросил бы жену.

И вот каким был ее ответ. Жан-Пьер по-

чувствовал сильный удар в грудь, но только сказал:

— Зачерпни-ка мне немного сидра. Хочу пить!

Продолжая стонать, Сюзанна вышла с пустым кувшином. Тогда Жан-Пьер встал, взял свечу и медленно подошел к колыбели. Дети спали. Он посмотрел на них сбоку, дожевал свой кусок, тяжело вернулся к столу и опять уселся перед тарелкой. Когда жена вернулась, Жан-Пьер ни разу не поднял глаз, только с шумом проглотил пару ложек и заметил тусклым голосом:

— Когда они спят, они похожи на обычных детей.

Сюзанна упала на стоявший поблизости стул и затряслась в немом приступе рыданий. Она была не в силах говорить.

Жан-Пьер закончил обед и празднично откинулся в своем кресле, вперившись взором в черные стропила потолка. Сальная свеча перед ним горела красным и прямым пламенем, посылая вверх тонкую ниточку дыма. Свет лежал на шероховатой и загорелой коже его горла, ввалившиеся щеки казались темными пятнами, и весь его облик был печальным и вялым, как будто он тяжело продумывал какие-то бесконечные мысли. Затем Жан-Пьер неуверенно

сказал:

— Посмотрим... посоветуемся с людьми. Не кричи... Не будут же все такими, как эти... Я уверен! А сейчас надо спать.

Когда родился третий ребенок, тоже мальчик, Жан-Пьер крутился на работе и был полон надежд. Его губы были плотно сжаты как будто от страха, что земля, которую он возделывал, услышит тот едва различимый голос надежды, что звучал у него в груди.

Он наблюдал за ребенком, часто подходил, тяжело стуча по каменному полу деревянными башмаками, к колыбели и заглядывал через плечо внутрь колыбели с тем безразличием, что служит у крестьян уродливым выражением доброты. Подобно земле, которой они владеют и служат, эти люди, неторопливые во взглядах и речах, не показывают внутреннего огня. И в конце концов, про них, как и про землю, хочется спросить: что же там, в сердцевине, — жар, буря, какая-нибудь таинственная и ужасная сила или ничего, кроме комьев и глыб плодородной и неподвижной массы, холодной и ничего не чувствующей, способной рождать растения, которые поддерживают жизнь или приносят смерть?

Мать наблюдала теперь за ребенком другими глазами, прислушивалась к нему уже

иначе настроенными ушами. Под высокими полками на кухне она следила за горшком, подвешенным в очаге на железных стойках и пруте, и терла длинный стол, за которым будут ужинать работники. Но в мыслях она по-прежнему была у колыбели, ночью и днем на страже, надеясь и страдая.

Этот ребенок, как и два других, ни разу не улыбнулся, ни разу не протянул к ней своих рук, ни разу не залепетал. Его большие черные глаза ни разу не признали матери, они лишь пристально смотрели на каждый блестящий предмет, но безнадежно не могли проследить за ярким солнечным лучом, медленно скользящим по полу.

Когда мужчины работали, Сюзанна проводила долгие дни между тремя идиотами и впавшим в детство дедом, который сидел, суровый, угловатый и неподвижный, грея ступни у теплой золы очага.

Немощный старик, казалось, подозревал, что с его внуками что-то не так. Только однажды, движимый привязанностью или чувством собственности, старик попытался помянуть младшего. Он поднял мальчика с пола, пощелкал ему языком и попробовал изобразить своими костлявыми коленями тряский галоп. Затем он внимательно посмотрел зату-

маненными глазами в лицо ребенка и осторожно опустил его снова на пол. И сидел затем с обеспокоенным старческим взглядом, скрестив вытянутые тощие ноги и кивая пару, вырывавшемуся из висевшего над огнем горшка.

Безмолвная печаль поселилась в доме Бакаду, пропитав каждое мгновение жизни его обитателей; и однажды у священника Плумарского прихода появился важный повод принимать поздравления.

Священник тотчас навестил маркиза де Шаван, местного богатого землевладельца, чтобы лично высказать ему с радостным пылом торжественные пошлости о неисповедимых путях Провидения. В полумраке занавешенной просторной гостиной маленький мужчина, похожий на черный валик для подушки, положив свою шляпу на колени, наклонился к кушетке и размахивал пухлой рукой над удлиненными, изящными линиями прекрасного парижского туалета, забавляя скучающую маркизу.

Та слушала его со снисходительной томностью. Священник ликовал и смеялся, гордился и благоговел. Свершилось невозможное. Жан-Пьер Бакаду, ярый республиканец, был в прошлое воскресенье на мессе и даже предложил

свои услуги, чтобы принять приглашенных на следующий праздник в Плумаре священников! Это было торжеством Церкви и святого дела.

— Я подумал, что тотчас поеду сообщить господину маркизу. Я знаю, как он беспокоится о благоденствии нашего края, — заявил священник, утирая лицо.

Его пригласили остаться отужинать.

Возвращаясь вечером после проводов гостя до главных ворот парка, Шаваны обсудили дело. Во время этой прогулки их длинные тени ложились на прямую каштановую аллею.

Маркиз, разумеется, был роялист и мэр коммуны, которая включала в себя Плумар, разбросанные по побережью деревушки и каменные острова, что обрамляли желтую ровную поверхность песков. Он считал свое положение ненадежным, поскольку в этой местности были сильны республиканцы; но сейчас, после преображения Жан-Пьера, он чувствовал себя в безопасности. Маркиз был очень доволен.

— Ты не представляешь, как влиятельны эти люди, — объяснял он жене. — Теперь, я в этом уверен, следующие коммунальные выборы пройдут хорошо. Я буду переизбран.

— Твое честолюбие, Шарль, совершенно ненасытно! — весело воскликнула маркиза.

— Но, мой друг, — серьезно возразил муж, — очень важно, чтобы в этом году нужный человек был избран мэром из-за выборов в Палату. Если ты думаешь, что для меня это просто развлечение...

Жан-Пьер сдался уговорам тещи. Мадам Левай была деловой женщиной, известной и уважаемой в радиусе по крайней мере пятнадцати миль. Коренастая и крепкая, она моталась по этому краю, пешком или в повозках знакомых, в вечном движении, несмотря на свои пятьдесят восемь лет, и в постоянной погоне за делами. В каждой деревушке у нее был дом, она разрабатывала гранитные каменоломни, фраговала под камень каботажные суда — торговала даже с Нормандскими островами.

Широколицая и большеглазая, мадам Левай говорила убедительно, отстаивая свою точку зрения со спокойным и непобедимым упорством старой женщины, которая знает, чего хочет. Очень редко ей доводилось спать две ночи подряд в одном и том же доме, и придорожные гостиницы были лучшим местом для желающих узнать о ее местонахождении. Либо она проехала, либо должна была проехать здесь в шесть часов, либо кто-нибудь из вновь прибывших видел ее утром или рассчи-

тивал ее-встретить сегодня вечером.

После гостиниц, что господствовали над дорогой, другими строениями, которые она посещала чаще всего, были церкви. Люди либеральных взглядов посылали ребятишек в эти священные здания, чтобы узнать, не там ли мадам Левай, и сообщить ей, что такой-то находится на дороге и ждет ее, чтобы переговорить о картофеле, или муке, или строительном камне, или домах; и мадам Левай умеряла свою набожность, выходила из церкви, мигая и крестясь под солнечными лучами, тотчас готовая тихо и рассудительно обсуждать деловые вопросы за обеденным столом в гостинице напротив.

В последнее время она пару раз гостила по нескольку дней у своего зятя, уверяя его кротким голосом и со спокойным выражением на лице, что это не просто горе и несчастье. Жан-Пьер чувствовал, как убеждения, усвоенные им в полку, покидают его, подорванные не ее доводами, но фактами.

Шагая по своим полям, он все тщательно обдумал. Их было трое. Трое! И все такие! Почему? Подобные вещи происходят не с каждым — ни с кем, из тех, о которых он когда-либо слышал. Один, да, это может случиться. Но трое! Все трое. Навсегда ни к чему не год-

ные, которых надо кормить, пока он жив и... Что станет с землей, когда он умрет? Это тоже надо иметь в виду. Жан-Пьер пожертвует своими убеждениями!

Однажды он сказал жене:

— Посмотрим, что твой Бог сделает для нас. Заплати за несколько месс.

Сюзанна благодарно обняла мужа. Жан-Пьер стоял не шелохнувшись, затем повернулся на каблуках и вышел. Но потом, когда черная сутана затемнила дверной проем, он не возражал, даже сам предложил священнику сидра. Он скромно прослушал беседу, сходил с женой и тещей на мессу, на Пасху исполнил то, что священник назвал «религиозным долгом».

В то утро Жан-Пьер чувствовал себя человеком, продавшим душу. После обеда он жестоко подрался со своим старым другом и соседом, бросившим ему мимоходом, что священники взяли верх и теперь собираются слопать своего бывшего врага.

Жан-Пьер вернулся домой растрепанный и весь в крови и, случайно заметив детей (обычно их убирали с дороги), стал сыпать проклятиями и бессвязно ругаться, громяхая кулаком по столу. Сюзанна плакала. Мадам Левай сидела спокойно и неподвижно. Она

уверила дочь, что «это пройдет», и, схватив зонтик, спешно отправилась осматривать шхуну, которую она собиралась загрузить гранитом из своего карьера.

Где-то через год родилась девочка. Девочка... Жан-Пьер услышал об этом в поле и был так огорчен новостью, что сел на разграничительную стенку и остался так сидеть до вечера, вместо того чтобы идти домой, как это от него требовалось. Девочка! Он чувствовал себя наполовину обманутым.

И все-таки, придя домой, он уже частично примирился со своей судьбой. Ее можно выдать замуж за хорошего парня — не просто хорошего, а толкового и с умелыми руками. «Кроме того, — подумал Жан-Пьер, — следующий ребенок может быть мальчиком. Конечно, все будет хорошо». Он был в этом совершенно уверен. Злая судьба сломлена. Жан-Пьер радостно говорил с женой. Та тоже была полна надежд. Три священника пришли на крестины, крестной была мадам Левай. Но девочка тоже оказалась идиотом.

После этого в рыночные дни Жана-Пьера видели ожесточенно, задиристо и жадно торгующимся; затем напивающимся с молчаливой серьезностью; затем едущим в сумерках домой со скоростью, подходящей для свадьбы, но с

лицом, достаточно мрачным, подходящим для похорон.

Иногда он настаивал, чтобы жена сопровождала его; и они уезжали ранним утром, трясясь рядом на узком сиденье над беспомощными свиньями, связанными по ногам и уныло хрюкавшими на каждой колдобине. Утренние поездки были тихими; но вечером по дороге домой подвыпивший Жан-Пьер злобно ворчал и рычал на проклятую женщину, не способную выносить детей, как у всех людей. Сюзанна, крепко держалась за повозку, чтобы не упасть при беспорядочном раскачивании, делала вид, что не слышит.

Однажды, когда они проезжали Плумар, какой-то темный и пьяный порыв заставил его резко остановить лошадь напротив кладбища. Луна плыла среди легких белых облаков. Могильные камни бледно мерцали под резными тенями деревьев на церковном дворе. Спали даже деревенские собаки. Только соловьи бодрствовали и высвистывали над тишиной могил звонкие трели любовных песен. Жан-Пьер тупо сказал жене:

— Как ты думаешь, что это такое?

Он показал кнутом на колокольню, на которой большой циферблат часов, висевших высоко в лунном свете, казался мертвенно-

бледным лицом без глаз. Осторожно вылезая, Жан-Пьер вдруг свалился на землю, но, поднявшись, вскарабкался по ступенькам к железным воротам церковного двора. Затем, прижавшись лицом к решетке, невнятно выкрикнул:

— Эй, там! Выходи!

— Жан! Вернись! Вернись! — умоляла жена тихим голосом.

Не обращая на нее внимания, он, казалось, чего-то ждал. Соловьиное пение металось между стенами ограды и тонуло в пучине каменных крестов и ровных серых плит, изрезанных словами надежды и печали.

— Эй! Выходи! — громко кричал Жан-Пьер.

Соловьи прекратили пение.

— Никого? — не отступал Жан-Пьер. — Здесь никого нет. Сплошной ваш обман, вороны. Вот что это такое. Нигде и никого. Терпеть не могу. Ну-ка! Хоп!

Он стал изо всех сил трясти ворота, и железная решетка загрохотала с ужасным лязгом, словно цепь, когда ее тащат по каменным ступеням. Где-то рядом торопливо залаяла собака. Жан-Пьер, пошатываясь, направился назад и после трех неудачных попыток взобрался наконец в повозку.

Сюзанна сидела совершенно спокойно и

тихо. Жан-Пьер сказал ей с пьяной суровостью:

— Видала?.. Никого... Меня одурачили! Беда! Но кое-кто за это заплатит. Первого же, если увижу у дома, отстегая кнутом... по его черному хребту... Отстегая. Чтоб и духу не было... он только помогает мерзким воронам грабить бедняков. Я человек... Вот увидим, могу ли я иметь таких же детей, как у других... запомни это... Они не будут все... все... вот увидим...

Прикрыв лицо, Сюзанна вскрикнула:

— Не говори так, Жан; не говори так, муж мой!

Жан-Пьер с размаху ударил ее тыльной стороной руки по голове, сбив на дно повозки, и Сюзанна затаилась там, покорно подсакивая при каждом толчке. Муж ее бешено понесся, привстав, размахивая кнутом и дергая поводьями. Лошадь скакала тяжелым галопом, и в такт бегу подпрыгивала на ее широком загривке сбруя.

Ночная округа наполнилась шумом раздраженно лаявших деревенских собак, преследовавших громяющую повозку. Пара запоздалых путников едва успели отскочить в канаву. У своей собственной калитки Жан-Пьер налетел на столб и был выброшен из повозки

головой вперед. Лошадь медленно подошла к двери. На пронзительные крики Сюзанны из дома выбежали работники. Она подумала, что муж мертв, но он всего лишь заснул в том месте, где упал, и обругал поспешивших к нему людей за то, что потревожили его сон.

Наступила осень. Облака низко нависли над черными склонами холмов; мертвая листва кружилась под голыми деревьями, пока ветер, тяжело вздохнув, не укладывал ее в ложбины обнаженных долин. С утра до вечера повсюду виднелись черные оголенные сучья, узловатые и извивающиеся, как будто скорчившиеся от боли; они печально качались между дождевыми тучами и промокшей землей. Ручьи, чистые и кроткие в летние дни, утратив свои нежные краски, яростно обрушивались, словно бешеные самоубийцы, на камни, преграждавшие путь к морю.

Жан-Пьер бродил под морозящим дождем по полям или мерил размашистым шагом гребни холмов. Одиноким и вознесенным к серым завесам медленно сносимых ветром туч, он как будто расхаживал по самому краю вселенной. Несчастный отец смотрел на черную землю, на землю безмолвную и подающую надежды, на таинственную землю, вершащую свое жизнеутверждающее дело в мертвенной

тишине под покровом печального неба. И ему казалось, что для мужчины еще хуже не иметь надежд на плодородие полей, чем не иметь детей; ему казалось, что земля убегает от него, пренебрегает им, смотрит на него хмуро, подобно темным тучам над его головой.

Вынужденный в одиночестве созерцать свои поля, Жан-Пьер почувствовал ничтожность человека, исчезающего раньше этих комьев. Должен ли он оставить надежду иметь рядом с собой сына, который смотрел бы на вспаханную землю хозяйским глазом? Человека, который думал бы, как он, и чувствовал бы, как он; человека, который был бы частью его самого, но остался бы по-хозяйски топтать эту землю, когда он уйдет!

Жан-Пьер вспомнил о своих дальних родственниках и так рассвирепел, что выругал их вслух. Им! Никогда! Он повернул к дому, двигаясь прямо по направлению к своему жилищу, чья крыша виднелась сквозь остовы деревьев. Когда Жан-Пьер перелез через ограду, на поле, не спеша, обосновалась стая каркающих птиц; они по одной садились за его спиной.

В тот день мадам Левай сразу после полудня отправилась в свой дом возле Керваньона. Ей нужно было расплатиться с рабочими,

занятыми поблизости на ее гранитном карьере, и еще в этом маленьком доме был магазин, где рабочие без хлопот могли потратить зарплату и не ездить в город.

Дом одиноко стоял среди скал. К двери вела грязная, каменистая дорожка. Морские ветры, достигая берега у мыса Стоункатер, яростно были среди неподвижных нагромождений черных валунов, упорно державших коротко-рукие высокие кресты наперекор страшному невидимому напору. Укрытое от ветра жилище стояло в звучной и тревожной тишине: все напоминало затишье в центре урагана.

В штормовые ночи во время отлива бухта Фежер, находившаяся в пятидесяти футах ниже дома, казалась огромной черной ямой, из которой слышались бормотание и вздохи, как будто пески там, внизу, были живыми и жаловались. Во время прилива вода налетала на края скалы короткими бросками, которые завершались вспышками мертвенно-бледного света и столбами брызг, ниспадавших на берег и жаливших насмерть траву на пастбищах.

С холмов спустилась темнота, проплыла над побережьем, потушила красные огни заката и направилась в сторону моря, преследуя убегающий отлив. Ветер прекратился с заходом солнца, оставив за собой обезумевшее мо-

ре и опустошенное небо. Небеса над домом казались одетыми в черные лохмотья, прихваченные тут и там огненными булавами.

В этот вечер мадам Левай стала прислугой для своих собственных рабочих и постаралась побыстрее их спровадить.

— Такая старая женщина, как я, в этот поздний час должна быть в постели, — повторяла она добродушно.

Но рабочие из карьера пили и заказывали еще. Они перекрикивались за столом, как будто разговаривали через поле. За одним концом стола четверо играли в карты, стуча по дереву твердыми костяшками пальцев и ругаясь при каждом ходе. Один сидел с потерянным взглядом, без конца напевая куплет одной и той же песни. Два других, в углу, таясь от окружающих, яростно ссорились из-за какой-то женщины, пристально глядя друг другу в глаза, как будто стараясь выжечь их, но разговаривали шепотом, сдержанным ядовитым шипением приглушенных слов, обещавшим насилие и убийство.

Воздух внутри был таким густым, что его можно было резать ножом. Три свечи, освещавшие длинную комнату, горели тусклым красным светом, словно угасающие в пепле искры.

В этот поздний час легкий щелчок железной щеколды так же неожидан и пугает, как удар грома. Мадам Левай поставила бутылку, которую она занесла над рюмкой для ликера; картежники повернули голову; шепот ссорившихся прервался; только певец, бросив взгляд на дверь, продолжал мурлыкать с невозмутимым лицом.

В дверном проеме появилась испуганная Сюзанна. Она ступила внутрь, захлопнула дверь и, прислонившись к ней спиной, произнесла почти неслышно:

— Мама!

Мадам Левай вновь взялась за бутылку и сказала спокойным голосом:

— Это ты, моя девочка. В каком ты виде!

Горлышко бутылки звякнуло по ободку рюмки, поскольку старая женщина вдруг испугалась: ей пришла в голову мысль, что сгорела ферма. Она не могла представить себе иной причины для появления дочери.

Сюзанна, вымокшая и грязная, уставилась через всю комнату на мужчин в дальнем углу. Мать настойчиво спросила:

— Что случилось? Упаси нас, Боже, от несчастий!

Сюзанна пошевелила губами, но не произнесла ни звука. Мадам Левай подошла к дочери, взяла ее за руку, заглянула в лицо.

— Ради Бога, — сказала она со страхом, — в чем дело? Ты вся в грязи... Почему ты пришла... Где Жан?

Все встали и медленно приблизились. Мадам Левай оторвала дочь от двери, развернула ее и посадила на стул у стены. Затем, рассвирепев, повернулась к мужчинам:

— Хватит! Пошли отсюда, вам говорят! Я закрываю.

Один из клиентов взглянул на сидевшую в изнеможении на стуле Сюзанну и сказал:

— Она, можно сказать, еле жива.

Мадам Левай распахнула дверь.

— Выходите! Марш!

Глупо улыбаясь, мужчины вышли один за другим в темноту. Оказавшись на дорожке, оба ухажера разразились громкими криками, остальные пытались успокоить их, перекрикивая друг друга. Шум удалялся вместе со спорщиками, которые, шатаясь, шли тесной толпой, глупо убеждая в чем-то друг друга.

— Говори, Сюзанна. Что произошло? Говори! — взмолилась мадам Левай, как только закрылась дверь.

Сюзанна произнесла несколько непонятных слов. Старуха хлопнула руками над головой, уронила их и замерла, глядя на дочь безутешными глазами. Муж мадам Левай за не-

сколько лет до смерти «тронулся разумом», и теперь она начала подозревать, что дочь сходит с ума.

— Жан знает, где ты? Где Жан?

Сюзанна с трудом ответила:

— Знаешь... он мертв.

— Что?! — вскрикнула старуха. Она подошла ближе и, вглядываясь в дочь, повторила три раза: — Что ты говоришь? Что ты говоришь? Что ты говоришь?

Сюзанна сидела с сухими глазами, она словно окаменела. Мадам Левай смотрела на нее, чувствуя, как странный необъяснимый ужас вползает в тишину дома. Она вряд ли полностью поняла слова дочери, скорее, в одно короткое мгновение она была поставлена лицом к лицу с чем-то неожиданным и окончательным.

Мадам Левай даже не пришло в голову попросить объяснений. Она подумала: «Несчастный случай, ужасная случайность — кровь в голову, падение из люка чердака...» И все стояла, расстроенная и безмолвная, мигая своими старыми глазами.

Вдруг Сюзанна сказала:

— Я убила его.

Мгновение мать стояла неподвижно, почти не дыша, но со спокойным лицом. В следующий миг она взорвалась криком:

— Ты, несчастная сумасшедшая... тебе отрубят голову...

Мадам Левай представила, как жандармы входят в дом и говорят ей: «Мы за твоей дочерью, давай ее сюда», — жандармы со строгими, суровыми лицами людей при исполнении. Она хорошо знала командира бригады — старого друга, близкого и почтительного, сердечно говорящего: «За ваше здоровье, мадам!» — прежде чем поднять к губам маленькую рюмку коньяка — из особой бутылки, хранимой ею для друзей. А теперь!..

Мадам Левай совсем потеряла голову. Она носилась туда-сюда по комнате, словно что-то срочно понадобившееся искала, затем остановилась, застыла посреди комнаты и пронзительно крикнула дочери:

— Почему! Скажи! Скажи! Почему?

Та, кажется, преодолела свое странное безразличие.

— Ты думаешь, я каменная? — крикнула она в ответ, шагнув к матери.

— Нет! Это невозможно... — сказала мадам Левай с убежденным видом.

— Сходи, сама посмотри, — резко возразила Сюзанна, глядя на нее горящими глазами. — Нет милосердия на небесах, нет справедливости. Нет!.. Я не знала... Ты думаешь, у

меня нет сердца? Думаешь, я не слышала, как люди насмеются надо мной, жалеют меня, удивляются мне? Знаешь, как меня называют? «Мать идиотов» — вот мое прозвище! И мои дети никогда не будут знать меня, никогда не заговорят со мной. Они ничего не будут знать — ни людей, ни Бога. Разве я не молилась! Но сама Божья Матерь не услышала меня. Тоже мать!.. Кто проклят — я или убитый мною муж? А? Скажи! Я позаботилась о себе. Ты думаешь, я буду гневить Бога и заполнить дом этими существами, хуже животных? Те хотя бы знают кормящую их руку. Кто богохульствовал ночью у самой двери церкви? Разве это была я? Я только плакала и молилась о прощении... И в каждое мгновение дня я чувствую, что он проклинает меня, — я вижу это вокруг себя с утра до вечера... Я должна сохранить им жизнь — заботиться о моем несчастье и стыде. А он придет... Я умоляла его и Небо о сострадании... Нет!.. Тогда посмотрим... Он пришел сегодня вечером. Я подумала про себя: «Ага! Опять!..» У меня были мои длинные ножницы. Я слышала, как он кричит... Я увидела, что он рядом... Должна же я — или нет?.. Так получи!.. И я ударила его в горло над грудной костью... Он даже не вздохнул... Я оставила его стоящим... Это было ми-

нуту назад. Как я сюда попала?

Мадам Левай поежилась. Холодная волна пробежала по ее спине, по толстым рукам под узким платьем, тихо приковала ее там, где она стояла. Дрожь пробежала по широким щекам, через тонкие губы, пронеслась среди морщин в уголках ее серьезных старых глаз. Запинаясь, она сказала:

— Ты порченная женщина — ты позоришь меня. Но такое! Ты всегда была похожа на своего отца. Как ты думаешь, что станет с тобой... на том свете? На этом... О несчастье!

Теперь ей стало очень жарко. Мадам Левай чувствовала жар внутри. Она сжала вспотевшие руки — и вдруг с крайней поспешностью начала искать свою большую шаль и зонтик, лихорадочно, ни разу не взглянув на дочь, которая стояла в середине комнаты и следила за ней холодным и рассеянным взглядом.

— Не хуже, чем на этом, — сказала Сюзанна.

Мать, держа зонтик в руке и волоча по полу шаль, тяжело вздохнула.

— Я должна пойти к священнику, — про rvalось у нее. — Я даже не знаю, правду ли ты мне говоришь. Ты страшная женщина... Они тебя всюду найдут. Ты можешь остаться здесь — или уйти. Для тебя нет места в этом мире.

Уже готовая уйти, мадам Левай бесцельно бродила по комнате, ставя бутылки на полку и пытаясь дрожащими руками приладить крышки на картонные коробки. Как только истинный смысл услышанного всплывал на мгновение в ее затуманенных мыслях, ей казалось, что что-то взорвалось в ее мозгу, не разрушив, к сожалению, ее голову на части — это было бы облегчением.

Мадам Левай задула одну за другой все свечи, не осознавая этого, и ужасно испугалась темноты. Затем она упала на скамью и заплакала. Успокоившись, старуха села и прислушалась к дыханию спокойно и прямо стоявшей дочери, которая была едва видна и не подавала других признаков жизни. За эти несколько минут она окончательно постарела.

Мадам Левай заговорила нетвердым голосом, прерываемым стуком зубов, словно человек, сотрясаемый смертельным холодом малярного приступа.

— Почему ты не умерла маленькой? Моя старая головушка уже никогда не посмеет показаться на свет Божий. Это большее несчастье, чем дети-идиоты. Лучше бы ты родилась у меня глупой, как твои...

Мадам Левай увидела, как тень дочери промелькнула в тусклом, мертвенно-бледном

свете окна и на мгновение задержалась в дверном проеме. С лязгом захлопнулась дверь. Мадам Левай, словно разбуженная шумом после долгого кошмара, бросилась наружу.

— Сюзанна! — крикнула она с порога.

И услышала, как какой-то камень долго катился по склону скалистого берега, возвышавшегося над песками. С осторожностью мадам Левай ступила вперед, опираясь одной рукой о стену дома, и заглянула вниз в сплошную темень пустой бухты. Она крикнула:

— Сюзанна! Ты здесь убьешься.

Последний раз гроыхнул в темноте камень, и наступила тишина. Неожиданная мысль, казалось, захватила мадам Левай, и она больше не звала. Повернувшись спиной к черной тишине провала, мадам Левай пошла по дорожке в Плумар, спотыкаясь по пути, но с мрачной решимостью, словно начала отчаянное путешествие, которое продлится, быть может, до конца ее жизни. Приглушенный и повторяющийся шум перекачивающихся через рифы волн еще долго сопровождал ее вдали от берега между высокими живыми изгородями, приютившими унылые и одинокие поля.

Сюзанна, выбежав из дома, повернула резко влево от двери и на краю склона бросилась на землю за одним из валунов. Потрявожен-

ный камень покатился вниз, громыхая при каждом прыжке. Когда мадам Левай звала ее, Сюзанна могла бы, протянув руку, дотронуться до юбки матери. Но у нее не хватило смелости, чтобы пошевелиться. Сюзанна видела, что старуха уходит, и затаилась.

Через некоторое время во мраке среди валунов показалось знакомое лицо с остановившимися глазами и открытым ртом. Сюзанна тихо вскрикнула и вскочила на ноги. Лицо исчезло, оставив ее задыхаться и дрожать в одиночестве среди пустынных каменных нагромождений. Но как только Сюзанна вновь, чтобы успокоиться, припала к земле, лицо вернулось, подошло совсем близко и, казалось, хотело закончить речь, только мгновение назад прерванную смертью. Убийца быстро поднялась на ноги и сказала:

— Уходи, или я опять это сделаю.

Существо заколебалось, раскачиваясь вправо и влево. Сюзанна дернулась туда-сюда, отступила назад; ей почудилось, что она пронзительно закричала на него, и она испугалась непреодолимой тишины ночи.

Потом Сюзанна доковыляла до края обрыва, почувствовала под ногами крутой скат и слепо бросилась вниз, пытаясь избежать безудержного падения. Галька как будто просну-

лась, булыжники покатились впереди тела, преследовали его сверху, мчались вниз справа и слева, проносясь мимо с возрастающим грохотом. Среди ночного покоя шум рос, усиливался до всеобщего рева, непрерывного и яростного, словно весь полукруг каменного берега начал обрушиваться в залив.

Ноги Сюзанны едва касались склона, который, казалось, бежал вниз вместе с ней. На дне обрыва она споткнулась, пролетела, выбросив руки, вперед и тяжело упала, но сразу же вскочила и быстро огляделась. В ее сжатых кулаках был песок, захваченный ею во время падения. Лицо было здесь, на прежнем расстоянии, оно виднелось в своем собственном сиянии, казавшемся в ночи бледным пятном. Сюзанна закричала.

— Уходи, — кричала она с болью и страхом, со всей яростью того бесполезного удара ножницами, который не смог успокоить Жан-Пьера и убрать его долой с ее глаз.

Что ему надо теперь? Он мертв. У мертвых мужчин не бывает детей. Он оставит ее когда-нибудь в покое? Сюзанна замахала на него руками и пронзительно завизжала. Бедняжке казалось, что она чувствует дыхание его полуоткрытого рта, и, утратив остатки мужества, женщина с протяжным криком побежала по ровному дну залива.

Она бежала легко, не чувствуя ни малейшего усилия своего тела. Высокие острые камни, торчащие во время прилива над сверкающей гладью голубой воды, подобно остроконечным башням затопленных церквей, скользили мимо нее, устремившись к суше огромными шагами. Слева Сюзанна увидела что-то блестящее: широкое круглое пятно света, в котором узкие тени вращались вокруг центра подобно спицам колеса. Она услышала голос:

— Эй! Там!

И ответила диким воплем. Так мертвец может даже кричать! Он кричал, чтоб Сюзанна остановилась. Никогда!..

Сюзанна промчалась в ночи мимо испуганных сборщиков морских водорослей, которые в страхе замерли вокруг своих фонарей, потрясенные нечеловеческим криком, исходившим от этой бегущей тени. Мужчины, опершись на свои вилы, глядели изумленно и испуганно. Какая-то женщина упала на колени и, крестясь, начала громко молиться. Маленькая девочка в рваной юбке, полной скользких морских водорослей, отчаянно разрыдалась, подтаскивая свою мокрую ношу вплотную к мужчине, державшему фонарь.

Кто-то сказал:

— Боже, оно пронеслось к морю.

Другой голос воскликнул:

— А море возвращается! Посмотрите, лужи становятся все больше и больше. Ну, вы слышите, женщины! Собирайтесь!

И несколько голосов закричали одновременно:

— Да, пойдемте отсюда! Пусть это проклятое существо бежит себе к морю!

И они ушли, держась тесно вокруг света. Неожиданно какой-то мужчина громко выругался. Он пойдет и посмотрит, в чем дело. Это был женский голос. Он сходит. Женщины стали резко возражать, но высокая фигура смельчака отделилась от общей кучи и бегом удалилась. Они дружно кричали ему вслед испуганными голосами. В ответ из темноты до них долетело оскорбительное и насмешливое слово. Одна из женщин застонала. Старческий мужской голос веско сказал:

— От такого рода вещей надо держаться подальше.

Сборщики пошли медленнее, шаркая по мягкому песку и шепча друг другу, что Мийо ничего не боится, потому что для него нет ничего святого, но однажды это плохо кончится.

Сюзанна встретила с наступающим приливом у островка Равен и остановилась, тяжело дыша; вода закрывала ее ступни. Она слы-

шала журчание и ощущала холодную ласку моря. Немного успокоившись, несчастная женщина разглядела по одну сторону темные и беспорядочные груды Равена, а по другую сторону — длинную белую полосу Моленских песков, которые при каждом отливе оказывались высоко над сухим дном бухты Фужер.

Сюзанна повернулась и увидела вдалеке рваные очертания побережья, протянувшегося вдоль украшенного звездами неба. Над побережьем, почти напротив нее, виднелась башня плумарской церкви — стройная и высокая пирамида, взлетающая в темноту и нацеленная на сверкающие скопления звезд. Странно, но Сюзанна успокоилась. Она поняла, где находится, и стала вспоминать, как сюда попала и почему.

Сюзанна была одна. Вокруг никого не было; никого рядом с ней, ни живого, ни мертвого.

Прилив подкрадывался спокойно, вытягивая длинные нетерпеливые руки-ручейки, бежавшие к суше между складками песка. Под покровом ночи лужи с таинственной скоростью становились все больше, в то время как огромное море, пока далекое, шумело с неизменной частотой вдоль неясной линии горизонта.

Сюзанна прошлепала назад несколько яр-

дов, не замечая нежно журчавшей вокруг воды, которая неожиданно, с каким-то злобным бульканьем, сбила ее с ног. Сердце Сюзанны глухо забилося от страха. Это место было слишком просторным и слишком пустынным, чтобы здесь умирать. Завтра пусть они делают с ней все, что хотят. Но перед смертью Сюзанна должна сказать им, господам в черных одеждах, что есть вещи, которые не может вынести ни одна женщина. Она должна объяснить, как это случилось!..

Сюзанна шлепала через лужи, мокрая по пояс, слишком поглощенная своими мыслями, чтобы обратить на это внимание... Она должна объяснить.

«Он пришел так же, как всегда, и сказал дословно так:

— Неужели ты думаешь, что я оставлю землю этим людишкам из Морбиана? А? Посмотрим! Иди за мной, ты, несчастная тварь!

И он протянул ко мне руки. Тогда, господа, я сказала:

— Богом клянусь — никогда!

А он сказал, подходя ко мне с раскрытыми ладонями:

— Никакой Бог меня не удержит! Понимаешь, ты, никуда не годная туша! Я буду делать то, что хочу.

И он схватил меня за плечи. Тогда, господа, я позвала на помощь Бога, и в следующую минуту, когда он тряс меня, я ощутила в руке свои длинные ножницы. Его рубашка была расстегнута, и я увидела при свете свечи ямку на его шее. Я закричала:

— Отпусти!

Он сдавливал мои плечи. Он был силен, мой муж! Тогда я подумала: «Нет!.. Я должна?..»

— Тогда получи! — и я ударила ножницами в то место, где была ямка.

Я не видела, чтобы он упал. Нет! Нет!.. Не видела, чтоб упал... Старик, его отец, не повернул даже головы. Он глухой и как ребенок, господа... Никто не видел, чтобы он упал. Я выбежала из комнаты... Никто не видел...»

Сюзанна пробиралась среди валунов Равена и тут обнаружила, совсем задыхаясь, что стоит среди огромных теней каменного островка. Равен был соединен с сушей естественной дамбой из огромных и скользких камней. Этим путем Сюзанна рассчитывала вернуться домой. Она еще стоит здесь? Домой. Дом! Четыре идиота и тело. Она должна вернуться и объяснить. Любой поймет... Откуда-то снизу ночь или море, казалось, отчетливо произнесли:

— Ага! Наконец-то я вижу тебя!

Сюзанна рванулась, поскользнулась, упала и, не пытаясь встать, прислушалась, полная ужаса. Она услышала тяжелое дыхание, стук деревянных башмаков. Затем все стихло.

— Куда ты, черт возьми, делаешь? — хрипло сказал какой-то невидимый мужчина.

Сюзанна затаила дыхание. Она узнала этот голос. Она же не видела, чтобы он упал. Он преследует ее здесь, мертвый или, может быть... живой?

Бедняжка совсем потеряла голову и закричала из расщелины:

— Никогда, никогда!

— А-а! Ты еще здесь. Ты заставила меня здорово поплясать. Подожди, моя красавица, я должен посмотреть на тебя после всего этого. Подожди-ка...

Мийо спотыкался, хохотал, ругался только из чистого удовлетворения, довольный собой, что догнал-таки эту бегущую ночную тень!

— Привидения! Эх! Нужен был старый африканский солдат, чтобы доказать этим мужланам... Но любопытно, кто же она такая, черт возьми?

Сюзанна слушала, припав к земле. Он пришел за ней — мертвый муж! Спасения нет. Как он шумит среди камней... Вот появилась его голова, затем плечи. Он высок, ее муж! Он

размахивает длинными руками, и это был его голос, звучавший, правда, немного странно... из-за ножниц. Сюзанна быстро выкарабкалась из расщелины, бросилась к краю дамбы и там обернулась. Мужчина неподвижно стоял на высоком камне, выделяясь смертельно-черным пятном на фоне сверкающего неба.

— Куда ты? — крикнул он грубо.

Сюзанна ответила:

— Домой! — и стала его пристально разглядывать.

Он сделал длинный, неуклюжий прыжок на следующий валун и опять остановился, стараясь сохранить равновесие, затем сказал:

— Ха-ха! Я иду с тобой. По крайней мере, это-то я могу сделать? Ха! Ха! Ха!

Сюзанна смотрела на него, пока ее глаза, казалось, не превратились в пылающие угольки, горящие глубоко в ее мозгу, и все же она смертельно боялась, узнавая хорошо знакомые черты. Внизу море мягко плескалось о скалу, непрерывно и нежно обдавая ее брызгами.

Приблизившись еще на шаг, мужчина сказал:

— Я иду за тобой. О чем ты думаешь?

Сюзанна вздрогнула. Идет за ней! Спасения нет, ни покоя, ни надежды. В отчаянии она посмотрела вокруг. Вдруг все темное по-

бережье, неясные очертания островков, само небо как бы покачнулось дважды, затем опять застыли. Сюзанна зажмурила глаза и крикнула:

— Не можешь подождать, пока я умру!

Она вся затряслась от бешеной ненависти к этой тени, которая преследовала ее в этом мире, неукротенная даже смертью в страстном желании иметь наследника, который походил бы на детей других людей.

— Эй! Что такое? — спросил Мийо, осторожно держась на прежнем расстоянии. Себе же он сказал: «Внимательней! Похоже, сумасшедшая. Недалеко и до несчастья».

Сюзанна продолжала в крайнем возбуждении:

— Я хочу жить. Жить одна — неделю, день. Я должна им объяснить... Я разрежу тебя на части, я скорее убью тебя двадцать раз, чем позволю до меня дотронуться, пока я жива. Сколько раз я должна тебя убивать, богохульник! Это Сатана прислал тебя сюда. Я тоже проклята!

— Иди сюда, — сказал встревоженный Мийо примирительным голосом. — Я же живой!.. О Боже!

Сюзанна пронзительно вскрикнула:

— Живой! — и тотчас исчезла из виду, словно островок сам ушел из-под ее ног.

Мийо бросился вперед и упал плашмя. Да-

леко внизу он увидел, как побелела вода, и услышал резкий крик о помощи, который, казалось, метнулся вверх вдоль отвесной скалы и воспарил дальше, прямо в вышину безмятежного неба.

Мадам Левай сидела в низкой траве на склоне холма, ее глаза были сухи, толстые ноги вытянуты, а старые ступни в матерчатых подследниках задраны вверх. Башмаки стояли рядом, а дальше на увядшем дерне лежал зонтик, словно оружие, выпавшее из руки побежденного воина. Маркиз де Шаван — верхом на лошади, одна рука в перчатке на бедре — смотрел сверху, как она с трудом и вздохами встает.

Четверо мужчин несли к берегу на носилках тело Сюзанны, ступая по узкой колее, проложенной тележками сборщиков морских водорослей. Остальные равнодушно брели сзади.

Мадам Левай посмотрела вслед процессии.

— Да, господин маркиз, — сказала она бесстрастно, своим обычным тихим голосом рассудительной старой женщины. — Есть несчастные люди на этой земле. У меня был только один ребенок. Только один. А они даже не похоронят ее в освященной земле!

Ее глаза вдруг наполнились слезами, и короткий ливень прошел по толстым щекам. Мадам Левай плотно укуталась в шаль.

Маркиз слегка наклонился в седле и сказал:

— Это очень печально. Примите мои глубокие соболезнования. Я поговорю с кюре. Вне всяких сомнений, она была безумной, и падение было несчастным случаем. Мийо говорит так определенно. До свидания, мадам.

И он поскакал рысью прочь, думая про себя: «Нужно, чтобы старуху назначили опекуной тех идиотов и управляющей фермой. Это много лучше, чем заполучить сюда одного из этих Бакаду, вероятно, революционера-республиканца, который развратит мою комму-ну».

A decorative border surrounds the central text area. It features a repeating pattern of stylized skulls and leaves. The skulls are positioned at regular intervals along the top and bottom edges, while the leaves and vines fill the vertical spaces between them.

Хью Эткинсон

**ЯЗЫК
ЦВЕТОВ**

Господь неисповедим в одаривании людей чувствительностью, а также красотой. Для поэта, естественно, это является неоценимым и бесценным даром. Но политика или же продавец энциклопедий он, однако, украшает так же, как бородавка на носу. К этой второй категории людей мистер Херман, если бы кто-нибудь спросил его об этом, наверняка отнес бы еще и директора банка.

Умение сочувствовать ближнему своему, сопереживать трудностям и заботам почти незнакомых людей, которые рассказывают их тебе, даже иногда чувствовать себя в их коже, в современном обществе, когда у человека достаточно своих забот, является достаточно тяжелой долей. У директора банка, которого должны интересовать прежде всего займы и ипотеки, это не только неуместно, но и является прямым анахронизмом.

Мистер Херман на пеленочной стадии своей банковской карьеры досыта наобщался со своими малосочувствующими начальниками,

которые время от времени попросту прочистили ему желудок за его доброе сердце. Несколько синяков на душе и вечное брюзжание своей лучшей половины все же с бегом времени сделали свое.

Мистер Херман стал дисциплинированным. Он научился жить в своей некомфортательной профессии и выдержал в банке прямо до пенсии. Он никогда не собирался стать касиром, да и вообще в юности ему и не снилось, что судьба забросит его на всю жизнь в банк.

Он вел свое происхождение от винодельческого рода. Его немецкие предки примерно сто лет тому назад поселились в Баросса Вэлли. Семья Херманов вместе с другими немцами укрылась здесь от своей немецкой власти, которая на родине преследовала их за их религиозные убеждения. Они ели немецкую еду, пели немецкие песни и женились только между собой.

Из долины родного Рейна они привезли с собой лозу и высадили ее по солнечным склонам Баросса Вэлли. Осенью они давили из зеленого винограда сок, который потом у них в бочках, уложенных в глубокие подвалы, превращался в рубиново-красное вино. А эти старые, добрые немецкие праздники — сколько их наотмечали! Прадед Херман и дед Херман

не умели говорить ни словечка по-английски, но виноградарями были знаменитыми.

Отец Херман, однако, как-то не пошел по семейной стезе. Он, правда, начал хозяйствовать, когда обосновался в усадьбе своих предков, но в стиле Омара Хайяма. С пятого на десятое. Он так посасывал вино из своих бочек в собственное брюхо, что его порядочные предки-лютеране только и вертелись в своих могилах. Его пытались привести в чувство и его собратья, но напрасно. Пока в один прекрасный день его, упившегося насмерть, не вынесли ногами вперед. После него остались заброшенные виноградники и сумма долгов, выведенная с немецкой точностью.

Чувствительный сынок страдал за медленно, но надежно спивающегося отца, но в равной степени не мог ему ни помочь, ни понять его.

Какой-то дядя после смерти отца помог ему устроиться в банке. Он пошел туда без радости, но ничего другого нельзя было сделать. Дядя делал все, что мог, а молодой Херман был ему обязан.

Но он любил виноград, и запах свежескопанной земли из него не смогли вышибить даже потоки сухих цифр, которые заливали его в конторе. Целых сорок пять лет службы он ходил ежедневно на работу как на каторгу. А

вечером возвращался в свой сад, который он обрабатывал после работы как счастливчик, которого на этот раз помиловали. Его сады всегда были произведениями искусства, и у него разрывалось сердце, когда приходилось их бросать. Но как только его переводили в другое место, первое, что делал мистер Херман, — была закладка нового сада. Виноградную лозу он выращивал на самых неподходящих почвах и в самом неподходящем климате.

Тот день, когда ему доверили самостоятельный филиал, был для него праздником. И хотя на данный момент для него это не значило ничего, кроме одной комнаты в новом окраинном районе Аделаиды, мир предстал перед ним совсем в ином свете.

— Наконец-то, — заявил он дома своей жене, которую он привел с собой из Баросса Вэлли, — наконец я могу пустить корни. Это будет мой последний садик.

Жена ему на это ответила:

— Первая или последняя — я никакой разницы в этом не вижу. Знаешь, Херман, я уже даже думала о том, что если бы я тебя вот так по плечи закопала в землю и на вечер полила, то к утру у тебя уши уже начали бы давать побеги.

Супруга обращалась к нему по фамилии, потому что при крещении ему дали имя

Адольф. Сколько он претерпел неприятностей во время войны из-за этого имени! Когда ему приходилось называть его, то он отчетливо ощущал, о чем думают все окружающие.

Херман руководил уже своим филиалом десять лет, когда его один раз вызвали в правление. Развивающаяся провинция, имеющая собственные средства, имеет города, а в городах банки. Управляющий знал Хермана. Немного отстраненно он приветствовал его из-за своего гигантского стола.

Херман уже по выражению лица и обхождению понял, что у того что-то лежит на сердце. Уж слишком сердечно он потрясал его руку. Да и в глаза как-то не смотрел. Херман подумал: «Бедняга, видимо, ему надо сообщить мне что-то неприятное. Как это он после стольких лет службы еще может обращать внимание на неприятности...» Из-за сочувствия к заботам начальства он даже не подумал, что эта неприятность могла касаться как раз его особы.

— Уж, пожалуй, наверняка лет пять, как мы не встречались, — заявил управляющий.

Херман задумался. В отношении цифр он был весьма точен, даже когда знал о слабости человеческого сердца и умел сочувствовать этому.

— Четыре года и семь месяцев, точно два-

дцать третьего числа. Мы вместе были на Пасху.

— Ах, действительно тогда. — Казалось, что этот факт управляющего обрадовал.

Мистер Херман ждал.

— Кажется, что дела у вас там идут неплохо.

— Вклады выросли на восемьсот тридцать два процента, — начал перечислять мистер Херман. — Кредиты выросли на...

— Да, да, — отреагировал управляющий. — А вы знаете, что у вас там собираются построить автомобильный завод?

— Я слышал об этом.

— Компания собирается начать с полутора тысяч работников. Предполагается наличие новых жителей в квартале как следствие этого: семейные домики, магазины и всякие другие стройки и так далее.

— Кредиты? — спросил мистер Херман.

— Кредиты и ипотеки, — подчеркнул управляющий.

Херман думал о своем садике. Ему было уже десять лет. Самый красивый и самый большой из всех его садилов.

— Неужели вы хотите меня повысить в должности?

— Мы хотим отправить вас на пенсию.

— На пенсию? Так ведь мне же надо бы еще работать пять лет.

— А зачем это вам ждать еще пять лет?

Посмотрите на эти цифры, мы обеспечиваем вас вот таким образом.

До мистера Хермана наконец дошло, что через месяц он уходит на пенсию, и, слегка ошеломленный, он вышел из кабинета. Он направился домой, чтобы сообщить это жене.

Лишь чуть-чуть придя в себя от удивления, она начала интересоваться, насколько ниже будет у супруга пенсия. Херман ей объяснил, что существенного различия не будет.

— Ах, — у нее вспыхнули глаза, и она разговаривалась на языке своего детства. Время от времени с ней это случалось от волнения. — Мы можем вернуться в Баросса Вэлли. Купим себе там маленький домик.

Херман замигал глазами за своими очками.

— Нет, — отрезал он. — Мы останемся здесь. Я не собираюсь закладывать новый сад.

Он уважал мнение супруги и слушал ее в течение всего времени совместного жизненного пути. Сейчас же он сказал себе, что что-то должно быть и по его разумению.

Подчиненные в банке новость на другой день восприняли с деланной, несердечной улыбкой на лицах. Ему было жаль, что их это явно не тронуло.

Когда полковник Клири узнал, что он уходит, то он тут же направился к мистеру Херману и вторгся прямо к нему в кабинет.

— Что это тут за болтовня насчет вашего ухода на пенсию?

— Ну вы же ведь знаете старую поговорку: «Уходи на пенсию, пока еще можешь иметь с этого личную выгоду».

— Чушь и бред, — сказал полковник Клири, — вы ведь едва выросли из детских штанов. Они хотят сюда засунуть какого-нибудь сопляка, который и понятия не имеет, как следует разговаривать с джентльменом.

Полковник Клири выглядел совершенно так, как выглядят полковники на картинках. Он воевал с кавалерийским полком на индийских границах в 1918 году. С небольшой пенсией он осел в Австралии.

В особе мистера Хермана он нашел великолепного банкира. Он никогда не посягал на его воинскую честь, когда тому случайно требовались деньги между двумя пенсиями. У него было хроническое пересыхание карманов. Полков, которыми бы он мог командовать, не было. И так вот полковнику Клири нужно было иметь по крайней мере кого-то, кто его уважал. Мистер Херман не только внимательно выслушивал все его рассказы, но и лично занимался его счетами, хотя полковник и не относился к лучшим клиентам.

В последний день банковской карьеры мистера Хермана полковник тут же с самого

утра ворвался в его кабинет. Под мышкой у него топорщился какой-то странный, завернутый в бумагу предмет.

— Небольшая любезность, — заявил он, уже стоя в дверях, и покраснел, словно таким образом хотел скрыть свои чувства. — Я ведь очень вас уважал, знаете.

— Что это такое? — поинтересовался мистер Херман и надел очки.

— *Vanda Coerulea*, скрещенная. Отцовское растение происходит из Северной Индии. Она растет на возвышенностях. Она очень любит солнце. Цепляется за небольшие деревца с редкими листьями.

Он развернул бумагу.

— Вот она, — сказал он. — Я сам ее вырастил.

В дыхании сквозняка из полуоткрытых дверей колебались кончики прекрасных орхидей.

У мистера Хермана перехватило дыхание.

— Она изумительна. Великолепна.

Цветы колыхались и дрожали, словно экзотические, призрачные, голубые птенчики с четкими более темными пятнышками.

Мистер Херман спросил:

— А они пахнут?

— А сколько времени? — поинтересовался полковник.

Херман посмотрел на настенные часы.

— Через семь минут без пятнадцати десять.

— Еще нет. Солнце еще недостаточно высоко.

— Не понимаю, — удивился мистер Херман.

— Все очень просто, — объяснил полковник. — Вы знаете, цветок не дурак. Он начинает пахнуть, когда начинает летать множество насекомых. А это бывает к полудню, когда солнце жарит сильнее всего.

— Это странно, — покивал головой Херман.

— Обратите внимание на эти листья. — Полковник прикоснулся к длинным зеленым языкам, раскрытым, как зев кобры. — Они всегда поворачиваются в направлении с востока на запад. Если вы это чудище повернете на север или юг, то листья снова повернутся с востока на запад.

— И не знаю, как вас за это отблагодарить, — сказал Херман, — у меня еще никогда не было орхидеи.

— Это чудище. Когда она к вам привыкнет, то будет с вами беседовать. Этот новичок уже прибыл на ваше место?

— Вчера нас представили друг другу.

— Если он мне придется не по душе, то я открою счет где-нибудь в другом месте. Мо-

жете это ему сказать откровенно.

Полковник протянул руку.

— Прощайте и много счастья. Не нравится мне, что вы уходите. Мне будет грустно без вас.

После рабочего дня они в банке немного посидели.

Мистер Херман отбыл домой с серебряным подносом и своей Vanda Coerulea. В саду он посмотрел вокруг и издал глубокий вздох. Ежедневная радость сердца после восьмичасового ожидания приговора в банке теперь обещающе распростерлась перед ним. Теперь они принадлежали ему уже навсегда. С утра до вечера и с вечера до утра.

Орхидею он поставил в гостиную за раздвижные стеклянные двери.

Миссис Херман заметила:

— Мне этот цветок вообще не нравится. У него какой-то злорадный вид.

— Он великолепен, — не согласился супруг. — Как этот цветок может быть злорадным?

— Противный сорняк, — заворчала супруга, ругаясь на цветок. — Мало того, что ты целый день будешь мотаться по саду, так ты еще и в комнаты будешь траву таскать. Выбрось это из головы! Здесь внутри она стоять не будет.

Херман возразил:

— Орхидее необходима влага. Она же из Индии.

— Я никогда индусов не любила, — неустрашимо проворчала миссис Херман в ответ, хоть в жизни не встретилась ни с одним. — На ночь ты ее здесь можешь оставить, но утром она отправится в сад.

— Представь себе завтрашнее утро, — разошелся мистер Херман, — ты только попытайся себе его представить.

Миссис Херман с подозрением уставилась на него.

— А что должно быть завтра утром?

— Мне не нужно идти в банк.

— Если ты думаешь, что с этого момента ты целыми днями будешь слоняться только по саду, то тут ты очень ошибаешься. Необходимо прочистить сточные трубы и покрасить дом снаружи и изнутри. А то тут все, как в свинарнике.

На кухне она гремела кастрюлями.

— На пенсии, — услышал мистер Херман ее ворчание, — на пенсии в его возрасте. Женам невозможно уйти на пенсию. Варить и убирать надо постоянно.

На следующий день миссис Херман отправилась в Аделаиду за покупками.

— Когда я вернусь, то не желаю ее здесь

даже видеть, — заявила она, надевая перчатки.

Когда она ушла, Херман присел к стеклянным дверям, через которые постепенно начинало припекать солнце, чтобы немного почистить. Через мгновение ему показалось, что с орхидеей что-то не в порядке. Он отложил журнал и уставился на растение. Цветы вроде бы как побледнели.

Он пробормотал:

— Мне не кажется, что тебе там хорошо. Пожалуй, ты стоишь на самом солнце.

Он перенес горшок с цветком подальше от окна и вернулся к чтению статьи о садоводстве. Остальное в журнале он и не читал. Катастрофы человеческой жизни, которые присутствовали на остальных страницах, и так доставляли ему множество огорчений, и он только излишне портил бы себе ими жизнь. Он читал только раздел садоводства. Окончив, он посмотрел на свою орхидею.

— Черт меня побери, — пораженный, пробормотал он.

В полутени к цветку вернулся его изначальный цвет.

— Вот так-то тебе хорошо, а?

Vanda Coerulea покивала отростками.

Мистер Херман занялся мытьем посуды после завтрака. Он раздумывал, как бы все уладить с цветком. Ему было ясно, что жена

цветок в комнате не потерпит. Но ему также было ясно, что цветок должен быть под крышей.

— Сделаю теплицу. Да, именно так, — внезапно решил мистер Херман.

В этот момент, с руками, опущенными в воду, где мылась посуда, он почувствовал, что попал в точку. Чем дольше и глубже он затем обдумывал свою идею, тем больше она ему нравилась. Он даже едва мог дожждаться того момента, когда он за это возьмется. Он так был занят своими представлениями о теплице, которую построит, что разбил еще совсем новый молочник.

— Я тебе построю дом, что ты на это скажешь? — обратился он к Vanda Coerulea.

И снова что-то в растении ему не понравилось.

— Что-то тебе здесь не по вкусу, — сказал он себе, — но как-то я еще не догадался что.

Он уставился на солнечные лучи, падающие на цветок через стеклянные двери.

— Входит на востоке и заходит на западе, — рассуждал он. — Ну, конечно же... Как это мне сразу не пришло на ум. Ведь я тебя неправильно повернул.

Длинные острые листья, раздутые, как головка кобры, были в беспорядке, каждый из них был повернут в разные стороны.

Херман сказал себе:

— С востока на запад. Должно быть так, а не иначе. Это должно быть очень утомительно и больно, постоянно так поворачиваться.

Он переставил цветок. Он уже хотел отойти, когда его задержало нечто особенное в воздухе. В комнате внезапно появилось какое-то едва уловимое сладковатое благоухание. Мистер Херман принялся. Он поворачивал нос во все стороны, обследовал даже простую, тяжелую мебель. В комнате находились вазы с нарциссами, гардениями и цинерариями. Запах, который отметили органы обоняния мистера Хермана, однако, не принадлежал ни одному из этих цветов. Ведомый подсознанием, он наклонился к *Vanda Coerulea*. Его залила волна особенного запаха, так что он даже чихнул.

— Черт побери, — вырвалось у него, и он очистил нос платком.

Ему вспомнилось то, что рассказал полковник Клири.

— У тебя напрочь все в мозгах свихнулось, — сказал он орхидее. — Ведь еще только девять часов утра.

Особый, едва уловимый запах постепенно исчезал из комнаты.

— Ну и что? — осведомился мистер Херман. — Что это тебе опять не по нутру? — он

наклонился к цветку и понюхал.

От запаха не осталось и следа. Наконец он стыдливо улыбнулся.

— Так ты хотела поблагодарить меня, а я почти этого не понял. Совсем как кошка, — сказал себе мистер Херман, — мурлычет, когда ее чешут за ушами.

Мистеру Херману как-то с трудом удавалось сосредоточиться на великолепных планах своей будущей теплицы. Восхитительный аромат не выходил у него из головы, и постоянно глаза его все возвращались к цветку, который словно высылал к нему из своего горшка голубое пламя.

Если воспользоваться готовыми, заранее подготовленными частями из дерева и стекла, то теплицу можно поставить, пожалуй, за день. Но нужно добыть материал, а Vanda до тех пор будет без крыши. Он, конечно, мог бы поставить ее в гараж денька на два, но гаража у него не было. Но зато у него был автомобиль. Естественно, если снять заднее сиденье, то туда можно было бы временно устроить Vanda Coerulea. Так вполне можно сделать.

Счастливый, он схватил карандаш и занялся специальными подсчетами, что ему потребуется для теплицы и во что это примерно обойдется.

Ему понадобилось довольно много време-

ни, прежде чем он отыскал столяра, который смог бы ему сразу сделать деревянный каркас, а еще дольше пришлось искать стекольщика.

Уже почти прошел обед, когда он вышел из автобуса, останавливавшегося в конце их улицы. Миссис Херман уже вернулась домой из города. Автомобиль стоял во дворе. Мистер Херман решил попробовать.

Он открыл дверцы автомобиля и снял заднее сиденье. Под ним он нашел три шиллинга и восемь пенсов мелкой монетой, девять заколок для волос, губную помаду и раздавленную пачку сигарет. Херман произвел уборку и положил сиденье на место. Он представлял все себе так, что с одной стороны можно было бы спустить стекло, чтобы у Vanda было достаточно свежего воздуха без сквозняка.

Он опасался, как бы ему жена что-нибудь не подстроила с орхидеей, как-нибудь ее поглупому не повернула, например, с севера на юг или же, не дай Бог, не вытащила вообще вон из дома.

Растение он нашел в точно таком же положении, в каком его оставил, только цветы были какие-то побледневшие и как-то угрюмо свисали.

— Что ты сделала с цветком? — уже из дверей обратился громко мистер Херман к жене.

— Это ты соблаговолишь спрашивать у

меня? — растерянно и с опаской в голосе отозвалась откуда-то из глубины дома жена.

— А как ты думаешь, у кого я могу спрашивать? Я думаю, что это было достаточно ясно! Так что ты с ним сделала, узнаю я наконец?

Миссис Херман вошла в комнату и с удивлением посмотрела сначала на своего мужа, а затем на растение.

— Я до этого чудища не дотронулась бы ни за что на свете даже мизинцем, так и знай, потому что оно мне противно. А где это ты был до сих пор?

— А почему она побледнела? — грохотал свое мистер Херман и как-то не собиравшись отвечать на поставленный женой вопрос.

— Что? Побледнела? — с удивлением выдавила из себя хозяйка дома.

— Иди прочисть себе уши, если не слышишь! — кричал дальше супруг. — Или ты не понимаешь по-английски?

— Да получше, чем Херманы, дорогуша! Я думаю, что вам понадобилось три поколения, пока вы не перестали пугать местных англичан своим жутким немецким.

Мистер Херман уже не владел собой. Последнее замечание было словно искра, попавшая в бак с бензином.

— Что это ты сказала? — выкрикнул он.

— А что это ты сказал? — не менее энергично спросила супруга. — Ты тут ни с того ни с сего объявляешься дома в шесть часов вечера и несешь мне какую-то чушь о побледневших цветах.

Мистер Херман старался взять себя в руки. Он посмотрел на свою жену, снял очки и снова нацепил их на нос.

Орхидея оживала. Цветы распрямлялись и наливались новой жизнью. Через минуту они снова неземной красотой мигали на стебле.

— Я у тебя спросила, где ты был! Прошу тебя, убери этот цветок на двор! А кто это мне тут разбил молочник?

На мистера Хермана ее выступление не оказало воздействия, даже если оно и было по существу дела. Он счастливо усмехался и видел только свою Vanda.

Миссис Херман была в отчаянии. Она чувствовала, что ее успокоит разве что ее собственный голос.

— Я уже слышала, что пенсионеры через некоторое время глупеют, но чтобы старческий маразм начинался через двадцать четыре часа... — ворчала она. — Ну и идея выбрасывать деньги на теплицу, когда необходимо покрасить весь дом! — продолжала она. — На него невозможно положиться даже в случае простого мытья посуды. Даже здесь ему обяза-

тельно надо что-то разбить!

После еды мистер Херман вынес орхидею из дома. Миссис Херман подождала, пока по телевидению не началась передача «В вашем саду», затем переключилась на другой канал, где передавали новости, и устроилась перед экраном, чтобы их послушать.

Херман обычно извинялся, после того как рассердил ее. Теперь же он, не говоря ни слова, встал и отправился в постель. Не сказал ничего даже о передаче «В вашем саду».

Херман без промедления взялся за работу, когда на следующий день ему доставили дерево и стекло. Жена наблюдала за ним из дома. Он без устали размахивал молотком и не пришел в дом даже на чашку чая.

— Что же это такое случилось с моим мужиком? — раздумывала она, обрабатывая пылесосом ковер.

На нем было пятно от горшка с орхидеей. Она опять рассвирепела.

Во время обеда Херман лишь немножко поковырялся в тарелке и сразу же опять помчался в сад. После обеда он в доме появился всего лишь дважды, чтобы заклеить себе лейкопластырем порезанные пальцы.

Уже была полная темень, когда он закончил.

— Вот тебе. Ты довольна? — спросил он

нетерпеливо у раскрывшегося цветка.

Херман стоял и глядел на орхидею до тех пор, пока жена не позвала его в дом.

В следующий месяц мистер Херман попеременно занимался покраской дома и много времени проводил в теплице. С супругой они кое-как находили общий язык, пока он стоял на лесенке. Но как только он направлялся в тепличку к орхидее, домашнее спокойствие кончалось.

Свою утреннюю чашку чая он носил в теплицу и обычно там, в мире и покое, потягивал ее. Vanda испускала аромат, когда супруга приносила ему туда письма, которые он должен был отнести на почту. Стоило ей только просунуть голову внутрь, как цветок начинал издавать запах. А она не уходила, пока ей не удавалось выдать какое-нибудь неприятное замечание по адресу орхидеи, которая отвечала ей новой волной запаха. Было яснее ясного, что эти два живых организма друг друга не выносят.

— Ну, ты однако и гадость, — пошутил Херман. Но сам был от души рад, что Vanda такова.

Всю свою жизнь у Хермана не было ничего и никого, достойного его высоких чувств. И вот теперь это существо — Vanda. Меж ними не было слов, которые могли бы испортить их

триумфальное взаимопонимание. Не было эгоизма, навязывания воли партнеру и никакой другой реальности, которая могла бы испортить или уничтожить этот союз. Они понимали друг друга на основе собственного языка, который был понятен только им двоим.

Орхидея практически полностью зависела от его понимания. Ребенок учится словам, чтобы быть в состоянии выразить то, что ему хочется и что хотелось бы. Херман учился понимать детский словарный запас Vanda. Когда белели и становились прозрачными кончики ее корешков, которые вылезали из цветочного горшка, подобно жутким ногам паука, как это однажды заметила миссис Херман, то Vanda ощущала жажду. Надо было ее поливать до тех пор, пока кончики не начинали зеленеть.

Он запустил даже свой любимый садик, только бы как можно больше времени проводить с орхидеей. Это заметила и миссис Херман, и хотя в прошлом она часто ворчала на садовые увлечения мужа, то теперь она все время укоряла его, что он начинает забрасывать сад.

Отношения между супругами обострялись со дня на день. Мистер Херман время от времени ловил себя на мысли, что он сравнивает орхидею со своей женой. Он осознал, что миссис Херман — это обычная, сварливая домаш-

няя брюзга, грубая и вульгарная, как стоптанные сапоги.

Как-то раз он направился купить краски. В городе он столкнулся с полковником Клири.

— Я поменяю себе банкира, — было первое, что ему сказал полковник. — Эта нечисть, которая пришла на ваше место, мне не подходит. Как живется орхидее?

— Она сегодня не в настроении, — ответил мистер Херман.

— Да что вы говорите? А что это с ней стряслось?

— Как раз и не знаю.

— Плесени у нее нет? Или красненьких паучков? Или улиточек — а?

— Конечно же, нет. Об этом она бы мне уже давно сказала.

— Сказала? — не понял полковник.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Херман. — Она бы мне уже об этом сообщила.

Некоторое мгновение садовод раздумывал.

— Не знаю, но мне так кажется, что она, вроде как хотела бы соединиться с другой орхидеей.

Полковник внимательно посмотрел на мистера Хермана.

— Вы умеете скрещивать орхидеи?

— Мне надо бы справиться у нее насчет этого.

— Справиться — у кого?

— Да так просто, всего лишь справиться, — неуверенно, как бы размышляя, ответил Херман.

— Если бы вы соизволили на минутку зайти ко мне, я вам это показал бы.

— Да мне надо бы спешить домой, — заявил с отсутствующим выражением лица мистер Херман. — Сегодня утром у нее был какой-то удрученный вид.

— Мне ее жаль, но, надеюсь, что не случится ничего серьезного, — сказал полковник, имея в виду миссис Херман.

— Думаю, что мне это надо знать, и я был бы рад, если бы вы мне это показали, — решил наконец мистер Херман.

— Что вам надо знать?

— Ну, пойдемте к вам!

Полковник жил вместе со своей замужней дочерью. У него была маленькая отдельная квартирка в общем доме. Гостиная у него была украшена военными трофеями. Они уселись так, чтобы можно было видеть орхидеи, которые были у него там разложены.

— Посмотрите. — Через некоторое время полковник протянул руку к одному из цветов. — Видите вот это? — Он указал на серединку цвета. — Это колонка. Вот этот вырост называется поллиний. Ага, тут наверху у нее

есть клювик... Его пальцами необходимо раскрыть. Вот так, посмотрите! А там, внутри, есть две тычинки.

Мясистый клювик раскрылся, словно шлем, и под ним появились два желтых семечка размером не более половинки спичечной головки.

Полковник выудил их.

— Выньте тычинки и вставьте их вот сюда вниз, на пестик.

— И это все? — спросил мистер Херман.

— Все. После опыления из пестика вырастут две тоненькие нитки в семенник. И когда вот тут под цветком начнется утолщение, значит, эта штука опылилась.

Мистер Херман снял очки, прочистил их и почесал в своих редеющих волосах.

— Интересно, а? — спросил он.

— С той Vanda, которую я вам подарил, вам надо скрестить что-то более качественное. Что-нибудь более округлое и объемное, чтобы вы эту ее чудовищную фигуру облагородили.

— Что бы вы мне предложили?

— Там снаружи у меня есть *Cimbidium*, она называется Фальстаф, я мог бы вам его отдать за пятерку.

У полковника, как обычно, было хроническое опустошение карманов, а с тех пор как Херман ушел из банка, у него не было возможностей занимать деньги.

— А это наверняка будет то, что нужно моей Vanda?

— Я не могу представить себе ничего лучшего, — ответил полковник. — У вас из этого должно получиться что-то очень красивое.

Когда мистер Херман вернулся в теплицу, то ему показалось, что у его орхидей настрояние очень хорошее. Он решил, что не будет ее вот так сразу знакомить с Фальстафом, а потому засунул новую орхидею под скамейку.

Честно говоря, Фальстаф мистеру Херману совсем был не по душе. Цветы у него были пятнистые, красные и грубые, почти неуклюжие, а кроме того, он только-только отходил от какого-то плесневого заболевания. Полковник дал ему коробку яда, которым надо было опрыскивать Фальстафа.

— Будьте очень внимательным, — предупредил он его, — яды, используемые для орхидей, чертовски быстры в действии. Не курите, когда работаете с ядом, а когда закончите, то хорошо вымойте руки.

Херман забыл купить краски, за которыми он, собственно говоря, направился в город. Дома жена дала ему приличную выволочку.

На следующее утро он, держа в руке чашку с чаем, отправился, как это в последнее время стало у него привычкой, в теплицу.

— Я тут кое-что тебе принес, — сказал он Vanda и вытащил из-под лавки Фальстафа.

Оба цветочных горшка он поставил рядом. Vanda выглядела как-то бледновато. Он подлил ей питательного раствора, пока не зазеленели ее торчащие корешки.

— Мне кажется, что тебя стоит, пожалуй, опрыскать, — обратился он к Фальстафу. — Мне было бы очень не по нутру, если бы она заразилась от тебя плесенью.

Он приготовил яд, как ему сказал полковник. Это привело его в довольно нервное состояние. Полковник на коробке нарисовал большущий череп со скрещенными костями.

Потом Херман целый день рисовал. В теплицу он попал уже ближе к вечеру. Воздушные корни, бывшие там, где стоял Фальстаф, оттянулись и собрались в цветочный горшок. Новую орхидею он поставил на другой конец скамьи. Но на следующее утро корни снова вылезли из горшка, как это было всегда.

На этот раз он вместе с чашкой чаю принес с собой и карандаш с блокнотом. На самом верху страницы он поставил дату, а под ней, отхлебывая чай, приписал:

«Она предчувствует затруднения. Дала мне знать, что мои приготовления к делу любви ей не нравятся».

Затем он взял Фальстафа и снова поставил его рядом с Vanda.

В последующие недели он записывал:

«28 октября. До сих пор не произошло ничего положительного».

«3 ноября. Когда я вошел сегодня рано утром, у нее страшно изменился цвет».

«6 ноября. Я испробовал все способы, какие только можно, чтобы договориться с ней, но ни один не сработал. Не знаю, что и думать об этом».

«9 ноября. Надо бы перестать это делать, но ее поведение меня раздражает».

Херман и вправду был человеком чувствительным. Он не хотел свою орхидею опылять без ее предварительного согласия. А она не только отвергала своего приятеля с красными пятнами, но и проявляла в отношении него ненависть и ревность всякими способами, какие ей были известны. Херман заметил, что, когда он опрыскивал Фальстафа ядом, она меняла цвет, испускала запах, или же кончики корней у нее бледнели.

Несколько раз на протяжении этих тяжелых недель он уже почти принимал решение, что откажется от своих попыток. Но, как часто бывает на свете, дома с женой у него не очень-то ладилось, и чем дальше, тем больше он чувствовал себя истощенным и раздраженным.

11 ноября он записал в блокнот:

«Мне это уже осточертело. Не хочу, чтобы женщины вечно водили меня за нос».

13 ноября отметил, что по его наблюдениям Vanda заразилась плесенью от Фальстафа. Буквально же он записал следующее:

«Я бы вообще не удивился, если бы она мне это сделала нарочно. Она очень хорошо знает, что я боюсь ядов».

17 ноября миссис Херман получила письмо, в котором ее племянница сообщала, что выходит замуж и таким образом вступает в родственные отношения с одной из самых старых и уважаемых семей в Баросса Вэлли. При обручении будет небольшой прием, на который она приглашает дядю и тетю Херманов.

— Тебе придется ехать туда одной, — отозвался Херман.

Миссис Херман не верила своим ушам.

— Одной? Одной в субботу ехать в общество, где обручается собственная племянница?

— Я не могу отлучиться, — заявил супруг.

— Что ты собираешься сказать тем, что не можешь отлучиться? Как это я должна им объяснить? И как это не можешь, раз ты на пенсии. Ты можешь, только тебе неохота.

— На этот раз я действительно не могу. У меня неприятности с орхидеей.

Миссис Херман начала скандалить. У нее полностью отказали нервы. Он еще никогда не видел, чтобы она так злобствовала. У него не было сил ни на что другое, кроме как по-

вторять, что в данный момент он действительно не может уехать.

В конце концов миссис Херман истерически расплакалась и закрылась в спальне. Она вообще не знала, что предпринять и куда обратиться. Она была убеждена, что ее муж рехнулся.

И эта сцена стала развязкой.

Не осознавая, что делает, Херман направился в теплицу.

Там он один за другим разорвал все колпачки на всех цветах Фальстафа и в ярости запихал все тычинки в дрожащие пестики Vanda.

Он был совершенно вне себя. Сел в автомобиль и выкурил без перерыва подряд пять сигарет. Уже совсем поздно он вернулся домой.

Миссис Херман все еще пребывала в спальне за замкнутыми дверями. Он приготовил себе чай и вышел с ним на двор. На Vanda он даже не осмеливался смотреть. Он выбрал яд и опрыскал ее плесень. А после записал в блокнот:

«Сегодня день очень печальный. Между нами уже никогда не будет так, как было».

Яд стекал по языковидным листьям орхидеи и собирался в углублениях. Когда углубления наполнялось, яд стекал ниже.

Мистер Херман сидел понуро и отсутст-

вующим взглядом смотрел через очки на запущенный сад.

Чашка с чаем стояла недалеко от цветочного горшка. Последняя, самая нижняя ямочка наполнилась ядом. Листья, которые от ножки расширялись, как кобра, начали медленно поворачиваться в направлении с востока на запад. Самый нижний лист свернулся, как язык, и капля яда плюхнулась в чай...

Высокий мужчина с жесткими чертами лица в не очень приятного вида шляпе обратился к своему спутнику столь же высокого роста:

— Она сказала, что после недоразумения ушла в комнату и нашла его примерно в половине первого дня. Она вспоминала, что в последнее время он вел себя очень странно.

Тот, другой, ответил:

— Как бы там ни было, но сделал он это квалифицированно. Доктор заявил, что яду глотнул столько, что и лошади хватило бы.

— Я никогда не мог понять самоубийц, — продолжил разговор первый, — теперь и так достаточно трудно сохранить себе жизнь.

— Может быть, его огорчало, что пришлось уйти на пенсию. С некоторыми это бывает. Мир для них просто-напросто перестает существовать.

— Да и я так думаю, — согласился второй

и взял в руки блокнот мистера Хермана.

Между тем первый заметил:

— Но эта голубоватая штуковина и впрямь великолепна.

— Однако же, — удивленно воскликнул второй.

— Что там такое? Что ты обнаружил?

— Открой ушки пошире: «...затруднения. Дала мне знать, что мои приготовления к делу любви ей не нравятся...» 6 ноября. «Я испробовал все способы, какие только можно, чтобы договориться с нею, но ни один не сработал...» 11 ноября. «Мне это уже осточертело. Не хочу, чтобы меня женщины вечно водили за нос...» 13 ноября. «Я вообще не удивился бы, если бы она это сделала нарочно. Она очень хорошо знает, что я боюсь ядов...»

— А ну-ка, покажи мне это, — попросил блокнот первый. Он снова внимательно прочитал все заметки. Некоторое время раздумывал, а потом вслух повторил: — «Она очень хорошо знает, что я боюсь ядов...»

Мужчина с жесткими чертами лица закрыл блокнот и положил его себе в карман.

— Ну, — заметил он, — я так себе думаю, что лучше нам пойти туда, наверх.

И в теплице разошелся сладкий аромат.

Э.Ф.Бенсон

КОМНАТА В БАШНЕ

Наверняка множество людей из тех, которым часто снятся сны, испытали на себе хотя бы раз, что события или же ситуации, пережитые некогда во сне, позже повторяются в действительности. По моему мнению, в этом нет ничего удивительного: скорее, было бы странно, если бы сны никогда не исполнялись, так как они ведь касаются лиц и мест, нам известных, с которыми мы имеем дело наяву, в свете дня.

Это правда, что сюжет сна зачастую бывает искажен каким-нибудь абсурдным, фантастическим обстоятельством, которое не может случиться в реальном мире, но совершенно правдоподобно, что иногда, случайно, сновидение сбывается. Я сам пережил это недавно, и мне это не показалось ни чем-то особенно загадочным, ни необъяснимым с точки зрения психологии.

Так вот, один из моих друзей, проживающий за границей, довольно часто писал мне, примерно так раз в две недели. И когда, зна-

чит, прошло четырнадцать дней и я не получил от него вестей, то начал, сознательно или бессознательно, ожидать письма.

Как-то ночью мне приснилось, что я поднимаюсь на верхний этаж, чтобы переодеться к ужину, и, уже стоя на лестнице, слышу знакомый стук почтальона в двери парадного подъезда. По этой причине я возвращаюсь обратно и среди почты обнаруживаю письмо от друга. И в этом месте появился элемент фантастики: после вскрытия конверта оказалось, что в нем находится бубновый туз, на котором хорошо известным мне почерком было нацарапано:

«Посылаю тебе это для сохранения, так как ты знаешь, что очень рискованным делом является хранить такие тузы^{*} в Италии».

Вот такое мне приснилось, а на следующий вечер, когда я как раз шел наверх, чтобы переодеться к ужину, я услышал знакомый стук почтальона в двери парадного подъезда. Я повел себя так же, как и в своем сне: спустился вниз и среди прочих писем обнаружил письмо от друга. Только в этом письме бубнового туза не было! Если бы он был, то я наверняка не посчитал бы это за обычное стечение обстоя-

^{*} Игра слов: по-английски слово «diamond» означает как бриллиант, так и бубновый туз (*прим. ред.*).

тельств... Без сомнения именно мое ожидание письма внушило мне этот сон, а мой друг, в свою очередь, думал о том, что обязан мне написать.

Но не всегда так легко найти объяснение для подобных явлений, как это имело место в данном случае. Я как раз хочу рассказать историю, которую я вообще не в состоянии себе объяснить: она возникла из тьмы, и тьма ее поглотила.

Всю свою жизнь я относился к людям, которым очень часто снятся сны. Немного было таких ночей, когда, пробудившись, я мог уверенно сказать, что мне ничего не снилось. В снах со мной случались разнообразные приключения, и даже целые серии приключений, обычно достаточно банальных, но в общем-то приключения эти были приятные и веселые — за исключением одного, о котором хочу рассказать.

Этот сон приснился мне впервые, когда мне было около шестнадцати лет. Я оказался перед дверями большого дома из красного кирпича. Я знал, что мне надо в нем остановиться. Слуга, открывший мне, сказал, что чай подан в саду, и провел меня через низкий, отделанный панелями темного цвета холл с большим камином. В саду прекрасно ухоженный газон окаймляли цветочные грядки.

У столика, сервированного для чаепития, сидело несколько лиц, совершенно мне не знакомых, — кроме одного. Это был мой школьный товарищ по имени Джек Стоун — как я догадывался — сын хозяев, который представил меня матери, отцу и двум сестрам. Я был немного удивлен, почему это я тут очутился, так как с этим товарищем у меня не было никаких близких отношений, и он мне даже не нравился, так как мне были известны разные его проделки. Кроме того, он ушел из нашей школы на год раньше, чем я.

Было душное послеобеденное время, царила невыносимая жара. В том месте, где кончался газон, поднималась стена из красного кирпича, окружавшая сад, с железными воротами в середине. На той стороне за воротами рос грецкий орех. Мы сидели в тени дома, напротив его фасада с высокими окнами, через которые я мог видеть очертания накрытого стола и отражающие свет стеклянные и серебряные предметы сервировки. Фронтальная стена была длинной и с одной стороны оканчивалась трехэтажной башней, которая произвела на меня впечатление значительно более старого строения, чем остальная часть здания.

Через некоторое время миссис Стоун, которая, так же как и все, сидела в полном молчании, сказала мне:

— Джек покажет вам вашу комнату. Я отвела вам комнату в башне.

Неизвестно почему, но от этих слов у меня беспокойно забилося сердце. Мне показалось, что мне было известно, что я буду нанимать комнату в башне, и меня охватило предчувствие чего-то недоброго. Джек тотчас же встал, и я ощутил, что мне необходимо последовать за ним.

Молча мы пересекли холл, а потом по большой дубовой лестнице, полной закоулков, мы прошли на площадку третьего этажа башни, где было двое дверей. Джек открыл одну из них и пропустил меня внутрь, не входя сам, после чего закрыл ее за моей спиной. Предчувствие меня не обмануло: что-то зловещее в этой комнате наполняло меня страхом, у меня было впечатление, что меня охватывает кошмар, и я ощущал нарастающий страх, пока наконец не пробудился в полнейшем ужасе.

Позже этот сон преследовал меня в течение пятнадцати лет, в самых разнообразных версиях, но всегда все происходило по одной и той же схеме: прибытие в дом из красного кирпича, чаепитие на газоне в саду, гробовая тишина, прерываемая всего лишь одним предложением, которое на фоне этой тишины звучало как из могилы. Затем мы с Джеком шли в башню, где таился страх, и сон кончался все-

гда ощущением гнетущего ужаса и страха перед чем-то, что было в этой комнате, но только я не мог узнать, что это было.

Время от времени мне снились разные варианты на одну и ту же тему. Например, мы сидели в столовой за столом, и я смотрел через высокие окна, те самые, которые я видел из сада, когда был там впервые во сне. Но где бы мы ни находились, всегда царила та же самая зловещая тишина, и меня охватывало гнетущее предчувствие чего-то тревожного. И я уже заранее знал, что сейчас миссис Стоун нарушит эту тишину и скажет мне:

— Джек покажет вам вашу комнату. Я отвела вам комнату в башне.

Затем я должен был идти с ним по большой лестнице, полной закоулков, в комнату, которой я боялся все больше.

Неоднократно случалось, что мы играли в карты в салоне, ярко освещенном многочисленными канделябрами, а игра проходила в абсолютном молчании. Салон всегда был ярко освещен в отличие от остальной части дома, где господствовали полумрак и тени. Несмотря на столь широкую иллюминацию салона, я с трудом различал карты, вглядываясь в масть. Я не имел представления, что это была за игра, но колода не имела красной масти, а только черную, и некоторые карты были совсем чер-

ными, их-то я и боялся больше всего и ненавидел.

По мере того как сновидение повторялось, я постепенно знакомился с большей частью дома. За салоном, в конце коридора, двери, обитые зеленым сукном, вели в комнату для курения. Там всегда царил мрак, и я не раз проходил мимо кого-то, кто выходил оттуда, но не мог рассмотреть его.

Интересным обстоятельством было то, что персонажи из сновидений подвергались тем же изменениям, что и лица в действительной жизни. Например, миссис Стоун, которая была брюнеткой, когда она явилась мне во сне впервые, с течением времени поседела и не вставала уже так энергично, обращаясь ко мне со словами:

— Джек покажет вам вашу комнату. Я отвела вам комнату в башне.

Джек подрос и стал не особенно симпатичным юношей с темными усами, а одна из его сестер перестала участвовать в чаепитиях с гостями, из чего я сделал вывод, что, вероятно, она вышла замуж.

В какой-то период времени этот сон не являлся мне, пожалуй, полгода, а то и дольше, и я уже имел надежду, что мне никогда не прищется пребывание в доме из красного кирпича и жуткий страх, связанный с ним.

Однако же после этого перерыва я снова очутился на чае в саду, только на этот раз не было миссис Стоун, а все были одеты в черное. Я сразу же догадался о причине, и у меня от радости забило сердце при мысли о том, что, может быть, мне уже не придется ночевать в комнате в башне. Меня охватило ощущение такого облегчения, что, не обращая внимания на всеобщее молчание, я начал говорить и смеяться, чего до этого я себе не позволял. Но это ни в коей мере не изменило ситуации, так как все продолжали молчать, украдкой поглядывая друг на друга. Вскоре поток моих словоизлияний пересох, и снова на меня накатило предчувствие чего-то отвратительного, еще более сильное, чем когда-либо до этого.

Внезапно тишину разорвал голос, столь хорошо мне знакомый, голос миссис Стоун, который сказал:

— Джек покажет вам вашу комнату. Я отвела вам комнату в башне.

Мне показалось, что голос доносится со стороны кирпичной стены, окружающей сад, и я бросил взгляд в этом направлении через прутья ворот; в траве за оградой было полно надгробных камней. Необычный бледный свет, который сочился из них, позволил мне разобрать надпись на ближайшем надгробии:

Джек тотчас же встал как обычно, и я пошел за ним через холл и вверх по лестнице с многочисленными закоулками. На этот раз в комнате было еще темнее, чем обычно, так что я едва-едва различал очертания мебели, расположение которой мне было хорошо известно. Я почувствовал омерзительную вонь разложения и с криком пробудился.

Этот сон и разные его варианты, представленные здесь, некоторое время повторялся в течение пятнадцати лет. Иногда он являлся мне несколько ночей подряд, иногда по прошествии длительного времени, когда-то с перерывом на полгода, как я уже упоминал, но в среднем он снился мне раз в месяц. Я ощущал его как ночной кошмар, и он всегда завершался ощущением пронзительного страха, который, вместо того чтобы ослабевать с течением времени, с каждым разом охватывал меня все сильнее и сильнее.

В этом сновидении была поразительная логика событий: персонажи старели, выходили замуж, умирали. Я никогда уже не увидел миссис Стоун с того времени, как она умерла. Но голос ее всегда сообщал мне, что для меня приготовлена комната в башне... независимо

от того, пили ли мы чай в саду или в какой-то из комнат, я всегда видел ее надгробный камень через прутья ворот. С той же самой последовательностью дочь, вышедшая замуж, появлялась уже только время от времени, раза два или три, в компании мужчины, в котором я предполагал ее мужа. И он также хранил полное молчание, как остальные лица,

С течением времени я привык к этому сну и не морочил себе им голову. За эти пятнадцать лет я ни разу не встретился с Джеком Стоуном и никогда не видел дом, который хоть немного напоминал бы темно-красный дом из моего сна.

Пока однажды...

Тогда в июле я был в Лондоне и договорился с другом, что проведу вместе с ним несколько дней в августе в доме, который он нанял на лето недалеко от местечка Форест в графстве Сассекс. Утром я выехал из Лондона, а Джон Клинтон ожидал меня на станции в Форесте. Мы провели там почти весь день, играя в гольф, так как стояла прекрасная погода. У Джона был свой автомобиль. Мы отказались от послеобеденного чаепития в клубе и отправились в путь в пять часов, чтобы успеть на полдник в дом, расположенный в десяти милях от Фореста.

Во время поездки погода испортилась окончательно, а великолепный, освежающий воздух, бывший днем, стал тяжелым и неподвижным. Меня охватило настроение беспокойства и раздражения, которое бывает у меня обычно перед бурей. Джон не разделял моего мнения, что приближается гроза, он, скорее, относил отсутствие хорошего настроения за счет того факта, что я проиграл ему две партии...

Позже оказалось, что я верно предощутил грозу, но я не думаю, чтобы именно она была поводом моей депрессии.

Мы ехали по дороге между высокими откосами; вскоре я заснул и проснулся только тогда, когда автомобиль резко затормозил. Я был поражен и изумлен, потому что находился перед дверями дома из моего сна! По моему телу пробежала легкая дрожь, но одновременно я ощутил неотразимое любопытство. Мгновение я старался осознать, вижу ли я это наяву или во сне.

Мы прошли через низкий холл, отделанный темными панелями, и очутились в саду, где на газоне в тени дома стоял столик, накрытый для чаепития. С противоположной стороны газона возвышалась стена из красного кирпича, с воротами посередине, а за стеной рос

грецкий орех. Длинный фасад дома заканчивался с одной стороны башней, высотой в три этажа, которая показалась мне намного более старой, чем остальная часть здания.

Через мгновение впечатление схожести с ситуацией из сна прошло, так как тут не было этой молчаливой, жуткой семьи, а только довольно большая компания знакомых, милых людей. Несмотря на страх, который всегда во мне возбуждал сон, я теперь не ощущал тревоги, хотя место действия сна было воспроизведено верно. Преобладающим чувством стало невероятное любопытство, что же произойдет дальше.

Полдник проходил в приятном настроении, когда внезапно миссис Клинтон встала, и я тотчас же понял, что она скажет!

— Джон покажет вам вашу комнату. Я отвела вам комнату в башне.

После этих слов страх охватил меня так же, как и во сне, только ощущение страха быстро прошло, уступая место непреодолимому любопытству. Это мое любопытство вскоре было удовлетворено.

Джон сказал оправдывающимся тоном:

— Это на самом верху башни: у нас полный набор гостей. Может быть, ты сразу же пойдешь посмотреть комнату? О черт! Как

стемнело! Ты, пожалуй, был прав, когда предвещал грозу.

Я встал и пошел за ним. Мы прошли через холл и затем по знакомой лестнице на третий этаж башни. Джон открыл двери и впустил меня в комнату. Меня снова охватил необъяснимый страх. Я пока что не мог осознать, чего собственно боюсь: я просто боялся!

Внезапно, словно кто-то, кто вытаскивает из закоулков памяти забытое имя, так и я начал отдавать себе отчет, что я боюсь... миссис Стоун, могильная плита которой со зловещей надписью столько раз появлялась в моем сне за газоном, который как раз простирался под моими окнами. И снова через мгновение беспокойство прошло настолько, что я подумал: чего тут бояться, раз я цел и здоров и нахожусь в комнате, которая снилась мне так часто, что я уже должен привыкнуть ко всей этой ситуации!

Итак, я осмотрелся вокруг как бы глазами хозяина по комнате: интерьер ее совсем не отличался от комнаты из сновидения. Слева от дверей в углу стояла кровать, рядом находился камин и небольшая библиотечка. Напротив дверей были два окна с небольшими стеклами, а между окнами — туалетный столик. Шкаф и умывальник стояли у другой стены. Мои вещи

были уже распакованы, туалетные принадлежности были аккуратно расставлены на умывальнике, а на постели лежал визитный костюм.

Внезапно я с изумлением заметил две картины, которых во сне я никогда не видел: портрет маслом миссис Стоун в натуральную величину, а также набросок, на котором Джек Стоун выглядел так, как он мне приснился в последний раз, неделю тому назад. Мужчина в возрасте около тридцати лет, с довольно-таки отвратительной внешностью. Его портрет висел в простенке между окнами и глядел прямо на другой портрет, висящий над постелью.

Я повнимательнее посмотрел на портрет миссис Стоун, и по мере того как вглядывался в него, я снова начал ощущать странный страх.

На картине была изображена миссис Стоун такой, какой я видел ее во сне в более поздние годы: высохшая, старая, седая. Но, несмотря на явную дряхлость тела, от нее шла буйная сила, неумная жажда жизни, кипя и пенясь едва скрытой злостью. Прижмуренные, узкие глаза смотрели с издевкой, губы искривились в демонической улыбке. С ее лица смотрела злорадная, прямо-таки ошеломляющая радость! Руки, сложенные на коленях, казалось, с трудом удерживались от того, чтобы не

дернуться в ритме дьявольской, оглушающей сарабанды.

Рассматривая портрет, я заметил в левом нижнем углу подпись. Заинтересовавшись, кто же это мог его нарисовать, я расшифровал слова:

«Джулия Стоун, нарисовала Джулия Стоун».

Я услышал стук в дверь, и Джон Клинтон вошел в комнату.

— У тебя есть все необходимое? — спросил он.

— У меня даже больше, чем мне нужно, — ответил я, указав на портрет.

Он рассмеялся.

— Резкие черты у этой старушки, — заметил он. — Насколько мне известно, это автопортрет. Нельзя сказать, что она себе польстилась...

— Ты не считаешь, — спросил я, — что в этом лице есть нечто нечеловеческое? Это лицо... одержимой дьяволом!

— Да, — Джон повнимательнее присмотрелся к портрету, — это неприятная штука, в особенности над кроватью. Я думаю, что если бы мне пришлось спать с этим портретом над головой, то во сне мне мог бы явиться какой-нибудь кошмар. Я распоряжусь вынести это, если хочешь.

— Да, мне хотелось бы, чтобы это унесли! — попросил я.

Он звонком вызвал слугу. Втроем мы сняли портрет и поставили его на лестничной площадке лицом к стене.

— Ну она, однако, и тяжела, эта старая ле-
ди. — Джон вытер пот со лба. — Может быть
у нее что-то на совести.

Меня также удивила необычная тяжесть
картины, и я уже хотел было об этом сказать,
когда, случайно бросив взгляд на свою руку, я
увидел, что ладонь вся залита кровью!

— Я, должно быть, поранился, — сказал я.

— Да и я тоже! — воскликнул с удивлени-
ем Джон.

В это же самое время слуга вынул платок и
вытер себе руки: на платке остались кровавые
следы. Вместе с Джоном я вернулся в комнату,
чтобы смыть кровь: ни он ни я не обнаружили
ни малейших следов ранений или даже цара-
пин. Словно под воздействием молчаливого
согласия мы перестали говорить об этом
странном событии, но я знал, что он, так же
как и я, думает об этом.

Воздух был недвижим, парило, в особен-
ности после ужина, когда уже стало ясно, что
обязательно будет гроза. Вся компания сидела
за чаем в аллее, идущей вокруг газона. Там
были также Джон и я. Ни одна звездочка, ни
один лучик света луны не пробивали темной
пелены туч. Наша компания постепенно таяла,
женщины пошли спать, мужчины рассеялись в
курильной комнате и в бильярдной, в саду
остались только мы двое: Джон и я. В течение

всего вечера у меня было впечатление, что его гложет какая-то мысль, но только сейчас, когда мы остались одни, он решился открыть ее.

— Слуга, который помогал нам снимать портрет, тоже был с кровью на руке, ты заметил? Я его минутой тому назад спросил, не поранился ли он, на что он ответил, что поначалу он тоже так думал, однако не нашел ни малейшего признака. Так откуда же взялась эта кровь?

Так как я запретил самому себе думать об этом случае, особенно перед сном, то я решил выдержать и не допустить разговора на эту тему.

— Не знаю, — коротко отрезал я, — и это меня совершенно не касается, раз портрет миссис Стоун уже не висит над моей кроватью.

Джон встал.

— Однако же это очень странно... — сказал он задумчиво и, глянув в сторону дома, воскликнул: — Смотри! Какая удивительная вещь!

Его собака, ирландский терьер, как раз вышла из дома и стала в приоткрытых дверях холла. Яркая дорожка света шла через газон к воротам и падала на площадку за оградой, где буйно росли сорняки и грецкий орех. Собака внезапно ошетинулась и неистово заворчала, ощерившись, словно хотела броситься на кого-то. Не обращая ни малейшего внимания ни на своего хозяина, ни на меня, она двинулась

на вытянутых ногах в сторону ворот, и вся ее поза выказывала напряжение и беспокойство. Она старалась различить что-то за железными прутьями, непрестанно ворча. Внезапно смелость покинула ее, и она повернула обратно, от страха начав ползти.

— Она так ведет себя по несколько раз на день, — сказал Джон, — как будто что-то видит за воротами, чего панически боится и одновременно ненавидит.

Я подошел к воротам и посмотрел через прутья: в траве что-то задвигалось, и до моих ушей донесся неопределенный тихий шорох. Через минуту я узнал урчание кота. При свете спички я увидел, как пушистый, голубой персидский кот ходит по кругу в позе, выражающей экстаз, высоко поднимая лапы, с хвостом, поднятым вверх, как знамя. Время от времени он нагибал голову и отирался о траву, ласкаясь, а глаза у него горели фосфорическим светом.

— Кажется, мы обнаружили разгадку тайны, — пошутил я. — Этот великолепный кот празднует тут кошачью «Вальпургиеву ночь».

— Дарий сюда часто приходит, — пояснил Джон, — но это не разгадка тайны, так как Тоби живет с ним в большой дружбе. Тайна заключается в том, что то, что доставляет коту невероятное удовольствие, вызывает у собаки бешенство и страх. Что этот кот здесь ищет?

И затем я вспомнил чудовищную подробность из своих сновидений, когда за воротами,

именно в том месте, где кружился кот, я видел белый каменный надгробный камень со злобещей надписью. Я не успел ответить Джону: внезапно как из ведра полил дождь, и персидский кот проскользнул между прутьями и влетел в дом, чтобы спрятаться. Мгновение он сидел на пороге, пронзая взглядом темноту, а когда Джон отодвинул его, чтобы закрыть двери, то кот ударил его лапой.

Теперь, когда портрет миссис Стоун был вынесен на площадку, комната перестала внушать мне беспокойство, а инцидент с кровью на руках и загадочное поведение собаки и кота пробуждали во мне только любопытство. Мне хотелось спать, я устал, и последний мой взгляд, перед тем как заснуть, упал на темно-красный квадрат над кроватью, который резко выделялся на фоне выцветших обоев. Я погасил свечу и мгновенно заснул.

Проснулся я внезапно и подскочил на постели, словно кто-то посветил мне прямо в лицо. Я осознал, что нахожусь в той самой комнате, которую я так боялся в своих снах. Над домом раздавался гром, но я не мог объяснить себе, что это только молния пробудила меня и заставила мое сердце биться сильнее... Я знал, что в комнате вместе со мной что-то есть и инстинктивно вытянул руку, чтобы это что-то отпихнуть от себя. Я наткнулся на раму портрета, который висел над кроватью...

Я выскочил из кровати, перевернув ночной

столик и часы, свеча и спички упали на пол. Зигзаг молнии прорвался через тучи, и в ее бледном свете я увидел портрет миссис Стоун на прежнем месте. В ногах кровати стояла какая-то фигура в белом платье, испачканном землей и грязью. Она вглядывалась в меня, нагнувшись, и я узнал лицо с портрета! Снова наступила темнота, черная как смоль.

Гром перестал грохотать, в гробовой тишине до меня донесся легкий шелест, и, что хуже, я почувствовал вонь разлагающегося трупа. Чья-то рука оперлась на мое плечо, тут же над ухом я услышал неровное быстрое дыхание. Я знал, что это не существо из плоти и крови, хотя воспринимал ее всеми органами чувств: словно после расставания с телом она обрела силу являться людям.

Хорошо знакомый мне голос произнес:

— Я знала, что ты придешь сюда, в комнату в башне! Я долго ждала тебя. И наконец ты пришел. В эту ночь я буду веселиться и праздновать. А скоро мы будем пировать вместе!

Ее дыхание защекотало мне по шее. И тогда страх, который парализовал меня, отступил, дав место инстинкту обороны; я рванулся, сжав кулаки, и нанес удар в темноту. Раздался звериный крик, и что-то глухо упало рядом со мной. Что бы это ни было, я не хотел этого касаться; в несколько прыжков я домчался до дверей и, к счастью, сразу же нащупал ручку. Я выбежал из комнаты, захлопнув за собой дверь. Очутившись на лестничной площадке, я

услышал, как Джон выходит из своей комнаты этажом ниже. Через мгновение он вбежал наверх с подсвечником в руке.

— Что случилось?! — закричал он. — Я спал под твоей комнатой, и меня пробудил такой шум, словно... О Боже, у тебя кровь на плече!

После он рассказал мне, что я был бледен как полотно и шатался, а на плече виден был отпечаток окровавленной руки.

— Там, там... — невразумительно бормотал я, указывая на комнату. — Она там, понимаешь? И портрет там тоже висит, на том же самом месте...

— Это тебе кошмар приснился! — улыбнулся он снисходительно, отодвинул меня в сторону и открыл двери.

Я был словно разбит параличом, у меня не было сил ни задержать его, ни пойти вместе с ним.

— Что за страшный запах! — сказал он и исчез из поля моего зрения за дверями, но тотчас же выскочил оттуда, столь же бледный, как и я.

— Портрет висит там... — заговорил он возбужденно. — Но на полу... на полу лежит что-то ужасное... что-то из гроба... облепленное комками земли... идем отсюда, быстро!

Я дрожал от расстройства нервов, отвращение доводило меня до тошноты, я сам не знаю, как сумел спуститься по лестнице. Джон свел меня, украдкой бросая наверх беспо-

койные взгляды. Мы вошли в его комнату на втором этаже, и там я рассказал ему историю из своих снов так, как я ее тут представил.

Мне уже остается добавить немного, я хочу только лишь напомнить, что наверняка многие читатели слышали о весьма странной и невыясненной истории относительно кладбища в Поли, случившейся несколько лет тому назад. Тогда три раза была предпринята попытка похоронить тело женщины, совершившей самоубийство. Каждый раз гроб оказывался выброшенным из могилы при невыясненных обстоятельствах. В конце концов, чтобы предотвратить сплетни вокруг этого дела и избежать ненужной болтовни, было принято решение похоронить самоубийцу втайне на неосвященной земле: ее похоронили вблизи ворот за стеной, окружающей сад и дом, в котором эта женщина когда-то жила. Она совершила самоубийство в комнате в башне, а звали ее... Джулия Стоун.

Однако и в этом месте она не нашла покоя: тело ее было снова выброшено из могилы, а гроб, который вскоре был найден, оказался полным крови.

A decorative border surrounds the central text area. It features a repeating pattern of stylized skulls and floral motifs. The skulls are positioned at regular intervals along the top and bottom edges, while the floral elements fill the spaces between them. The entire border is rendered in a black and white, woodcut-like style.

Э.Ф.Бенсон

**ИСПОВЕДЬ
ЧАРЛЗА
ЛИНКВОРТА**

В течение недели перед казнью доктор Тисдейл несколько раз имел возможность посетить приговоренного к смерти и констатировал, что, как это часто бывает с людьми, лишенными последней надежды, он спокоен, примирился с судьбой и внешне без страха ожидает приближающегося неумолимо с каждым часом утра. Казалось, что приговоренный уже не ощущает ужаса смерти. Он пережил его, когда ему сказали, что его просьба о помиловании была отвергнута. Но до тех пор, пока еще тлела искорка надежды, несчастный ежедневно жил мыслью о смерти.

За всю свою предыдущую карьеру доктор не встречал еще человека, так страстно, почти безумно привязанного к жизни, не встречал никого столь же сильно слитого с материальным миром чисто животной жадной жизни. Но когда этот человек узнал, что погасла последняя надежда, его душа освободилась от пут муки и неизвестности, с безразличием принимая неизбежное.

Перемена, наступившая в нем, была, однако, совершенно необычна, и доктор не мог не поддаться впечатлению, что приговоренный только лишь внешне утратил любую способность чувствовать и на дне его души продолжает тлеть страстная привязанность к материальному миру, так как, узнав о результате апелляции, он потерял сознание, потому-то вызвали доктора Тисдейла. Обморок, однако, продолжался всего лишь мгновение, и, придя в себя, приговоренный полностью осознал то, что произошло.

Убийство было действием исключительно отвратительным, и, по общему мнению, виновник не возбуждал ни малейшего сочувствия. Чарлз Линкворт, которому в данный момент грозила высшая мера наказания, был владельцем небольшого магазинчика канцелярских товаров в Шеффилде, где он жил вместе с женой и матерью.

Жертвой отвратительного убийства стала мать, а мотивом было желание присвоить сумму в пятьсот фунтов стерлингов, которые являлись ее личной собственностью. Судебный процесс выявил, что Линкворт в это время имел долги в размере около ста фунтов и во время отсутствия жены, пребывавшей в гостях у родственников, задушил мать, а ее труп закопал в маленьком садике за домом. После

возвращения жены он смог сообщить ей совершенно правдоподобную историю, которая объясняла исчезновение старой миссис Линкворт.

В течение нескольких лет между ним и матерью случались непрестанные стычки и ссоры, и мать неоднократно угрожала, что она прекратит еженедельно вкладывать свои деньги в содержание дома, что составляло восемь шиллингов, а на имеющиеся в ее распоряжении деньги купит себе место в доме престарелых. Во время отсутствия молодой миссис Линкворт между матерью и сыном в самом деле вспыхнула острая ссора, вызванная какой-то мелочью, связанной с ведением домашнего хозяйства. В результате этой ссоры женщина действительно сняла свои деньги со счета в банке, намереваясь на следующий день покинуть Шеффилд и направиться в Лондон, где у нее были друзья. Она сообщила ему об этом в тот же самый день вечером. А ночью сын ее задушил.

Следующий шаг, предпринятый Линквортом до возвращения жены, был логичным и продуманным. Он упаковал все вещи, принадлежавшие матери, отвез их на вокзал и сдал в пассажирский поезд до Лондона, а вечером пригласил нескольких знакомых на ужин и рассказал им об отъезде матери. Он не при-

творялся, что сожалеет (что также было логично и соответствовало тому, что знакомые наверняка и так знали), заявив, что его отношения с матерью никогда не складывались хорошо и благодаря ее отъезду в доме воцарится спокойствие и согласие.

Ту же самую историю он рассказал и жене после ее возвращения, добавив только, что ссора была очень резкой и мать не оставила ему даже своего адреса. Это также был ловкий ход, так как тем самым он отбирал у жены возможность написать свекрови письмо. Жена, как кажется, восприняла этот рассказ без каких-либо подозрений. И действительно, в нем не было ничего странного или подозрительного.

В течение какого-то времени он держал себя в руках и вел себя хитро — эти черты характера большинство преступников проявляют до определенного момента, и их потеря бывает наиболее частой причиной того, что преступление вскрывается. Он, например, не сразу выплатил свои долги, даже принял молодого жильца, который поселился в комнате матери, и уволил из магазина помощника, взяв на себя полностью обслуживание в нем. Тем самым он создал видимость экономии и одновременно начал громко рассказывать об оживлении в торговле и до конца месяца не израсходовал ни одной из банкнот, найденных в замкнутом

на ключ ящике стола в комнате матери.

И только потом он разменял две банкноты по пятьдесят фунтов и расплатился с кредиторами. С этого момента он потерял и голову, и хитрость. Он открыл счет в банке и, вместо того чтобы терпеливо класть фунт за фунтом, сразу положил четыре банкноты по пятьдесят фунтов, а кроме того, начал беспокоиться насчет того, что он закопал в садике за домом на совершенно безопасной глубине. Чтобы еще лучше подстраховаться с этой стороны, он заказал телегу шлака и камней и проводил летние вечера после работы, строя на этом месте с помощью жильца что-то вроде миниатюрного горного ландшафта.

Затем случилось несчастье, которое стало настоящей искрой, приведшей к ужасному взрыву. В камере хранения потерянного багажа на вокзале Кингс-Кросс (откуда ему надо было получить вещи своей матери) вспыхнул пожар, который частично уничтожил один из двух ящиков. Так как железнодорожная компания была обязана компенсировать ущерб, то вышитая на белье фамилия матери, а также письмо, адресованное в Шеффилд, явились причиной поступления чисто официального письма, в котором подтверждалась готовность покрыть ущерб. Письмо было адресовано миссис Линкворт, и по этой причине его получила

и прочитала жена Чарлза Линкворта.

Внешне это был совершенно невинный документ, но в сочетании со всем прочим он начал приговор к смерти. Ибо Линкворт никоим образом не был в состоянии объяснить, почему багаж матери все еще находился на вокзале Кингс-Кросс. Он смог выдвинуть единственное предположение, что с матерью что-то случилось. Было ясно, что он должен отдать дело в руки полиции с намерением отыскать ее след. И если бы оказалось, что ее нет в живых, то заявить о своих правах на деньги, которые она предварительно сняла в банке. Во всяком случае, придерживаться такого поведения ему советовала жена, а также жилец, присутствующий при зачитывании письма из железнодорожной конторы, и Линкворт никак не мог открутиться от принятия их совета.

И тогда сдвинулась с места тихая, бесшумная, типично английская машина правосудия. Неброского вида люди начали крутиться по Смит-стрит. Они заходили в банки, наблюдали за якобы растущим оборотом торговли в магазинчике и из соседнего дома заглядывали в садик, в котором искусственный ландшафт уже успел зарости папоротником.

Затем наступил арест, не очень долгий судебный процесс, и в одну из суббот вечером пал приговор. Элегантные люди в огромных

шляпах внесли оживление в зал суда, но во всей этой толпе не было ни одной особы, сочувствующей молодому человеку с внешне-стью атлета, который на их глазах был приговорен к смерти.

Среди зрителей было множество пожилых, почтенных матерей, и ввиду того, что убийство было надругательством над материнством, они с огромным одобрением следили за неопровержимым потоком обвинений. Они ощутили легкую дрожь, когда судья, надев на голову свой абсурдно выглядевший черный берет, зачитал вынесенный Богом приговор.

Линкворт отправлялся на эшафот, чтобы понести наказание за свое чудовищное деяние, и никто из слышавших обвинительный акт не сомневался, что он виновник, — с тем же самым равнодушием, которое характеризовало все его поведение с момента отказа в его просьбе о помиловании. Тюремный капеллан, который перед этим посещал его, всеми средствами старался склонить его к признанию вины, но его усилия не дали никакого эффекта, и Линкворт, хоть и не давал никаких присяг, все же до последнего мгновения упорствовал в своей невинности.

И в одно прекрасное сентябрьское утро небольшая, вызывающая ужас процессия пересекла под теплыми лучами солнца тюремный

двор, направляясь в барак, где была установлена смертоносная машина. Вскорости после этого доктор Тисдейл констатировал мгновенную смерть. Стоя на эшафоте он видел, как открывается люк и вниз обрушивается на веревке фигура с капюшоном на голове. Он услышал свист и хлопок веревки, натягивающейся под действием тяжести, и, поглядев вниз, он увидел странные подрагивания повешенного тела. Но это длилось всего лишь несколько секунд — экзекуция была проведена безупречно.

Спустя час он произвел осмотр тела, который и подтвердил его предположения: Линкворт безусловно умер мгновенно вследствие того, что сломались позвонки. По сути дела, вскрытие было не нужно, но ради формальности он его произвел. И тогда-то он вынес впечатление, странное и чрезвычайно сильное, что душа уже покинувшего этот мир человека находится рядом с ним, словно не желая расставаться со своей убитой телесной оболочкой. А ведь тело, вне всяких сомнений, было мертвым: жизнь покинула его час назад.

Затем случилось другое странное происшествие, которое в первый момент показалось малосущественным, хотя и непонятным. Один из охранников пришел узнать, не унесли ли случайно использованную час назад веревку, которую следовало вернуть палачу, вместе с

трупом в морг. Но веревка, на удивление, исчезла бесследно: ее не было ни в морге, ни на эшафоте. И хотя дело это не имело существенного значения, оно осталось невыясненным.

Доктор Тисдейл был холостяком, человеком финансово независимым. Он жил в обширном, светлом доме на Бедфорд-сквер, где несравненного совершенства кухарка заботилась о его питании, а муж кухарки — о его особе. Доктору вообще не было необходимости заниматься врачебной практикой, и свои обязанности в тюрьме он выполнял исключительно ради изучения ментальности преступников.

Он считал, что большинство преступлений, то есть нарушений норм поведения, вызывается или психическими отклонениями, или же нищетой. Кражи, например, он не относил в счет одной только причины. Бедность, правда, часто является их причиной, но в большинстве случаев они диктуются какой-то неизвестной болезнью мозга. Более очевидные случаи такого типа именуются как kleptomania. Доктор, однако, был убежден, что желание удовлетворения материальных потребностей также не выясняет множество других правонарушений.

В особенности это относится к преступлениям, связанным с актом насилия. Потому-то, возвращаясь вечером домой, дело о преступ-

нике, при смерти которого он должен был этим утром присутствовать, в уме он отнес к этой категории. Преступление было отвратительным, а резкой потребности в деньгах не было. Уже сам омерзительный, противный природе характер совершенного вынуждал доктора считать этого человека скорее безумцем, чем убийцей.

Как говорили, тот был человеком спокойным и доброжелательным, хорошим мужем и компанейским соседом. И внезапно совершил одно-единственное преступление, которое совершенно вышвырнуло его за пределы общества. Столь ужасающего деяния, независимо от того, совершил ли его преступник или сумасшедший, невозможно терпеть. Для его исполнителя нет места на нашей земле.

И однако же у доктора было неясное ощущение, что он в более полной мере смог бы согласиться с приговором правосудия, если бы умерший перед смертью признал свою вину. Хотя с моральной точки зрения вина его была бесспорной, доктор чувствовал бы себя лучше, если бы в момент потери последней надежды человек этот собственным признанием подтвердил бы правомерность приговора.

В этот вечер после ужина он расположился в соседствующем со столовой кабинете, а так как у него не было настроения почитать, то он

уселся в большое красное кресло напротив камина, позволив мыслям свободно витать. Почти сразу же ему припомнилось то странное утреннее ощущение, когда ему показалось, что душа Линкворта все еще присутствует в морге, хотя жизнь его погасла за час до этого. Не в первый раз случалось ему переживать подобное ощущение, в особенности в случаях внезапной кончины, но, пожалуй, никогда оно не было столь сильным, как сегодня.

По мнению доктора, причиной такого чувства, очевидно, было вполне естественное психическое явление. Крайне правдоподобным является то, что душа — доктор, как следует добавить, верил в загробную жизнь и бессмертие души — не может или не хочет тотчас же оборвать всякую связь со своей брэнной оболочкой и, по всей вероятности, еще какое-то время блуждает по земле вблизи нее.

В свободное время доктор Тисдейл совершенно серьезно занимался оккультизмом, так как, подобно большинству прогрессивных и опытных врачей, он ясно отдавал себе отчет, сколь тонка граница, отделяющая душу от тела и сколь огромное влияние оказывает дух на материю. Так что он без труда мог представить себе, что лишенная оболочки душа в состоянии непосредственно общаться с теми, которые до сего момента пребывают в оковах материальной действительности.

Размышления доктора как раз начинали формироваться в виде определенной последовательности, когда ему помешали. Зазвонил стоящий рядом на столе телефон, но звук этот не обладал своей обычной металлической настойчивостью, раздавался очень тихо, словно упало напряжение тока или механизм работал неверно. Тем не менее он звонил вне всяких сомнений, так что доктор встал и поднял трубку.

— Да, я слушаю, — сказал он. — Кто говорит?

В ответ послышался едва слышный, совершенно непонятный шепот.

— Не слышу, — сказал он.

И снова донесся до него шепот, столь же неразборчивый, как и до этого. А затем он совсем стих.

Доктор еще с полминуты вслушивался, но из трубки доносились только шорохи и трески, которые показывали, что он все же связан с каким-то аппаратом. Затем он нажал на вилку аппарата, позвонил на телефонную станцию и сообщил свой номер.

— Не можете ли вы мне сказать, с какого аппарата ко мне только что звонили? — спросил он.

Через некоторое время ему сообщили требуемый номер. Это был номер тюрьмы, в которой он работал.

— Прошу соединить меня с этим номером, — сказал он.

Его соединили.

— Только что вы звонили мне, — сказал доктор в трубку. — Да, это доктор Тисдейл. В чем дело? Я не расслышал, что вы мне говорили.

До него донесся ясный, понятный голос.

— Это какая-то ошибка, — услышал он. — От нас никто к вам не звонил.

— Но с телефонной станции мне сообщили, что примерно три минуты тому назад вы звонили.

— Это какая-то ошибка, — произнес голос в трубке.

— Весьма странно. Ну ничего, спокойной ночи. Я говорю со стражником Дрейкоттом, не так ли?

— Так точно, сэр, спокойной ночи.

Доктор Тисдейл обратно уселся в свое необъятное кресло, но теперь у него было еще меньше охоты читать, чем до этого. Какое-то время его мысли блуждали без определенной цели, возвращаясь, однако, упорно к странному случаю с телефоном. Не раз и не два случилось, что звонили по ошибке, и неоднократно станция связывала его не с тем аппаратом, но все же в приглушенном звонке телефона и в неразборчивом шепоте на другом конце линии было нечто, направляющее его мысли весьма

странным путем, и через мгновение он обнаружил, что вышагивает туда и сюда по комнате, погрузившись в необычные раздумья.

— Но ведь это же невозможно, — сказал он вслух.

На следующее утро Тисдейл как обычно направился в тюрьму, и во второй раз его охватило то самое странное ощущение присутствия чего-то невидимого. У него и ранее были необычные психические переживания, и он знал, что является хорошим медиумом, это значит, что в определенных обстоятельствах он выказывает способность ощущения сверхъестественных явлений, установления мимолетных контактов с окружающим нас миром невидимого. А впечатление, сопровождавшее его этим утром, является ощущением присутствия казненного вчера человека. Оно было отчетливо связано с определенным местом, сильнее всего он ощущал его, проходя через тюремный двор или же проходя вблизи камеры смертников. Ощущение было настолько сильным, что он не удивился бы, если бы увидел фигуру этого человека, а проходя через двери в конце коридора, он обернулся, будучи уверен, что увидит его перед собой.

Одновременно все время он ощущал панический страх, невидимая фигура пробуждала в нем непонятное беспокойство. Ведь эта несча-

стная душа, думал он про себя, нуждается в помощи. Ни на мгновение он не усомнился в реальности своих ощущений, слишком осязаемых, чтобы быть всего лишь творением воображения. Душа Линкворта была здесь.

Он прошел в палату для больных и несколько часов занимался работой. Но все это время его не покидало ощущение непосредственного присутствия чего-то незримого, разве что оно было только слабее, чем в местах, более связанных с этим человеком.

В конце концов, желая проверить свою теорию, он перед уходом из больницы заглянул в сарай, где состоялась казнь. И сразу же вышел из него с побледневшим лицом, поспешно закрыв за собой двери. На вершине конструкции стояла почти неразличимая, слабо очерченная фигура человека в капюшоне и связанного веревкой. Он видел ее, в этом не было ни малейшего сомнения.

Доктор Тисдейл был человеком отважным, так что он почти сразу взял себя в руки, устыдившись этого момента слабости. Но хотя шок, облекший его лицо в бледность, не был вызван страхом, а скорее нервным спазмом, все же доктор, несмотря на весь свой интерес к сверхъестественным явлениям, не смог заставить себя вернуться. Или, скорее, его мускулы отказывались повиноваться приказам сознания.

Если несчастная, прикованная к земле душа хотела ему что-то сообщить, то ему было во сто крат милей, если бы она сделала это на расстоянии. Диапазон ее действия, насколько он сумел сориентироваться, был ограничен. Она навещала тюремный двор, камеру смертников и место казни, но уже в больнице присутствие ее ощущалось слабее.

В голове доктора проклюнулась новая мысль, и он, вернувшись в свой кабинет, приказал вызвать охранника Дрейкотта, который в предыдущий вечер поднял трубку.

— Вы абсолютно уверены, — спросил он его, — что вчера вечером незадолго до моего звонка никто мне не звонил?

Охранник как бы слегка заколебался, что не ускользнуло от внимания доктора.

— Извините, но я, по правде, не знаю, как бы это могло случиться, — сказал он. — Я сидел прямо у телефона за полчаса до этого, а может быть, и дольше. Если бы кто-то был у аппарата, то я обязательно увидел бы его.

— И вы никого не видели? — слегка подчеркнул свой вопрос доктор.

Охранник явно был в смущении.

— Нет, господин доктор, я никого не видел, — уверенно ответил он.

Доктор Тисдейл отвел глаза.

— Но у вас было впечатление, что кто-то

все же был? — спросил он небрежно, словно не придавая этому делу большого значения.

Охранника явно что-то будоражило, о чем было трудно говорить.

— Ну что ж, господин доктор, можно это и так охарактеризовать, — начал он. — Но вы наверняка подумаете, сэр, что я закемарил или же что-то тяжелое съел за ужином.

Доктор перестал притворяться равнодушным.

— Я ничего такого не подумаю, — отпарировал он. — Так же, как вы мне не скажете, что вчерашний телефонный звонок мне слышался во сне. И вы наверняка знаете, Дрейкотт, что это не был нормальный звонок. Я едва его слышал, хотя сидел возле аппарата. А когда я приложил ухо к трубке, то до меня дошел только шепот. Но вас я слышал весьма отчетливо. Так что я уверен, что что-то или скорее кто-то здесь был у телефона. Вы все время находились в помещении и, не видя никого, ощущали, однако, чье-то присутствие.

Дрейкотт кивнул.

— Я не трус, — сказал он, — и у меня нет привычки выдумывать. Но что-то должно было быть. Оно кружило вокруг телефона, хотя ветра не было, а ночь была совершенно спокойная и теплая. Впрочем, я на всякий случай закрыл окно. И все же это нечто крутилось по

комнате около часа, а может, и больше. Оно перелистывало страницы в телефонной книжке, а когда оказалось около меня, то растрепало мне волосы. И вы знаете, доктор, от этого нечто веяло каким-то жутким холодом.

Доктор посмотрел ему прямо в лицо.

— А не подумали ли вы в тот момент о том, что случилось вчера утром? — внезапно осведомился он.

Охранник снова заколебался.

— Да, господин доктор, — ответил он в конце концов, — я подумал о казненном Чарлзе Линкворте.

Доктор успокаивающе кивнул.

— Вот именно, — сказал он. — Вы сегодня идете на дежурство?

— Да. Я бы много чего дал, чтобы не идти.

— Я прекрасно вас понимаю, сам пережил точно то же самое. Ну так вот, чем бы это ни было, оно явно жаждет что-то сообщить мне. Ага, вчера в тюрьме не было какого-либо беспокойства?

— Да, сэр, нескольких заключенных ночью мучили кошмары. Они кричали и стонали во сне, да при этом те, которые вообще спокойны. Это иногда случается в первую ночь после казни. Я уже видел подобные вещи, но никогда в такой степени, как вчера.

— Ах да! Так вот, если что-то незримое пожелает позвонить сегодня вечером, то сде-

лайте все, чтобы облегчить ему это. По всей вероятности, оно появится примерно в то же самое время. Это вообще так бывает, хотя я не в состоянии объяснить вам почему. Так что если только это будет возможно, то выйдите на часок из помещения, в котором стоит телефон, где-то между половиной десятого и половиной одиннадцатого, чтобы дать ему как можно больше времени. Я буду сидеть дома и ждать звонка. Если оно позвонит, то я дам вам знать, чтобы быть уверенным, не был ли это гм... обычный звонок.

— Извините, сэр, а не случится со мной чего-нибудь плохого? — спросил охранник.

Доктор Тисдейл вспомнил ошеломление, которое он пережил утром, но ответил в полной уверенности:

— Уверяю вас, что вам не стоит ничего бояться.

В этот день доктор Тисдейл был приглашен на ужин, от которого он, однако, отговорился. И в половине десятого он в одиночестве сидел в своем кабинете.

Так как люди не знают до сих пор правил, которыми руководствуются расставшиеся с телом души, то доктор был не в состоянии объяснить охраннику, почему их явления происходят вообще циклично, с точностью, соответствующей времени на часах, но на основе

графиков, касающихся нескольких десятков случаев объявления духов, а в особенности душ, нуждающихся в незамедлительной помощи — как, вероятнее всего, обстояло в данном случае, — ему удалось установить, что они всегда приходят в одно и то же время дня или ночи. А сверх того их способность становиться видимыми, слышимыми или ощущаемыми, как правило, усиливается через некоторое время после смерти, чтобы потом, по мере отдаления от земли, слабеть, и потому доктор надеялся, что в этот вечер впечатление будет более четкое. Скорее всего, в первые часы своего удаления из тела душа еще слишком слаба, словно свежевылезшая из куколки бабочка...

И тут внезапно зазвонил телефон, чуть громче, чем в предыдущий день, но все же не своим нормальным, повелительным звоном.

Доктор Тисдейл тотчас же встал и поднял трубку. Он услышал душераздирающее рыдание, спазматический плач, который, казалось, сотрясает плачущего.

Мгновение он стоял без слов, скованный каким-то неопределенным страхом, но глубоко взволнованный и готовый оказать помощь в меру своих возможностей.

— Да, да, — сказал он в конце концов, слыша, как дрожит его собственный голос. —

Я доктор Тисдейл. Что могу для тебя сделать? Ты кто? — добавил он, хотя и ощущал ненужность этого вопроса.

Рыдания постепенно утихли, и вместо них раздался все еще перемешиваемый спазмами плача шепот.

— Я хочу признаться, сэр... хочу в чем-то признаться... я должен признаться.

— Хорошо, скажи мне, в чем ты хочешь признаться? — спросил доктор.

— Нет, не вам, а тому другому мистеру, который посещал меня. Не повторите ли вы, сэр, ему то, что я вам сказал?.. Я не могу ему ни показаться, ни обратиться к нему.

— Ты кто? — внезапно спросил Тисдейл.

— Я Чарлз Линкворт. Я думал, что вы знаете. Я ужасно несчастлив. Я не могу покинуть тюрьму, а тут так холодно. Вы позовете того другого, сэр?

— Ты имеешь в виду капеллана? — спросил доктор Тисдейл.

— Да, капеллана. Того, который читал молитву, когда меня вчера вели через двор. Мне будет легче, если я исповедаюсь.

Мгновение доктор колебался. Ему придется рассказать тюремному капеллану странную историю о телефонных разговорах с духом казненного вчера человека. Но все же со всем присутствием духа он верил в муку несчастно-

го духа и в его потребность признания. Он не обязан его спрашивать, в чем тот хочет признаться.

— Хорошо, я попрошу, чтобы он сюда пришел, — сказал он наконец.

— О, не знаю, как вас благодарить, сэр. Прошу вас, уговорите его, чтобы он пришел.

Голос становился все слабее.

— Это должно произойти завтра вечером, — продолжал он. — Сейчас я уже больше не могу говорить. Мне нужно идти... О, мой Боже, мой Боже!

Он снова разразился рыданиями, которые постепенно затихали. Но доктора Тисдейла охватило горячее, смешанное со страхом любопытство.

— Куда тебе нужно идти? — закричал он. — Скажи мне, что ты делаешь? Что с тобой делается?

— Я не могу сказать, мне нельзя этого говорить, — услышал он исчезающий голос. — Это часть... — и все стихло.

Доктор Тисдейл обождал еще минутку, но, кроме тресков и бурчаний аппарата, ничего не было слышно. И только положив трубку, он дал себе отчет в том, что его лоб покрыт каплями ледяного пота. У него звенело в ушах, сердце билось быстрым, слабым ритмом, и ему пришлось присесть, чтобы прийти в себя.

Снова и снова он задавал себе вопрос, не является ли это каким-то страшным розыгрышем, но знал, что это невозможно. Он имел дело с душой, измученной угрызениями совести по причине страшного необратимого деяния, которое она совершила. Нет, это не была игра воображения, здесь в своем комфортабельном кабинете в доме на Бедфорд-Сквер, в окружении веселого шума Лондона, он действительно разговаривал с духом Чарлза Линкворта.

У него не было времени (да и, по правде говоря, охоты — в глубине души его от страха была дрожь) на раздумья. Он обязан прежде всего позвонить в тюрьму.

— Охранник Дрейкотт? — спросил он.

Голос отвечавшего явно дрожал.

— Да, сэр. А это мистер Тисдейл?

— Да, это я. У тебя там что-нибудь случилось?

Охранник дважды пробовал отвечать, но ему изменял голос. И только на третий раз слова протиснулись через его горло.

— Да, сэр. Он был здесь. Я видел, как он вошел в помещение, в котором находится телефон.

— Ах! Ты его окликнул?

— Нет, сэр. Меня залил пот, и я прочитал молитву. Пожалуй, что с полдюжины мужиков

орали сегодня во сне. Но теперь все спокойно. Я думаю, что он пошел к себе в сарай.

— Да. Ну что ж, мне кажется, что уже не случится ничего особенного. Ага, не могли бы вы мне сказать адрес мистера Докинса?

Получив адрес, доктор Тисдейл взялся писать письмо капеллану, приглашая его на следующий вечер на ужин. Но внезапно он осознал, что не в состоянии писать как обычно за своим письменным столом, рядом с телефоном, и потому перешел в редко используемую гостиную на втором этаже, где он принимал гостей. Тут к нему вернулось спокойствие, и он усилием воли заставил руки не дрожать.

В письме он просил мистера Докинса всего лишь принять приглашение на ужин на следующий вечер, так как ему хочется рассказать тому некую весьма странную историю, а также просить об оказании помощи. А в конце он добавил:

«Даже если ты уже договорился в другом месте, я очень тебя прошу отказаться от встречи. Сегодня я сам на это пошел и горько пожалел бы, если бы поступил иначе».

Итак, на следующий день вечером они вдвоем сидели в столовой доктора, и когда они остались одни за кофе, куря сигары, доктор начал свой рассказ.

— Дорогой капеллан, — сказал он, —

прошу не считать, что я свихнулся, когда услышишь, что я тебе должен рассказать.

Мистер Докинс рассмеялся.

— Я могу тебе это обещать.

— Благодарю. Так вот вчера и позавчера вечером немного позже, чем сейчас, я говорил по телефону с человеком, которого два дня тому назад казнили, — с Чарлзом Линквортом.

Капеллан не рассмеялся. Возмущенный, он вместе со стулом отодвинулся от стола.

— Послушай, Тисдейл, — сказал он, — я не хочу быть невежливым, но неужели ты затянул меня сюда только для того, чтобы рассказать мне этот бред о привидениях?

— Да, но ты не услышал еще даже и половины. Вчера вечером он попросил меня связать его с тобой. Он хочет тебе в чем-то признаться. Пожалуй, нетрудно догадаться в чем.

Докинс встал.

— Очень прошу тебя, я об этом больше не хочу и слышать, — заявил он. — Умершие не возвращаются на землю. Состояние и условия их существования не были нам открыты. Однако они не имеют никакой связи с материальным миром.

— Я должен тебе рассказать обо всем, — отрезал доктор. — Позавчера вечером у меня зазвонил телефон, но очень тихо, а в трубке был слышен только шепот. Я тотчас же прове-

рил, откуда был звонок, и мне сказали, что звонили из тюрьмы. Я позвонил в тюрьму, но охранник Дрейкотт заявил, что никто оттуда не звонил. И он также ощущал чье-то присутствие.

— Он, верно, слишком много пьет, — резко сказал Докинс.

— Дорогой мой, тебе не следует говорить таких вещей, — ответил доктор. — Это один из наших лучших сотрудников. А впрочем, раз уж так, то почему ты сразу не скажешь, что и меня ты считаешь пьяницей?

Капеллан снова сел.

— Прошу меня простить, — сказал он, — но я не могу в это вмешиваться. Это дела небезопасные, и от них необходимо держаться в стороне. А впрочем, откуда у тебя уверенность, что это не чья-то мистификация?

— Чья? — спросил доктор. — Ты слышишь?

Внезапно зазвонил телефон. Доктор отчетливо слышал звонок.

— Не слышишь?

— Чего?

— Телефон звонит.

— Ничего не слышу, — раздраженно ответил капеллан. — Никакого звонка.

Доктор не ответил, а лишь прошел в кабинет и зажег свет. Затем взял трубку.

— Слушаю, — сказал он дрожащим голосом. — Кто говорит? Да, мистер Докинс здесь. Я постараюсь уговорить его, чтобы он захотел поговорить с тобой.

Он вернулся в комнату.

— Послушай, Докинс, — сказал он капеллану, — это душа, измученная страданием. Я заклинаю тебя, выслушай ее. Бога ради, пойд и послушай.

Мгновение капеллан колебался.

— Как хочешь, — сказал он.

Он поднял трубку и поднес ее к уху.

— Докинс слушает, — сказал он.

Подождал.

— Ничего не слышу, — произнес он в конце концов. — Ах, что-то отозвалось. Едва слышный шепот.

— Постарайся его услышать, постарайся! — воскликнул доктор.

Капеллан снова начал прислушиваться. Внезапно он нахмурил брови и положил трубку.

— Что-то... кто-то сказал: «Я убил ее, признаюсь. Прошу отпустить грех...» Это какой-то обман, дорогой мой Тисдейл. Кто-то, кто знает о твоих спиритических увлечениях, хочет сыграть с тобой весьма мрачную шутку. Я не могу в это поверить.

Доктор Тисдейл поднял трубку.

— Говорит доктор Тисдейл, — сказал он. — Не можешь ли ты дать мистеру Докинсу какой-нибудь знак, что это действительно ты?

И он снова положил трубку.

— Он сказал, что постарается, — заявил он. — Нам надо подождать.

И на этот раз была очень теплая ночь, и окно, выходящее на мощеный двор за домом, было открыто. Двое мужчин ждали, стоя в молчании, несколько минут, но ничего не произошло. В конце концов капеллан произнес:

— Мне кажется, что все это окончательно прояснилось.

Он еще не кончил говорить, как в комнату внезапно вторглась волна холодного воздуха, потревожив лежащие на столе бумаги. Доктор Тисдейл подошел к окну и закрыл его.

— Ты почувствовал? — спросил он.

— Да, порыв ветра. Начинает холодать.

В закрытой комнате во второй раз подул ветер.

— А теперь? — поинтересовался доктор.

Капеллан кивнул. У него отрывистыми толчками билось сердце.

— Упаси нас Господь от всякого зла и опасностей в эту ночь! — выкрикнул он.

— Что-то появляется! — воскликнул доктор.

Оно появилось, прежде чем он закончил

говорить. Посреди комнаты, на расстоянии менее трех ярдов от них, стояла фигура мужчины с головой, лежащей на одном плече, так что лица не было видно. Затем видение взяло собственную голову в ладони, подняло ее, словно посторонний предмет, и посмотрело прямо на них. Глаза были выпучены, язык вывалился наружу, на шее ясно выделялась темно-синяя черта. Что-то ударилось о пол, и явление исчезло. Но на полу, в том месте, где оно стояло, лежала новенькая веревка.

Мгновение они ничего друг другу не говорили. По лицу доктора лился пот, капеллан побелевшими губами шептал молитву. Затем доктор невероятным усилием воли заставил себя опомниться. Он указал на лежащую веревку.

— После казни ее нигде нельзя было найти, — сказал он.

В этот момент снова зазвонил телефон. На этот раз капеллану не требовалось никаких уговоров. Он сразу же подошел к аппарату, и тот прекратил звонить. Некоторое время капеллан слушал молча.

— Чарльз Линкворт, — сказал он в завершение, — перед лицом Бога, перед которым ты стоишь, скажи, правда ли ты раскаиваешься в своем грехе?

Последовал какой-то ответ, и капеллан за-

крыл глаза. Доктор Тисдейл стал на колени, слушая слова отпущения грехов.

Наконец снова воцарилась тишина.

— Я ничего уже не слышу, — сказал капеллан, отложив в сторону трубку.

Вскоре вошел служащий доктора с подносом, на котором стоял сифон и напитки. Доктор Тисдейл, не глядя, показал ему место, где появился дух.

— Паркер, пожалуйста, заберите эту веревку и сожгите ее, — велел он.

На мгновение воцарилось молчание.

— Извините, сэр, но тут нет никакой веревки, — произнес Паркер.

A decorative border surrounds the central text area. It consists of a repeating pattern of stylized skulls and leaves. The skulls are positioned at regular intervals along the top, bottom, and sides, connected by a vine-like structure with leaves. The entire border is rendered in a black and white, woodcut-style illustration.

Фрэнсис Кинг

КУКЛЯ

Он видел эту фотографию в трех витринах. Над фотографией вопрос: «Вы встречали когда-нибудь эту девочку?» — а внизу настоятельная просьба: «Если да, срочно сообщите!» Но кому хочется попасться за изучением подобных сообщений? Люди еще подумают, что ты каким-то образом замешан в этом деле. Поэтому каждый раз он лишь бросал быстрый взгляд, сопровождаемый странным движением, означавшим для его знакомых, что он смущен или в затруднении: сначала острым подбородком вниз к воротнику, а затем решительным движением вперед.

— Здравствуйте, мистер Рейнольдс!

— Здравствуйте, Юнис.

— Доброе утро, мистер Рейнольдс. Ветерок сегодня кусается, не так ли?

— Да, довольно холодно.

— Еще чего-нибудь, мистер Рейнольдс? У нас есть немного хорошего цикория.

— Моему господину не нужен цикорий.

Обычно Рейнольдсу нравилось перебраться парой слов, но сейчас это было ему в

тягость. Он хотел взглядеться в фотографию, но только так, чтобы этого никто не заметил.

— О мистер Рейнольдс!

Женщина, рекомендованная ему как отличная портниха для шитья покрывал и сдлавшая их наисквернейшим образом, преградила ему дорогу.

— Доброе утро!

Рейнольдс кивнул и попытался поскорее обойти ее.

— Я хотела бы объясниться. Насчет этих покрывал. Сомневаюсь, что надо было кроить ткань по диагонали. Сэр Малькольм, похоже, совсем ничего не понял. Вы бы послушали, что он говорил по телефону! Это все из-за диагонали. И потом этот причудливый цветочный узор, что он выбрал...

Рейнольдс с хозяйственными сумками в руках переминался с ноги на ногу, стараясь не глядеть во влажные бледно-голубые глаза на нервно дергающемся лице женщины и в мучительном нетерпении бросая взоры на прохожих.

— Он всегда в таком тоне разговаривает с женщинами? Должна сказать, он меня поразил. Не ожидаешь такого от человека с его воспитанием...

«Дура баба!»

Наконец Рейнольдс от нее избавился; и тут, когда он вошел в парк Сент-Энс-Уэл-

Гарденс, появилась еще одна громадная фотография. Рейнольдс торопливо бросил взгляд по сторонам, почти с чувственным вздохом отдался долговому созерцанию.

О, стыдно, очень стыдно было представить себе бедную малютку, лежащую где-то мертвой. Если она действительно мертва. Они, конечно, не были в этом уверены, на этот счет было только одно свидетельство — то, что они назвали «запачканным кровью предметом одежды». Что бы это могло быть? Скорее всего, бриджи. Ее мать узнала их вместе с этими комиксами, которые девочка таскала с собой в день исчезновения. Пожилая женщина с собакой нашла их на пляже; они сказали, что эта женщина — хозяйка магазина «Собачья каморка».

Стыдно, в самом деле стыдно было представить себе все случившееся с такой хорошенькой малышкой — у нее были прелестные длинные волосы, маленький вздернутый носик и веселая улыбка. Да, если бы она не была такой лакомой милашкой, никто бы ею не интересовался. Они сказали в газете, что, хотя ей двенадцать лет, умом она пятилетний ребенок. Однако по фотографии вы никогда бы не подумали, что она была нудной дурочкой. О нет, это лицо несомненно кажется очень умным.

Девочка была куклой, настоящей маленькой куклой. Но в куклах нет жизни, тогда как

фотография говорила точно: это была действительно живая, полная радости жизни малышка, с прелестной улыбкой и смеющимися глазами. Ах, она так любила веселье! Бедный ребенок, бедная малышка! Мир, конечно, отнюдь не чудеснейшее место, тем более для нее с этим ужасным испачканным кровью «предметом одежды», и кто знает, какие страшные муки ей пришлось испытать, прежде чем все закончилось.

Рейнольдс в глубоком раздумье склонил голову и даже забыл о двух тяжелых хозяйственных сумках, наполненных товарами из бакалеи, которых дожидалась миссис Эванс. Он не мог точно вспомнить, видел ли ее когда-нибудь среди других детей из той особой школы, и это казалось ему странным, поскольку у нее было такое лицо — доброе, доверчивое и хорошее, да, красивое: такие непременно вонзаются в память.

Возвращаясь домой через парк после утренних покупок, Рейнольдс разговаривал с некоторыми детьми, но никогда не видел никого похожего на нее, в этом он был уверен. О большинстве детей можно было сразу сказать, что у них что-то не так, стоило лишь на них посмотреть: все их черты казались странно сведенными к передней части лиц, да и сами черты были очень мелкими. Но черты этой бедной малышки были безупречными!

О да, Рейнольдс несомненно заметил бы ее, если бы она качалась на качелях вместе с другими детьми. Конечно, если только он понял, что девочка была одной из них, и не подумал, что перед ним обыкновенный ребенок, такие здесь тоже играли. Но нормальные дети обычно были намного меньше — когда тебе двенадцать, на качелях не качаются; и в любом случае, когда приходили дети из той, особой школы, другие дети обычно удалялись. Рейнольдс считал очень жестоким, когда матери здоровых детей начинали разворачивать свои детские коляски, покрикивая через плечо: «Пойдем, Фиона, нам пора!» или «Рекс! Рекс! Живей!»

Он часто приносил с собой конфеты, и дети помнили об этом — о, они могли быть достаточно смышленными, если хотели. Двое или трое сразу же узнавали сидящего на скамейке Рейнольдса и тотчас перебегали к нему, а следом и вся их толкающаяся, болтливая стая. Две присматривавшие за ними женщины продолжали вязание и болтовню. Однажды Рейнольдс попытался вовлечь няnek в разговор. Одна из них, крупная женщина, ответила. Но ни та ни другая не подняли глаз, и он сразу же понял, что женщины предпочитают общаться только друг с другом.

— Какая хорошенькая малышка!

Рейнольдс вздрогнул от звука каркающего голоса за спиной.

Это был старый мужчина в сопровождении ковылявшей на поводке седомордой сукой-лабрадором. Рейнольдс всегда старался его избегать.

— Потрясающе, — сказал старик и сглотнул. — И все-таки они отменяют смертную казнь. Мир окончательно сходит с ума.

Тем временем собака широко расставила задние лапы, и на ее морде и на всем теле разлилось и напряженно застыло выражение терпеливого страдания.

— Вчера вечером я дал ей парафина, — сказал старик. — Думал, это может, так сказать, принести ей облегчение.

Но Рейнольдс уже спешил прочь.

— Ну, вы, конечно, не торопились, — проворчала миссис Эванс.

Она грохнула рыбу на стол, словно хотела причинить ей боль, и снова заворчала:

— А если второй завтрак его светлости запоздает, то виновата буду я. «Полагаю, одна маленькая камбала могла бы удовлетворить аппетит больного человека, — передразнила хозяйина кухарка. При этом, как и во многих других случаях, чем меньше было похоже на “изящный” голос сэра Малькольма, тем гуще был яд, который не могла более носить в себе эта маленькая, опрятная женщина. — И не забудьте картофель со взбитыми сливками, хорошо, миссис Эванс?» Интересно, как могу я

готовить ему такую еду, если вы не приносите мне рыбу почти до двенадцати часов?!

Заканчивая свою речь, миссис Эванс взяла рыбину и принялась ее нюхать.

— Совсем свежая, — сказал Рейнольдс.

Кухарка опять понюхала с недоверчивым выражением на желтоватом лице.

— В прекрасном же хозяйин сегодня настроении, — сказала она. — В одном из своих лучших.

— Почему? Что-нибудь случилось?

— Если он кому и скажет, то это будете вы, не так ли? — ответила миссис Эванс. — Я не тот человек, кто внушает ему хоть малейшее доверие.

И она стала отгонять Рейнольдса от холодильника, слегка похлопывая его внешней стороной руки по ребрам.

— К нему заходили двое, — болтала кухарка.

— Двое? Кто такие?

— Полиция. Так они сказали. По-моему, не похожи.

— Полиция?

— Один из них был явный неряха. Действительно, совсем мальчишка. Они просидели у него довольно долго. Ага, знаю! Он расстроился из-за того, что опять вздрогнул от шума радио из соседней двери. Сразу же, как только они от него ушли. Ведь не ночью же включили радио. Было не поздно.

— Что могло бы понадобиться здесь полиции?

— Ваши догадки стоят столько же, сколько и мои.

Вдруг (Рейнольдс не понял почему) он вспомнил фотографию той бедной малышки с хорошеньким кукольным личиком, голубыми глазами и длинными шелковистыми волосами. Возможно, они проверяют дом за домом, как это уже однажды делали, когда была убита женщина в безалкогольном ресторане в Лэнсе. Двое таких вежливых мужчин, у них это называлось «вполне обычная проверка».

Это случилось вечером, когда Рейнольдс был в гостях, так что ему было нетрудно представить им алиби. Но странное дело, при всей их учтивости и при всей надежности этого алиби полицейские заставили его почувствовать себя утаивающим что-то важное и даже в чем-то виноватым. Вплоть до того, что, когда Рейнольдс говорил с ними, он чувствовал, как его лицо начинало краснеть, а руки дрожать, и слова выходили из губ с засушенной и вымученной тщательностью, какая бывает у человека, нервно повторяющего выученный наизусть урок.

— Наверняка что-то случилось с машиной. Миссис Эванс пожала плечами.

— Или, быть может, он жаловался полиции насчет этого радио.

На этот раз миссис Эванс вообще не ответила, так как она все еще очищала яблоки от кожи и косточек.

— Что за бестолковая работа! — наконец проворчала она себе под нос.

Сэр Малькольм за весь день ни разу не вспомнил о визите полицейских и Рейнольдс предпочел его не спрашивать.

— О Господи! О Господи! О Господи! — воскликнул он, когда Рейнольдс осторожно разгрузил поднос с завтраком. — Вижу, наша славная миссис Эванс опять залезла в замороженные смеси.

— Сэр?

— Эти бобы выглядят совсем измученными.

— Сегодня в магазинах не было свежих бобов, сэр.

— Да, но хоть что-то свежее должно было быть. Как насчет цикория?

— Я подумал, вы сказали, что не любите...

— Я ничего не имею против цикория. Со всем ничего. Только в меру.

Внезапно сэр Малькольм бросил на Рейнольдса один из своих пронзительных взглядов, неожиданно вспыхивающих под слегка морщинистыми бледно-серыми веками.

— С вами все в порядке, Рейнольдс?

— Все прекрасно, сэр.

— У вас трясутся руки.

Рейнольдс как раз вытянул из кольца сал-

фетку сэра Малькольма и резким движением развернул ее.

— Мои руки, сэр?

— Вы выглядите, как будто вас что-то расстроило.

— О нет, сэр. Совсем нет.

Сэр Малькольм наколот кусочек яблока на кончик своей вилки и рассмотрел его со всех сторон. Затем он отправил яблоко в рот и, посасывая, сказал:

— Хорошо, Рейнольдс.

И только когда Рейнольдс, готовя сэра Малькольма ко сну, подал поднос с бокалом воды и двумя таблетками снотворного, старик наконец заговорил о визите.

Проглотив сначала одну, а затем другую таблетку, он по обыкновению погладил себе горло правой парализованной кистью, вероятно, чтобы помочь таблеткам проскользнуть в желудок, и лишь затем сказал:

— Ах да, меня расспрашивали сегодня о вас, Рейнольдс.

— Расспрашивали, сэр?

— Да, расспрашивали. — Старик помолчал, как бы испытывая злое желание продлить беспокойство слуги. — Полицейское расследование.

— Полицейское расследование, сэр?

Рейнольдс почувствовал, что его руки, державшие поднос, вновь задрожали, и уже

знал, что сэр Малькольм опять сделает ему замечание, это только дело времени.

— Не нужно тревожиться. Речь шла об этом... э-э... грязном деле с пропавшей девочкой. Как родители разрешили ей пойти с совершенно незнакомым человеком или с незнакомыми людьми, полностью за пределами моего понимания. Это было бы довольно странно, если бы она была обычной девочкой, но в случае с психически ненормальным ребенком, — кажется, наши друзья употребили слово «неполноценный» — да, такая безответственность уже просто преступна! Вы не находите?

— Да, конечно.

— И не смотрите так озабоченно! Я... э-э... снял вас с крючка. Могу вас в этом уверить. К счастью, мне нужно было лишь заглянуть в дневник, чтобы убедить их, что в интересовавшие их дни — два или три? — вы были со мной в Лондоне. Когда я проходил это проклятое обследование в лондонской клинике. Помните? О, вам нечего бояться, мой дорогой Рейнольдс. Разумеется, я соврал бы ради вас, если бы возникла такая необходимость. В конце концов, в наше время нелегко найти хорошего слугу. Но на самом деле никакая ложь и не потребовалась.

— Но почему... почему они выбрали меня.

— Конечно, вы можете это спросить. Как

они выразились, потому что не могут оставить неисследованной ни одну версию. Или не могут не заглянуть во все углы? Я забыл. Во всяком случае, похоже, что какой-то хлопотун позвонил им и намекнул, что они могли бы... э-э... поподробнее изучить вас.

Ужас охватил Рейнольдса.

— Но кому такое могло прийти в голову?

— О, полагаю, кому-то из тех, кто жаждет быть патриотом. Я так ненавижу дух патриотизма, а вы? — Сэр Малькольм повернулся, чтобы подбить подушки, на которые он опирался. — Видите ли, кажется, эта девочка — Вероника, Валерия, Вивьен или как там ее — упоминала среди своих друзей некоего господина средних лет, известного ее родителям только по имени Рэй.

— Рэй!

— Да, Рэй. Не нравится мне это имя. Вас, к примеру, я никогда не смог бы назвать Рэем. Но позвонивший аноним намекнул, что Рэй — это, возможно, уменьшительно от Рейнольдс.

— Но это же все сплетни и чистая клевета!

— Не надо так волноваться. Я же сказал вам, что сразу снял вас... э-э... с крючка. Полиция сообщила мне — и вынужден сказать, что кое-что мне не было известно, — что вам частенько доводилось сидеть в парке Сент-Энс-Уэл-Гарденс и разговаривать с детьми из той самой школы, в которую ходила эта несча-

стная маленькая Вера или Виолетта, или как там ее. Нет, нет, — сэр Малькольм поднял руку с багряными венами — Рейнольдс уже почти открыл рот для объяснений. — Я считаю, что такой интерес к несчастным говорит только в вашу пользу. Целиком и полностью. Я и сказал это нашим джентльменам.

— Благодарю вас, сэр.

— Нет, совершенно очевидно, что вы не могли быть этим Рзем. И поэтому... — Сэр Малькольм, улыбаясь, далеко откинулся на подушки. — ... Поэтому маловероятно, что вас вызовут для опознания! — Он подтянул простыню к своему острому подбородку и спросил: — А вы знаете, как этот Рэй познакомился с девочкой Викторией?

— Понятия не имею, сэр.

— Конечно, откуда вам знать. Хотите — верьте, хотите — нет, но он просто подошел к ее родителям, сказал: «Какая у вас хорошенькая малышка», — и вызвался сводить ее к Аквариуму. Вы только подумайте!

— Невероятно, сэр!

— Вот именно, невероятно. — Морщинистые веки сэра Малькольма затрепетали и опустились. — А теперь я должен спать. Не беспокойтесь, Рейнольдс. Я вовсе не собираюсь лишаться вас. Вы слишком ценны для меня.

— Спасибо, сэр.

Миссис Эванс была еще на кухне, хотя уже

давно миновал тот час, когда она обычно уходила домой. Когда Рейнольдс вошел с подносом, она потянулась за своим вышитым поло-сатым беретом и стала натягивать его на коротко остриженные седые локоны.

— Наш господин и хозяин лег спать?

Рейнольдс кивнул.

— Он что-нибудь сказал о посетителях?

— О каких посетителях?

— О тех, что приходили сегодня утром. Так называемых следователей.

Вдруг Рейнольдсу пришло в голову, что, возможно, это миссис Эванс позвонила в полицию. Он знал, что кухарка его не любила.

— А, об этих...

— Да. Он о них что-нибудь рассказал?

Рейнольдс молча покачал головой.

— Быть может, он скажет вам завтра.

— Быть может.

— Он все вам рассказывает. Рано или поздно. Ведь так?

Сэр Малькольм ничего не рассказывал миссис Эванс, и это приводило ее в ярость. Рейнольдс промолчал, но кухарка не успокоилась:

— Да, вы об этом узнаете довольно скоро.

В ее голосе было что-то не только мстительное, как это столь часто бывало в прошлом, но даже зловеще-угрожающее. Или Рейнольдсу это показалось? Он пристально

посмотрел на кухарку, его глаза широко раскрылись, а руки дрожали, и он стиснул их на животе, как при внезапном брюшном спазме. Тем временем миссис Эванс придала берету последний штрих, громко попрощалась: «Пока на сегодня», — и нырнула в темноту.

Рейнольдс лежал в постели, пытаясь вспомнить, когда сэр Малькольм и он ездили в Лондон. У него была плохая память на такого рода вещи. Да, его память никогда не была хорошей, она всегда причиняла ему беспокойство. Он мог помнить длинный список того, что надо было купить, или все предметы, сданные на неделе в прачечную, но целые связки событий имели свойство незаметно ускользать из его памяти. Однажды, когда Рейнольдс пожаловался миссис Эванс на причуды памяти, она пригвоздила его своим гневно-насмешливым оценивающим взглядом и заметила:

— О, вы всегда можете вспомнить, что вас устраивает.

— Что вы имеете в виду, миссис Эванс, — раздраженно спросил Рейнольдс.

— О, я не имею в виду лично вас. Я говорю в общем смысле. Люди. Любой человек.

Если сэр Малькольм сказал, что они были в то время в Лондоне, значит, они и должны были там быть. Сэр Малькольм никогда не забывал каждый вечер заполнять свой дневник, как бы плохо он себя ни чувствовал. Но было

что-то подозрительное в том, как он сказал о «крючке» и своей готовности соврать ради него. Как будто он вел с Рейнольдсом игру. И в самом деле, сэр Малькольм никогда не лгал; за все двадцать два года с ним Рейнольдс ни разу не видел его говорящим неправду о чем бы то ни было. Но не проскользнул ли в данном случае какой-то смутный намек на тайный сговор между ними?

Рейнольдс перевернулся на спину и, подложив под голову худые руки, уставился в темный потолок. Он надеялся, что это не будет еще один приступ бессонницы, подобный тому, что случился, когда миссис Эванс только пришла к ним работать и Рейнольдсу показалось, что сэр Малькольм подчеркивал свое расположение к ней, хотя та была новенькой. У Рейнольдса были таблетки, но, выпив одну, весь следующий день он ощущал головокружение и пустоту в голове.

И все-таки Рейнольдс узнает, не встречался ли он когда-либо с этой бедняжкой. Не так ли? Ведь наверняка? Это не того рода вещь, что можно забыть. Правда, он не мог вспомнить как следует смерть своей матери или Айрис, погибшей при воздушном налете. Но мать умерла, когда Рейнольдсу было только шесть; а в случае с Айрис он сам оказался наполовину погребенным под кирпичной кладкой рядом, так что в этом не было ничего особенно уди-

вительного. Потрясение может вытворять с памятью самые жуткие штуки, это хорошо известно.

Такая прелестная малышка, похожая на куклу, с голубыми глазами (да, он уверен, что они должны были быть голубыми), с такими длинными шелковистыми волосами и с таким нежным вздернутым носиком. Кто захотел бы причинить ей боль? Уж, конечно, не он. Она была именно такой девочкой, какую он хотел бы иметь для себя, — именно такой девочкой, какой могла быть Айрис, когда она была маленькой, или какая могла бы быть у нее.

И если бы Рейнольдс встретил ее, все, что ему захотелось бы сделать, — это погладить ее по голове и поговорить с ней, посадить ее к себе на колени, купить ей какие-нибудь сладости. Ужасно было подумать об этих закрывшихся навсегда голубых глазах и об этих пухлых ручках и ножках, раскинувшихся на уединенном участке пляжа, о песке в ее волосах и о песке в ее прелестном ротике...

И тут вдруг Рейнольдс вспомнил куклу, и все его тело напряглось как при внезапном спазме. Он забыл куклу, он не думал о ней ни разу в течение целых сорока лет. Мимси часто ругала его из-за нее...

— Такой большой мальчик, как ты, и что-бы таскался с куклой! Постыдился бы.

Мимси — это было имя, которое он ей

придумал, потому что не мог убедить себя называть ее Мама, что бы ни говорил отец. Ему было тогда семь. Мама, его настоящая Мама, подарила ему на Рождество куклу, и у этой куклы как раз были такие прелестные льняные волосы и голубые глаза, которые открывались и закрывались, и сливочно-персиковый цвет лица. Маленький Рейнольдс таскал ее повсюду с собой и даже волочил ее одной рукой сквозь сырые сорняки, заполонившие сад, так что изящная юбочка с оборками промокала насквозь, а ноги куклы были исцарапаны колючим кустарником и искусаны крапивой, совсем как и его собственные.

— Я отдам ее мусорщикам, когда они придут в следующий раз, — угрожала Мимси. — Вот увидишь.

Вот тогда Рейнольдс и схоронил куклу. Все его тело дрожало, а из горла вырывались рыдания, когда он начал разгребать гниющую листву под буком, а затем ожесточенно копать, копать и копать лопаткой, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы.

— Мир праху твоему, — пробормотал он, вспомнив слова на похоронах Мама, а затем бросил первую горсть земли на изящную бледно-голубую юбочку с оборками, и на закрытые глаза, и на рот, похожий на бутон розы.

Когда все было кончено, мальчик почувствовал необычайную веселость. Быстро добе-

жав до дома, он ворвался в тесную гостиную с такой неистовостью, что все в комнате затряслось, а красившая ногти Мимси оторвалась от своего занятия, чтобы призвать его к спокойствию.

Рейнольдс давно забыл о кукле; да, это было странно — он совершенно забыл о ней, как если бы она никогда не существовала.

Но однажды, когда папа и Мимси уехали на целый день в Колчестер, оставив его дома совсем одного, мальчик, безутешный и скупающий, забрел в подлесок, что находился внизу узкой полоски сада. Внезапно охваченный странной смесью ужаса и возбуждения, он вспомнил, что кукла лежит где-то здесь, недалеко от его ног, и, наклонившись, начал разрывать землю голыми руками, ломая ногти и забивая их грязью и плесенью.

Наконец он ее нашел. Ее изящная одежда вся сгнила, а лохмотья, ресницы, рот и тонкие ноздри были заполнены грязью. Рейнольдс примчался в дом и опустил ее в теплую мыльную воду в раковине на кухне. Затем он принялся нежно ее мыть, скользя кистями по ее гладким рукам, ногам и телу, пока понемногу кукла не вернулась к жизни.

Одежду, конечно, пришлось сменить; мальчик укутал куклу в свою старую нижнюю рубашку, которую Мимси засунула в коробку от ботинок, чтобы надлежаще использовать.

После этого она часто для него умирала,

бывала похоронена и вновь возвращена к жизни. Папа и Мимси ничего об этом не знали, это была тайна. Постепенно от долгого пребывания в земле и чисток в раковине волосы у куклы стали выпадать, шелковые ресницы, а затем и сами глаза разлагались, пальцы рук и ног крошились. Все эти изменения Рейнольдс наблюдал с любопытством фаталиста, временами пронзаемый резкими приступами печали, пока не наступил день, когда он понял, что эти похороны будут последними и что никогда больше он не потревожит ее могилу из листьев и земли.

«Но как странно, — подумал Рейнольдс, — что между каждой ее смертью и воскресением я совершенно о ней забывал!»

Воспоминание о ней произвольно стиралось из его разума, пока столь же произвольно не вспыхивало, заставляя его страстно ждать первого же случая, когда можно было бы выкопать ее снова.

Рейнольдс присел в кровати, стиснув костлявые колени такими же костлявыми руками. Если он мог так легко забывать о кукле, то разве не мог бы он забыть и о той, другой? Возможно, что в случае с этой бедной малышкой, как и в случае с куклой, его спящие воспоминания однажды, быть может скоро, пробудятся, чтобы по-змеиному незаметно про-

скользнуть в его разум. Мог ли он ее знать? Мог ли он сотворить такое?

Рейнольдс соскочил с кровати и нащупал в выдвижном ящике стола пузырек с таблетками снотворного. Он положил одну таблетку на язык, а затем, уже чувствуя ее горечь, — другую и третью. Ему хотелось как можно скорее избавиться от этого страха.

— Вы наполовину спите, дружище! Что с вами случилось?

— Извините, сэр.

Рейнольдс неловко вставлял лезвие в бритву.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Превосходно, благодарю вас, сэр.

— Вы бледны. И я не удивлюсь, если у вас на правом глазу выскочит ячмень. Надеюсь, вы ничем не больны. Это была бы веселенькая история.

Средних лет женщина сидела на качелях и вскрикивала каждый раз, когда они взлетали все выше и выше. Женщина была одета в бесформенный непромокаемый плащ с поясом и в такую же матросскую шапочку-зюйдвестку. Рейнольдс наблюдал за ней, наклонившись вперед на скамейке и прислонив две груженные хозяйственные сумки к ногам.

Может быть, женщине на самом деле и не было столько лет; многие из них выглядят старше, некоторым, кому только шестнадцать или семнадцать, можно по ошибке дать три-

дцать или сорок.

...В тот день пополудни Рейнольдс, возможно, сидел здесь, как сейчас, а девочка медленно и мечтательно отделилась от группы детей, игравших в кустах в свои нескончаемые и бессмысленные игры, и направилась в его сторону. Возможно, он улыбнулся ей, порылся в кармане и достал конфетку. Так он обычно вел себя с детьми — так задабривают возбудимую собаку, чтобы подманить ее поближе.

Девочка могла подойти бочком и раскрыть ладошку, и тогда он улыбнулся бы ей поощряюще, и она улыбнулась бы ему в ответ.

— Как тебя зовут, девочка?

— Вивьен.

— Какое красивое имя.

Тогда одна из присматривавших за детьми женщин, возможно, окликнула ее, глядя поверх постукивавших спиц, и Вивьен, прошептав: «Спасибо», — отошла бы прочь.

Но он опять увидел ее. Рейнольдс как раз прогуливался вдоль пристани, это было на самом деле, а не могло быть, а девочка шла, держась за руки, между двумя взрослыми. Была суббота, когда детям разрешалось покидать школу в сопровождении родителей. Двое взрослых и похожий на куклу ребенок остановились посмотреть на рыбаков, и Рейнольдс тоже остановился позади них. Они повернулись, и он, таинственным образом осмелев, увидел себя говорящим:

— Какая у вас хорошенькая малышка!

Конечно, она его не узнала, и Рейнольдс не стал открываться, что встречал ее прежде.

— Да, — улыбнулась мать, потеревив толстой рукой ее шелковисто-мягкие волосы. — Но мы не должны ей об этом говорить, иначе сделаем ее тщеславной.

Мать носила такие толстые очки, что ее глаза за ними торчали как сваренные вкрутую яйца. Голос был воркующим и деланно-светским.

Все было так просто: казалось, они хотели, чтобы Рейнольдс забрал у них Вивьен.

— Ты не хотела бы посмотреть Аквариум со своим дядей Рэем? — спросил он после нескольких минут бессмысленного разговора.

— Да, тебе бы это понравилось, дорогая!

— Конечно! — присоединился к разговору отец, сосавший свою трубку. — Сходи со своим дядей Рэем.

Рейнольдс долго и бесполезно мучился позывами рвоты в пахнувшей аммиаком уборной в одном из углов парка. Наконец он прижал ледяной лоб к такому же ледяному кафелю. Да, так оно и было! Именно так!

Он вспомнил, как вывел машину из гаража, стащив ключ с кольца сэра Малькольма, когда тот прошаркал из спальни в туалет, и отвез бедную дорогую малышку к тому отдаленному участку пляжа, положив сзади пластиковый

коврик, термос и пляжный мяч. Рейнольдс ничего не собирался делать, конечно же нет! Но пронзительные крики и визг, громкое эхо чаек, круживших над их раскинувшимися телами, вид крови и царапина, которой она его украсила с внутренней стороны бедра, — разве возможно, чтобы кто-нибудь сохранил при этом холодную голову?

Бедная куколка, бедная разбитая маленькая куколка! Он быстро и, конечно, нежно-нежно спрятал ее в машину, набросил на нее пластиковый коврик и поехал назад через узкое ущелье в Даунс, где голубое небо, такое же бледное и спокойное, как голубизна тех дорогих глаз. Рейнольдс будет вынужден похоронить ее тайно где-то под деревом; и позднее, когда никто не будет знать, что он опять появился здесь, он вернется и найдет ее еще раз. Да, вот что он сделает. Так и было.

У листьев был странный сладковатый запах, совсем как у разлагавшейся листвы на земле того узкого сада. Так же закрылись глаза, так же лежали на земляной постели шелковисто-мягкие волосы. Изящная юбка жестко топорщилась; на ней, как струп на ране, виделось пятно крови.

— Я вернусь за тобой, — прошептал он. — Я вернусь.

Он поцеловал фарфоровый лоб, запустив пальцы в ее волосы.

— Я вернусь, моя дорогая!

— Ну конечно, уж я-то узнаю! — крикнул Рейнольдс им в раздражении.

Но они покачали головой и опять переглянулись с весельем, досадой и жалостью. И так они встречали каждое новое его заявление о своей вине.

— Где он живет, — спросил один из них.

— Нам следовало бы позвонить куда-то, чтобы его забрали.

— Может, лучше всего в «скорую помощь»?

— Послушай, старина, мы точно знаем, что это не мог быть ты. По всем возможным причинам. Поэтому хватит пудрить нам мозги, а?

— Где он живет?

— Да кто он такой, этот малый?

— Послушай, старина, лучше бы тебе все это отрезать и забыть.

— Живет же он где-то? Да избавьте меня от него.

Много понадобилось времени, терпения и настойчивости в споре, чтобы убедить их, что он может показать место в Даунсе, где похоронил девочку. Он видел отсюда это место прямо перед собой, даже когда смотрел в их красные тупые лица и кричал:

— Позвольте мне показать вам! Только позвольте показать!

Он видел приступок, через который с таким трудом перенес ее в темноту, и освещенную луной тропинку, огромную серебристую змею, скользившую прочь, а затем три дерева с переплетенными ветвями, которые при каждом дуновении ветра странно постукивали друг о друга. Пластиковый коврик казался удивительно теплым, как будто был живой кожей того, что лежало под ним. Но, конечно, это было игрой его воображения, потому что, когда он его развернул, жертва была холодна, как кукла.

Ясным февральским солнечным днем Рейнольдс безошибочно показал им дорогу, — снующая взад и вперед фигура со склоненными плечами и удивительно легкой походкой среди серых мужчин с лопатами и заступами, которых сопровождали оператор и еще один человек с треногой и лампами.

Они по-прежнему ему не верили, Рейнольдс это видел. Для них это было всего лишь «не оставить ни одну дорожку неизученной, заглянуть во все углы».

— Здесь! — указал он.

Опять они обменялись этими взглядами, в которых были перемешаны веселье, досада и жалость.

— Хорошо, ребята. За работу!

Они копали, не зная, что найдут. Но Рей-

нольдс знал, о, он очень хорошо знал. Здесь будет она, в изящном платьице, совершенно сыром и сгнившем, с грязью в красивых шелковисто-мягких светлых волосах, в ноздрах и во рту. Но ее надо лишь немного помыть, вымыть нежно-нежно, и розовое фарфоровое тело опять проглянет под юбкой с оборками, и глаза со щелчком откроются, и появится прелестная, обаятельная улыбочка.

— Как он узнал? — спрашивали они его снова и снова.

И тогда он кричал:

— Потому что это я ее сюда запрятал, вы, придурки!

Они пожимали плечами, или раздраженно смотрели, или спрашивали его, все ли у него в порядке с головой.

— Как он узнал? — спрашивали они впоследствии этого прихрамывавшего водителя автобуса, пожилого отца троих детей и члена баптистской Церкви, когда в конце концов его поймали.

Нет, он никогда в жизни не встречал Рейнольдса; насколько ему известно, Рейнольдс не преследовал его в тот роковой зимний вечер; нет, конечно, они не сообщники — он всегда проворачивал такие дела в одиночестве.

— Но как вы узнали? — будет часто спра-

шивать Рейнольдса сэр Малькольм еще месяцы и годы спустя.

Но Рейнольдс не мог ему ответить; он сам не знал, как узнал.

A decorative border surrounds the central text area. It features a repeating pattern of stylized skulls and floral motifs. The skulls are positioned at regular intervals along the top, bottom, and sides, connected by a vine-like structure with leaves and small flowers.

Роберт Р.Маккоммон

**ЧЕРНОЕ
НА
ЖЕЛТОМ**

— Ты только глянь, Мейзи, там тачка, — сказал стоявший у окна мальчик. — Легковая. Шурует как наскипидаренная.

— Откуда в такое время легковая? — откликнулся Мейзи из глубины бензозаправочной станции. — Туристы в такое время тут не ездят.

— А вот и ездят! Иди глянь! Я ведь вижу — на дороге туча пыли.

Мейзи издал губами мерзкий звук и остался на месте, в старом плетеном кресле, о котором мисс Нэнси сказала, что нипочем в него не сядет, — не хватало еще задницу пачкать. Мальчик знал, что Мейзи вроде как клеится к мисс Нэнси и всегда приглашает ее заглянуть на стаканчик холодной кока-колы, но у мисс Нэнси есть дружок в Уикроуссе, так что ничего не получалось. Иногда мальчику становилось даже немного жаль Мейзи, так как деревенские мужики не особенно любили с ним водиться. Это, скорее всего, оттого, что Мейзи, напившись, всегда кривится, а осердив-

шись, становился занудливым и злобным, а пил он всегда, особенно субботними вечерами. К тому же от него чересчур несло машинным маслом и бензином, а спецовка и кепка вечно были грязными от пятен.

— Иди, иди, глянь, Мейзи! — настаивал мальчик, но тот потряс головой и не двинулся с места — он смотрел по маленькому портативному телевизору бейсбольный матч с участием «Зверь-Парней».

Но, что ни говори, а машина все-таки была; за ней тянулось облако пыли. Впрочем, мальчик увидел, что ее нельзя было назвать «легковой» в полном смысле слова — по проселочной дороге ехал фургон с боками, отделанными деревом.

До знакомства с проселочной дорогой он был белым, но теперь весь порыжел от глины, его ветровое стекло было заляпано мертвыми насекомыми. Нет ли среди них ос, подумал мальчик. Ведь на дворе осиный сезон, подумалось ему, потому они теперь просто повсюду.

— Они тормозят, Мейзи, — сказал мальчик. — Небось сюда хотят заехать. Батюшки мои! — изумился мальчик и стукнул себя кулачком по колену. — Да там аж целых три человека!

— Выйди посмотри, чего им надо, слышь? — отозвался Мейзи.

— Ладно, — кивнул мальчик и устремился к двери, затянутой сеткой от насекомых, но Мейзи буркнул ему вдогонку:

— Все, чего мы им можем продать, это дорожную карту! А то заплутают в этой чащобе! И кстати, Тоби, скажи им, что бензовоза до завтра не будет!

Раздвижная дверь с треском захлопнулась, и Тоби выбежал в душную июльскую жару как раз в тот момент, когда фургон подъехал к насосам.

— Слава Богу, тут есть люди! — обрадовалась Шейла Эмерсон, увидев появившегося на пороге мальчика, и с облегчением перевела дух — последние миль пять, с тех пор как они миновали дорожный указатель, направивший их в поселок Кейпшоу, штат Джорджия, она ехала затаив дыхание. Древняя как мир заправочная станция, с заросшей травой крышей и выгоревшим до желтизны под летним солнцем кирпичом, показалась ей сказочным дворцом во многом по той причине, что в баке «фордовояджера» было чересчур просторно, чтобы чувствовать себя спокойно. Чуть ли не до умопомешательства Шейлу довела малютка Триш, в среднем каждую минуту сообщавшая: «Стрелка на нуле, мам!», а маленький Джо время от времени тоном прокурора произно-

сил: «Надо было подъехать к какому-нибудь мотелю», из-за чего она чувствовала себя просто детоубийцей.

Джо, сидевший на заднем сиденье с «Волшебной четверкой», отложил свой комикс.

— Дай-то Бог, чтобы тут был туалет, — сказал он. — Если в ближайшие минут пять я не отолю, то помру героической смертью.

— Спасибо за предостережение, — ответила Шейла, тормозя возле пыльных колонок и выключив мотор. — В атаку, дети мои, за мной!

Джо открыл дверцу со своей стороны и выбрался из машины, стараясь сделать это так, чтобы не слишком тревожить мочевого пузыря. Этот тощий человечек, двенадцати лет от роду, с шинами на зубах, однако, был настолько же умен, насколько неуклюж и застенчив, и (по его соображениям) в один прекрасный день Господь Бог непременно должен был предоставить ему лучшие шансы на успех слабого пола, хотя в данный период все его внимание поглощали компьютерные игры и комиксы с суперменами.

Он побежал к туалету и по пути чуть не столкнулся с мальчиком с ярко-рыжими волосами.

— Привет, — сказал Тоби с ухмылкой, увидев его. — Чем я могу вам помочь?

— Мне бы в туалет, — пояснил Джо.

Тоби указал пальцем куда-то за спину, здание заправочной станции. Джо рысью сорвался с места, и Тоби прокричал ему вслед:

— Правда, там не шибко чисто. Пардон, сэр!

Но это соображение совершенно не тревожило Джо Эмерсона, стремившегося поскорее и попасть туда, где из густого кустарника выглядывали сорняки и колючки. Там была только одна дверь без ручки, но, к счастью, незапертая, и Джо вошел.

Шейла опустила окно машины.

— Вы нас заправите? Сойдет неэтилированный?

Тоби только усмехался, глядя на нее. Ничего себе фифочка, симпатная — может, постарше мисс Нэнси, но не слишком старая; волосы курчавые, темно-русые, лицо с высокими скулами, глаза решительные, серые. Рядом с нею на сиденье притулилась маленькая девочка лет шести или семи, тоже светленькая.

— А вот знаете, бензина-то у нас и нету, — сокрушенно поведал Тоби. — Ну ни капельки.

— Ах! — Шейле снова почудилось, что желудок ее свело судорогой. — Как же так?! Неужели совсем нет? Ну... а есть тут поблизости другая бензоколонка?

— Да, мэм. — Тоби указал в том направлении, куда смотрел капот «вояджера». — Милых в восемнадцать или двадцати отсюда Холлидэй. У них точно должен быть. Там классная бензоколонка.

— У нас стрелка на нуле! — сказала Триш.

— Тсс, милая. — Шейла коснулась руки девчурки.

Мальчик с коротко подстриженными рыжими волосами продолжал улыбаться, ожидая, когда Шейла снова заговорит. Сквозь дверь здания станции, затянутой сеткой от насекомых, Шейле был слышен рев толпы в телевизоре.

— Держу пари, они получили пробежку, — сказал мальчик. — «Зверь-Парни». Мейзи смотрит игру.

«Восемнадцать или двадцать миль! — с ужасом думала Шейла. — Разве нам хватит бензина на такое расстояние?» И тут же винила себя — в таком состоянии они ни за что не должны были выезжать на проселок. Солнце с безумно-голубого неба светило знойно и ярко, а сосновый бор, казалось, тянулся до самого конца мира. Она обругала себя за то, что утром не остановилась возле мотеля на шоссе — там была бензозаправка «Шелл» и кафе. Но Шейла торопилась добраться до Сен-Саймонс-Айленд. Несколько дней тому назад ее муж

Рэй, юрист, улетел в Брунsvик на деловую встречу. Вчера утром Шейла с детьми покинула Атланту, чтобы навестить своих родителей в Уолдосте, а потом, махнув через Уэйкросс, встретиться с Рэем и вместе отдохнуть. «Держись главного шоссе, — предупреждал ее Рэй. — Съедешь с шоссе — и можешь сразу же заблудиться в этой безлюдной глухомани». Но Шейла считала, что знает родной штат, особенно места, где выросла, и не стала терять время на заправку, решив, что можно заправиться позже, в дороге.

Когда (сто лет тому назад) асфальт кончился и шоссе превратилось в проселочную дорогу, она чуть было не остановилась, чтобы развернуться, но... Вдруг она увидела знак, указывавший дорогу в Кейпшоу, и поехала дальше, надеясь на свою везучесть.

Но, черт побери, если это было показателем той самой «везучести», то влипли они капитально.

В маленькой загаженной кабинке туалета Джо изведal, что счастье действительно находится под мочевым пузырем и имя его «С-с-с-с-с-с-с»...

Туалет действительно трудно было назвать чистым; повсюду валялись сухие листья и сосновые иголки, единственное окошко было

разбито, но Джо, прижми его нужда настоящему, пошел бы и в деревянный нужник. Да и воду в унитаза давно не спускали, так что запашок был не приведи Бог. Сквозь тощатую стенку было слышно рев работающего телевизора: треск биты и рев толпы.

Неожиданно послышался какой-то новый звук, который он сперва не мог определить.

Тихое, басовитое гудение. Что-то где-то гудит, безмятежно подумал мальчик, испуская янтарный ручей, и поглядел наверх. От увиденного его рука вдруг судорожно сжала ручей.

Под потолком туалета над самой его головой кишмя кишели осы. Их были сотни... А может быть, и тысячи... Их маленькие крылатые черно-желто-полосатые туловища с крохотными острыми жалами ползали друг по другу, издавая странное монотонное жужжание, звучавшее, точно приглушенный, очень далекий — и очень опасный! — ропот.

Воспрепятствовать ручью никак не удавалось. Моча продолжала струиться. Джо округлившимися глазами уставился в потолок и увидел, как тридцать, а может, и сорок ос поднялись в воздух, с любопытством прожужжали у него под самым ухом и улетели через выбитое окно. Несколько насекомых — не то десять, не то пятнадцать, прикинул мальчик, —

подлетели, желая разглядеть его поближе. Когда они загудели у лица мальчика, он услышал, как их басовитое жужжание, сменив тон, становится выше и энергичнее, будто осы поняли, что рядом незваный гость. От осознания этого у него мороз прошел по коже.

А с потолка взлетали и опускались на него все новые и новые осы. Мальчик ощущал, как они ползают у него в волосах, как одна приземлилась на краешек правого уха. Его тянуло вылететь наружу, но ручей ни за что не желал иссякать: Джо понимал, что кричать и звать на помощь нельзя, никак нельзя, поскольку любой шум в этой тесной кабинке может повергнуть весь рой в безжалостную жалящую ярость.

Одна оса села ему на левую щеку и направилась к носу. С десятков ползали по пропитанной потом футболке с изображением Кона-на-варвара. А потом Джо почувствовал, как осы садятся на костяшки пальцев и — да! — даже на писюльку...

Какая-то оса сунулась в левую ноздрю, и мальчик подавил желание чихнуть — над его головой, дожидаясь какого-то сигнала, висело темное гудящее облако...

— Ну, — сказала Шейла рыжему мальчишке, — по-моему, выбор у нас невелик, верно?

— Но мы на нуле, мама! — напомнила ей девочка.

— Неужто почти пустые? — сочувствующе осведомился Тоби.

— Боюсь, что так. Мы едем в Сен-Саймонс-Айленд.

— Да, далековато будет.

Тоби посмотрел направо, туда, где стоял потрепанный старый грузовик-пикап. С зеркала заднего вида свисал красный игровой кубик. — Вон там грузовик Мейзи. Может, он съездит для вас в Холлидэй, добудет бензина.

— Мейзи? А кто это такой?

— Ну... вроде как хозяин бензоколонки. Он тут старожил. Хотите, спрошу, съездит он или нет?

— Не знаю... Может, мы и сами доберемся туда?..

Тоби пожал плечами и улыбнулся.

— Может, доберетесь, если постараетесь.

Но улыбка мальчика подсказала Шейле, что он не верит в это... Да она и сама не верила. Боже, с Рзем случится припадок!

— Если хотите, я у него спрошу. — Тоби пнул камешек носком грязной кроссовки.

— Хорошо, — согласилась Шейла. — И еще скажи, что я заплачу ему за это пять долларов.

— Понятно, мэм!

Тоби прошел обратно к затянутой сеткой двери.

— Мейзи? — крикнул он. — Тут одной леди очень нужен бензин. Она говорит, что отстегнет тебе пять баксов, если приволокешь из Холлидэя галлон-другой.

Мейзи не отвечал. Его лицо в сиянии телеэкрана было голубым.

— Мейзи? Ты что, не слышишь? — поторопил Тоби.

— Пока этот долбанный бейсбол не кончится, пацан, никуда я, черт возьми, не поеду! — наконец отозвался Мейзи, страшно насупись. — Я его всю неделю дожидался! Счет четыре—два, вторая половина пятой подачи!

— Эта леди настоящая красотка, Мейзи, — сказал Тоби, понижая голос. — Почти такая же красивая, как мисс Нэнси!

— Сказано, отцепись!

Тут Тоби обратил внимание, что на маленьком столике возле стула Мейзи стоит бутылка пива. Сердить Мейзи не годилось, особенно таким жарким днем, в разгар осинового лета.

Однако Тоби, набравшись храбрости, сделал еще одну попытку:

— Пожалуйста, Мейзи. Этой леди нужно помочь!

— Ох ты... — Мейзи покачал головой. — Ну ладно, ежели только ты дашь мне досмотреть эту окаянную игру, я смотаюсь для нее за бензином. Ох, Господи ты Боже мой, а я-то думал, мне выдался нормальный денечек!

Тоби вежливо поблагодарил его и вернулся к фургону.

— Он говорит, что съездит, только ему охота досмотреть бейсбол, — сказал он Шейле. — Я бы и сам скатал, но мне только-только стукнуло пятнадцать, и ежели я разобью машину, Мейзи мне даст жару. Если хотите, оставьте фургон здесь. Сразу за поворотом — тут два шага, рукой подать — у нас кафе, можно сэндвичей взять или чего-нибудь попить. Подходит?

— Да, это было бы здорово. — Шейле ужасно хотелось размять ноги, а уж выпить чего-нибудь холодного было бы просто прекрасно.

Но что стряслось с Джо? Она посигналила — раз, другой — и подняла окошко.

— Наверное, утонул, — с досадой сказала она Триш.

Оса почему-то решила не заползать к Джо в ноздрю. Зато на футболке мальчика сидело уже штук тридцать насекомых, а то и больше. Бледный и потный Джо стискивал зубы. Осы

ползали у него по рукам. По спине мальчика вверх и вниз пробегал холодок. Он где-то читал про фермера, который потревожил осиное гнездо: к тому времени, как ему смогли оказать помощь, бедняга превратился в корчащуюся грудку искусанной плоти и умер по дороге в больницу.

Каждую секунду Джо ожидал, что в его кожу на его шее под затылком вопьется десяток-другой жал. Дыхание мальчика было прерывистым, затрудненным; он боялся, что колени его вот-вот подломятся и он упадет лицом в грязный унитаз — и тогда осы...

— Ты лучше не шевелись, — сказал рыжий мальчишка, останавливаясь в дверях туалета. — Они тебя всего обсели. Не двигайся. Я сейчас.

Джо не нужно было повторять дважды. Он стоял, оцепенев и обливаясь потом, и вдруг услышал низкий переливчатый свист, продолжавшийся секунд, может быть, двадцать. Звук был умиротворяющим, успокаивающим; осы принялись подниматься с футболки Джо, стали вылетать из волос. Как только насекомые слетели с рук мальчика, он застегнулся и вышел из туалета. Множество любопытных созданий жужжали у него над головой. Джо пригнулся, замахал руками, и осы улетели.

— Ну и осы! — вздохнул заговорил он. —

Сколько же их тут? Должно быть, миллион!

— Да нет, поменьше, — сказал Тоби. — Просто такое выдалось осиное лето. Но ты об них не беспокойся. Они тебя больше не тронут. — Улыбаясь, он приподнял правую руку.

Осы слоями покрыли кисть руки рыжего мальчишки так, что стало казаться, будто рука нелепо, непомерно разрослась — огромные пальцы в черную и желтую полоску.

Джо, разинув рот, стоял, уставясь на это с ужасом. А рыжий снова свистнул — на этот раз коротко и резко; и осы лениво зашевелились, загудели, зажужжали и, наконец, поднялись с его руки темным облаком. Рой ос взмыл кверху и полетел в лес.

— Видал? — Тоби сунул руку в карман джинсов. — Но ты не дрейфь. Я же сказал, тебя не тронут!

— Как... как... ты это делаешь?

— Джо! — слышался голос его матери. — Может, хватит!

Джо захотелось побежать от туалета, взяв кроссовками крохотные облачка пыли, но он невероятным усилием воли заставил себя неторопливо обойти здание бензозаправочной станции и подойти туда, где его ждали вышедшие из «вояджера» мать и Триш. Он слышал, как хрустит песок под башмаками рыжего мальчишки — тот, не отставая, шел следом за ним.

— Ну и чего кричать? — сказал Джо и попытался улыбнуться, но его лицо напряглось и перекосилось. — Что случилось?

— Мы уже решили, что ты оставил нас навсегда. Чем ты там так долго занимался?

Не успел Джо ответить, как на его плечо легла решительная и твердая рука.

— Он попросту застрял в туалете, — объяснил Тоби. — Дверь там старая, ее давно пора починить.

— Правда? — спросила мама.

Ладонь рыжего сильнее надавила на плечо Джо.

Джо расслышал тонкое зудение. Он скосил глаза и увидел, что между указательным и средним пальцами прижатой к его плечу руки засела оса.

— Ма, — негромко сказал Джо. — Я... — И осекся, увидев позади матери и сестры в ярком солнечном свете темное полотнище, медленно колыхавшееся над дорогой.

— У тебя все о'кей? — встревожилась Шейла. Вид у мальчика был такой, точно его вот-вот вырвет.

— Думаю, он у вас молодцом, мэм, — отозвался Тоби и рассмеялся. — Наверное, малость напугался, застряв в туалете.

— Ясно. Ну... а мы тут собираемся перекусить и выпить чего-нибудь холодненького.

Молодой человек говорит, что за поворотом есть кафе.

Джо кивнул, но в животе у него так и бурлило. Он услышал, как мальчишка негромко, этак причудливо свистнул — так тихо, что мать, вероятно, не могла расслышать; оса слетела с его пальцев, и жуткое выжидающее облако ее сородичей начало рассеиваться.

— Самое время пообедать! — объявил Тоби. — Давайте-ка я схожу вместе с вами.

Солнце палило безжалостно. Казалось, в воздухе висит слой желтой пыли.

— Мама, мне жарко! — пожаловалась Триш, едва лишь они успели отойти от бензозаправочной станции на десять ярдов. Шейла и сама чувствовала, как по ее спине под светло-голубой блузкой ползет пот. Джо топал, чуть поотстав от них, а за ним по пятам шел рыжий мальчишка по имени Тоби.

Дорога петляла сквозь сосновый лес в сторону городка. Еще через две минуты Шейла поняла, что его и городком-то назвать трудно: несколько уродливых деревянных домишек, универмаг с табличкой в витрине «У НАС ЗАКРЫТО. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАЙДИТЕ ЗАВТРА», маленькая побеленная церквушка и модерновое строение из белого камня с изъеденной ржавчиной вывеской, объявлявшей, что это «Кафе Клейтон». На засыпанном гравием

паркинге стояли дряхлый серый «бьюик», многоцветный грузовичок-пикап и красный спортивный автомобильчик со спущенным откидным верхом.

В городке было тихо, только вдалеке каркали вороны. Шейлу потрясло, что столь убогая на вид дыра существует всего в семи или восьми милях от главного шоссе. Сейчас, когда штат со штатом связывали скоростные автострады, было нетрудно позабыть, что у проселочных дорог все еще стоят такие вот небольшие городишки... Тут Шейла готова была сама себя выпороть за то, что втравила всех в такой переплет. Ну вот, теперь-то они действительно опоздают в Сен-Саймонс-Айленд.

— Добрый день, мистер Уинслоу! — крикнул Тоби и помахал кому-то слева.

Шейла посмотрела влево. На крыльце жалкой развалюхи сидел дряхлый и седой старик в комбинезоне. Он сидел без движения и в первый миг показался похожим на восковую куклу, но Шейла разглядела струйку дыма, поднимавшуюся от вырезанной из кукурузного початка трубки. Мужчина приподнял руку, приветствуя их.

— Жаркий нынче выдался денек, — сказал Тоби. — Время обедать. Вы с нами идете?

— Щас приду, — отозвался мужчина.

— Тогда лучше прихватите мисс Нэнси. У

меня тут приезжие, туристы.

— Сам вижу, — сказал седой.

— Ага, — Тоби ухмыльнулся. — Они едут в Сен-Саймонс-Айленд. Отсюда путь неблизкий, верно?

Мужчина встал со стула и ушел в дом.

— Ма, — негромко сказал Джо, в его голосе звучало напряжение, — по-моему, нам не надо никуда...

— А мне твоя рубашечка ндравится, — перебил Тоби, дернув Джо за футболку. — Приятная, чистенькая.

В следующее мгновение оказалось, что они — возле «Кафе Клейтон», и Шейла, держа Триш за руку, зашла внутрь. Несмотря на то что белая табличка сообщала: «У нас кондиционирование», кондиционер явно не работал; в кафе было так же жарко, как повсюду.

Заведение было небольшим, пол был выстлан потемневшим линолеумом, стойка была окрашена в цвет горчицы. Из обстановки имелось несколько столиков, стулья и музыкальный автомат, отодвинутый к стене.

— О-бе-ед! — весело крикнул Тоби, проходя в дверь следом за Джо и закрывая ее. — Я привел тебе туристов, Эмма!

В глубине кафе, на кухне, что-то загремело.

— Выйди же и поздоровайся с ними, Эмма, — не отставал Тоби.

Дверь, ведущая в кухню, отворилась. Вышла худая седая женщина с лицом, изрезанным глубокими морщинами и угрюмым взглядом карих глаз. Ее испытующий взгляд обратился сперва к Шейле, потом переключился на Джо и наконец задержался на Триш.

— Что у нас на обед? — поинтересовался Тоби. Потом поднял палец. — погоди! Спорим, я знаю... «азбучный» суп*, картофельные чипсы и сандвичи с арахисовым маслом и виноградным желе! Правильно?

— Да, — ответила Эмма, оперевшись своим странным остекленелым взором в мальчишку. — Правильно, Тоби.

— Я так и знал! Знаете, все в округе всегда говорили, что я — особенный. Знаю всякие такие штуки, чего никому бы и знать не стоило. — Он постукал себя по лбу. — Есть во мне что-то такое... притягучее. Правда же, Эмма?

Та кивнула, не поднимая рук, безвольно висевших вдоль тела.

Шейла не представляла, о чем толкует мальчишка, но от тона, каким это было сказано, у нее по спине вдруг поползли мурашки. Неожиданно почудилось, будто в кафе чересчур тесно, солнечно и жарко, а у Триш вырвалось: «Ой, мам!», потому что Шейла слишком крепко стиснула ручонку девочки. Шейла разжала руку.

* Суп из макаронных изделий, сделанных в форме букв, очень популярный в США (прим. ред.).

— Знаешь что, — обратилась она к Тоби, — может, мне стоит позвонить мужу? Он в Сен-Саймонс-Айленд, в отеле «Шератон». Если я с ним не свяжусь, он не на шутку встретится. Нет ли тут где-нибудь телефона?

— Нету, — сказала Эмма. — Уж извините. — Ее взгляд скользнул на стену, и Шейла увидела там очертания сорванного таксофона.

— На бензоколонке есть телефон. — Тоби уселся на табуретку у стойки. — Запросто позвоните мужу после обеда. Мейзи тогда уже вернется из Холлидэя. — Затем он принялся крутиться на табуретке, накручивая обороты и приговаривая: — Хочу есть, хочу есть, хочу есть!

— Обед сейчас будет, — сказала Эмма и вернулась в кухню.

Шейла проводила Триш к столику. Джо стоял, не спуская глаз с Тоби. Рыжий мальчишка слез с табуретки и присоединился к ним, развернув стул так, чтобы положить локти на спинку. Он улыбнулся, наблюдая за Шейлой своими спокойными зелеными глазами.

— Тихий у вас городок, — неловко сказала она.

— Ага.

— Сколько народу тут живет?

— Да так... Не так чтоб очень много. Не люблю толчею, как в Холлидэе и Дабл-Пайнз.

— Чем занимается твой отец? Он работает где-нибудь в этих краях?

— Не-а, — ответил Тоби и вдруг спросил: — А вы готовить умеете?

— Э-э... наверное. — Вопрос застал Шейлу врасплох.

— Когда растишь ребятишек, приходится стряпать, верно? — спросил он. Его взгляд был непроницаемым. — Конечно, если ты богат и что ни вечер ходишь по всяким модным ресторанам...

— Нет, мы не богаты.

— А фургон у вас что надо. Готов поспорить, что он стоит кучу денег. — Тоби поглядел на Джо и сказал: — Чего не садишься? Вон рядышком со мной стул.

— Мама, можно мне гамбургер? — спросила Триш. — И пепси?

— Сегодня в меню «азбучный» суп, девочка. А еще я дам тебе сандвич с арахисовым маслом и виноградным желе. Годится? — Тоби протянул руку, чтобы коснуться волос девочки.

Но Шейла притянула Триш поближе к себе.

Мальчишка на миг уставился на нее. Улыбка его начала таять. Молчание затягивалось.

— Я не люблю суп с буковками, — тихонько сказала Триш.

— Полюбишь, — пообещал Тоби. Теперь

его улыбка вернулась, только сейчас она криво повисла на губах. — То есть... Я хочу сказать, что Эмма готовит этот суп лучше всех в городке.

Шейла была больше не в силах смотреть в глаза этому странному пареньку. В этот момент дверь открылась, и в кафе вошли седовласый мужчина в комбинезоне и тощая девушка с грязными светлыми волосами. Ее личико, если его отмыть, возможно, оказалось бы хорошеньким. Лет двадцать-двадцать пять, подумала Шейла. На девушке были покрытые пятнами слаксы защитного цвета, розовая зашитая во многих местах блузка, а на ногах — пара кроссовок. От девушки дурно пахло, а в запавших голубых глазах застыло загнанное, испуганное выражение. Уинслоу отвел ее к стулу за другим столиком, и она уселась, что-то бормоча себе под нос и уставясь на свои грязные руки.

Ни Шейла, ни Джо не могли не заметить шрамов, которыми было покрыто ее лицо, рубцы уходили вверх к самой границе волос.

— Боже мой, — прошептала Шейла. — Что... что с ней стряслось...

— К ней Мейзи забегал, — сказал Тоби. — Он по мисс Нэнси сохнет, вот что.

Уинслоу уселся за отдельный столик, раскурил свою кукурузную трубку и пытался ею в мрачной тишине.

Вышла Эмма с подносом. Она несла глубокие тарелки с супом, небольшие пакетики картофельных чипсов и сандвичи. Подавать она начала с Тоби.

— Пора съездить в бакалейную лавку, — сказала она. — Мы уж почти все подъели.

Принявшись жевать свой сандвич, Тоби и не ответил.

— У меня на хлебе корка, — прошептала Триш матери. По личику девочки лил пот, глаза ее были круглыми и испуганными.

В кафе стояла такая духота, что Шейла с трудом это выдерживала. Блузка молодой женщины пропиталась потом, а от запаха немытой мисс Нэнси к горлу подкатывала тошнота. Шейла почувствовала, что Тоби наблюдает за ней, и вдруг обнаружила, что ей хочется истошно завизжать.

— Простите, — сказала она Эмме, — но моя девочка не любит есть хлеб с коркой. У вас нет ножа?

Эмма заморгала и не ответила; рука, ставившая перед Джо тарелку с супом, нерешительно замерла. Уинслоу тихо и безрадостно рассмеялся, но в этом смехе звучала боль.

— А как же, — отозвался Тоби и вытащил из кармана джинсов складной нож, раскрыл лезвие. — Давай, я отрежу, — предложил он и принялся срезать корку.

— Ваш суп, мэм. — Эмма поставила перед Шейлой миску.

Шейла знала, что в этом уже полном влажного пара кафе она ни за что не сумеет проглотить ни ложки горячего супа.

— А нельзя ли... нельзя ли попить чего-нибудь холодного? Пожалуйста.

— Ничего нет, одна вода, — сказала Эмма. — Морозильник сломался. Кушайте суп. — Она отошла обслужить мисс Нэнси.

И тогда Шейла увидела.

Под самым своим носом.

Слово, написанное буквами, плававшими на поверхности супа.

М-А-N-I-A-K

Этот мальчишка — маньяк!

А его нож между тем всюду трудился — резал, резал...

В горле у Шейлы было сухо, как в пустыне, но, несмотря на это, она сглотнула, следя глазами за лезвием, двигавшимся так страшно близко от горла ее дочурки.

— Сказано же, ешьте! — Эмма почти кричала.

Шейла поняла. Она погрузила ложку в миску, помешала буквы, чтобы Тоби не увидел, и отхлебнула, чуть не ошпарив язык.

— Нравится? — спросил Тоби у Триш, держа нож у лица девочки. — Глянь, как сверкает. Скажи, красивая вещь...

Он не договорил — горячий суп в мгновение ока полетел ему в глаза. Но это сделала не Шейла, а очнувшийся от дурмана Джо. Тоби вскрикнул и повалился навзничь со стула. Джо хотел перехватить нож, они схватились на полу, но и ослепнув, рыжий мальчишка не подпускал Джо к себе. Шейла сидела и не могла двинуться с места, точно приросла к стулу, а драгоценные секунды убегали.

— Убейте его! — визгливо крикнула Эмма. — Убейте гаденыша!

Она принялась охаживать Тоби подносом, который держала в руках, но в суматохе большая часть ударов доставалась Джо. Как цепом молотя по воздуху рукой с зажатым в ней ножом, Тоби зацепил футболку Джо, пропоров в ней дыру. Тут уж вскочила и Шейла. Мисс Нэнси пронзительно вопила что-то нечленораздельное.

Шейла попыталась схватить мальчишку за запястье, но промахнулась и попыталась снова. Рыжий вопил и корчился, физиономия мальчишки превратилась в жуткую, перекошенную рожу, но Джо держал его изо всех своих убывающих сил. «Мама! Мама!» — плакала Триш...

А потом Шейла наступила на запястье Тоби, пригвоздив руку с ножом к линолеуму.

Пальцы разжались, и Джо подхватил нож.

Вместе с матерью он отступил, и Тоби сел. В его лице бушевала вся злоба преисподней.

— Убейте его! — кричала Эмма, красная до корней волос. — Проткните его подлое сердце, вот этим самым ножом проткните! — Она хотела схватить нож, но Джо отодвинулся от нее.

Уинслоу поднимался из-за столика, по-прежнему хладнокровно дымя трубкой.

— Ну, — спокойно проговорил он, — давай убивай его. Ткни его разик-другой — и готово.

Тоби отползал от них к двери, протирая рукавом глаза. Он сел, потом медленно поднялся — сперва на колени, потом на ноги.

— Он совершенно ненормальный! — сказала Эмма. — Поубивал в этом проклятом городишке всех до единого!

— Не всех, Эмма, — откликнулся Тоби. Его улыбка вернулась. — Еще не всех.

Шейла обнимала Триш, и ей было так жарко, что она боялась лишиться чувств. Воздух был спертым, тяжелым, а мисс Нэнси, ухмыляясь ей в лицо, теперь тянулась к ней грязными руками.

— Не знаю, что здесь творится, — наконец проговорила Шейла, — но мы уходим. Есть бензин, нет ли — мы уезжаем.

— Вот как? Да неужто? — Тоби вдруг на-

брал воздуха и издал протяжный дрожащий свист, от которого по коже у Шейлы поползли мурашки. Свист все звучал. Эмма визгливо крикнула:

— Заткните ему рот! Кто-нибудь, сделайте так, чтобы он заткнулся!

Свист внезапно оборвался на восходящей ноте.

— Уйди с дороги, — сказала Шейла. — Мы уходим.

— Может, уходите, а может, и нет, — ответил рыжий. — Ведь на дворе осиное лето, мэм. Они, оски мои, прямо-таки повсюду!

Что-то коснулось окон кафе. Снаружи по стеклу, разрастаясь, стало расползаться темное облако.

— Вас когда-нибудь кусали осы, милая леди? — со страшной улыбкой осведомился Тоби. — Я хочу сказать — сильно, крепко вас жалили? До самой кости? Так больно, чтоб ты криком изошла, умолая, чтобы кто-нибудь перерезал тебе глотку и твои страдания кончились?

За окнами темнело. Мисс Нэнси заскулила и, съежившись от страха, полезла под стол.

— Говорю же: «осиное лето», — повторил Тоби. — Я позову — осы и прилетят. И сделают то, чего я захочу. Я ж по-ихнему говорю, леди. Есть во мне что-то такое... притягучее.

— Господи ты Боже. — Уинслоу покачал головой. — Ну, убьете вы его или нет? Давай-те, не тяните!

Яркий свет солнца тускнел. Быстро темнело. Шейла услышала высокое тонкое гудение, издаваемое тысячами ос, собиравшихся на окнах, и по ее лицу побежала тоненькая струйка пота.

— Раз прикатил сюда один из полиции штата. Искал кого-то. Забыл кого. И говорит: «Малый, а где твои родичи? Как это так тут никого нету?» И хотел связаться со своими по радио, но только разинул рот — я туда ос и послал. Прямоком в глотку. Ох, видели б вы, как этот легавый плясал! — От этого паскудного воспоминания Тоби хихикнул. — Закусили мои оси́ки его насмерть. Прямо с изнанки. Но меня они не кусают — потому что я знаю по-ихнему.

Свет почти исчез; лишь маленький осколок накали́нного докрасна солнца пробивался сквозь шевелящуюся осиную массу.

— Ну, валяйте, — сказал Тоби и жестом указал на дверь. — Не давайте мне остановить вас.

Эмма сказала:

— Убейте его сейчас же! Убейте, и они улетят!

— Только троньте, — предостерег То-

би, — и я заставлю моих осок протиснуться во все щелки этой проклятой стеляшки. Я заставлю их выесть вам глаза и забиться в уши. Но сперва я заставлю их прикончить девчонку.

— Почему... Бога ради, почему?

— Потому что могу, — ответил рыжий. —
Валяйте. До вашего фургона два шага.

Шейла поставила Триш на пол. Мгновение она смотрела мальчишке в глаза, потом взяла из руки Джо нож.

— Дай сюда, — приказал Тоби.

В полутьме она помедлила, провела рукой по лбу, чтобы хоть немного утереть пот, а потом подошла к Тоби и прижала нож к горлу мальчишки. Улыбка рыжего дрогнула и сползла.

— Теперь ты пойдешь с нами, — дрожащим голосом сказала Шейла. — И заставь своих дружков держаться подальше от нас, не то, клянусь Богом, я затолкаю тебе этот нож прямо в глотку.

— Никуда я не пойду.

— Значит, умрешь здесь, с нами. Понимаешь, как тебя. Тоби? Так вот, я очень хочу жить. Я также хочу, чтобы жили и мои дети. Но в этом... в этой... в этом сумасшедшем доме мы не останемся. Не знаю, какую участь ты для нас тут задумал, но я, наверное, лучше умру. Ну так как?

— Вы не сможете убить меня, мэм.

Шейла должна была заставить его поверить, что она в любой момент отправит его на тот свет, хоть она и не знала, как поступит, если придется.

Напрягшись, она сделала быстрое движение рукой вперед — короткий, резкий тычок. Тоби сморщился, вниз по шее скатилась капелька крови.

— Так его! — радостно каркнула Эмма. — Давайте! Ну!

На щеку Шейлы неожиданно опустилась оса. Вторая — на руку.

Третья зазвенела в опасной близости от левого глаза.

Та, что села на щеку, ужалила Шейлу, ошпарив жуткой болью. Молодой женщине почудилось, что по ее позвоночнику сверху донизу прошла мелкая дрожь, точно от удара током, на глаза навернулись слезы, но нож от горла Тоби она не убрала.

— Око за око, — сказал рыжий мальчишка. — Теперь мы квиты.

— Пойдешь с нами, — повторила Шейла. Щека начинала распухать. — Если кто-то из моих детей пострадает, я убью тебя. — По костяшкам ее пальцев ползали четыре осы, но голос на этот раз прозвучал ровно и спокойно.

Тоби помолчал. Потом пожал плечами и проговорил:

— Ладно. Будь по-вашему. Пошли.

— Джо, бери за руку Триш. Триш, хватайся за мой пояс. Не отпускай меня и, ради Бога, ты ее тоже не отпускай. — Она подтолкнула Тоби ножом. — Ну — пошел! Открывай дверь.

— Нет! — запротестовал Уинслоу. — Не выходите туда! Женщина, ты сошла с ума!

— Открывай!

Тоби не спеша повернулся, и Шейла, нажимая лезвием на вену, что билась у рыжего на шее, другой рукой крепко ухватила его за шиворот. Тоби протянул руку и — медленно, очень медленно — повернул дверную ручку. Потянув за нее, он открыл дверь.

Резкий солнечный свет на несколько секунд ослепил Шейлу. Когда способность видеть вернулась к ней, ее взору предстало черное гудящее облако, поджидавшее за порогом.

— Попробуешь сбежать — воткну эту штуку тебе в горло, — предупредила она. — Запомни.

— А мне чего бегать? Им же вы нужны.

Тоби вышел в клубящуюся осиную массу. Шейла с детьми не отставала.

Это было все равно что шагнуть в черную метель, и Шейла чуть не закричала, но она понимала: стоит закричать — пиши пропало; одной рукой она сжимала воротник Тоби, другой — впившийся в шею мальчишки нож, но осы кишели у самого лица, и ей пришлось

плотно зажмуриться. Шейла задышалась; она почувствовала, как ее укусили в щеку, потом еще; услышала, как вскрикнула ужаленная Триш. Еще две осы цапнули Шейлу около губ, и она заорала:

— Убери их к чертовой матери!

Адская боль раздирала лицо; Шейла уже ощущала, как оно опухает, перекашивается — в этот миг волна паники чуть не смела весь ее здравый смысл.

— Убери их! — велела она, тряхнув мальчишку за ворот. Она услышала смех Тоби, и ей захотелось его убить.

Они вышли из злобного облака. Шейла не знала, сколько раз ее ужалили, но глаза еще были в порядке.

— Вы в норме? — окликнула она детей. — Джо! Триш?

— Меня ужалили в лицо, — ответил Джо, — но все нормально. С Триш тоже.

— Хватит плакать! — велела Шейла малышке и тут же была укушена в правое веко. Глаз начал заплывать опухолью. Вокруг головы гудели новые осы, они теребили и дергали ее волосы, точно чьи-то маленькие пальчики.

— Есть среди них такие, которые ни за что не хотят слушать, — сказал Тоби. — Они поступают так, как им нравится.

— Шагай-шагай. Быстрее, черт бы тебя побрал!

Кто-то пронзительно закричал. Оглянувшись, Шейла увидела бежавшую в противоположном направлении мисс Нэнси. Девушку облепил рой в несколько сот пчел. Она неистово отмахивалась, приплясывала, дергалась.

Сделав еще три шага, она упала, и Шейла быстро отвела глаза, увидев, что осы полностью покрыли ее лицо и голову. Крики зазвучали глуше. В следующую секунду они оборвались.

К Шейле, спотыкаясь, приблизилась какая-то фигура, вцепилась в руку.

— Помогите... помогите, — простонала Эмма. Ее глазницы кишели осаами. Она начала падать, и Шейла, не имея иного выбора, вырвалась. Эмма лежала на земле, подрагивая всем телом, и слабо звала на помощь.

— Это ты натворила, женщина! — В дверях, нетронутый, стоял Уинслоу. Вокруг бурей носились тысячи ос. — Черт, дело сделано!

Но для Шейлы с ребяташками худшее миновало. И все равно за ними следовали потоки тонко зудящих ос. Джо осмелился посмотреть вверх, но не увидел солнца.

Они добрались до бензоколонки, и Шейла сказала:

— О Боже!

Фургон, как ковром был покрыт плотной массой ос, а проседающая крыша старой бен-

зозаправочной станции так и кишела ими.

Грузовичок-пикап был еще на месте. Сквозь тонкое зудение и жужжание Шейла расслышала звуки трансляции бейсбольного матча.

— Помогите! — закричала она. — Пожалуйста! Нам нужна помощь!

Тоби опять захохотал.

— Позови его! — прикрикнула она на рыжего. — Скажи, чтоб вышел сюда! Сейчас же, ну!

— Мейзи смотрит бейсбол, тетя. Он вам не поможет.

Она подтолкнула его к затянутой сеткой двери. За ширму цеплялось несколько ос, но, когда Тоби приблизился, они поднялись в воздух.

— Эй, Мейзи! Леди хочет видеть тебя, Мейзи!

— Мам, — выговорил Джо распухшими синеющими губами. — Мам...

Шейла видела внутри дома сидящую перед светящимся экраном телевизора фигуру в кепке.

— Пожалуйста, помогите нам! — снова крикнула она.

— Мам... послушай...

— ПОМОГИТЕ! — истошно проорала Шейла и пнула дверь-ширму. Та сорвалась с

петель и упала на пыльный пол.

— Мам... когда я был в туалете... и он тут с кем-то говорил... я не слышал, чтоб кто-нибудь ему отвечал...

И тут Шейла поняла почему.

Перед телевизором сидел труп. Этот человек давно умер — самое меньшее много месяцев назад — и был попросту кожаной оболочкой из праха с ухмыляющимся безглазым лицом.

— АТУ ИХ, МЕЙЗИ! — взвыл мальчишка и вырвался от Шейлы. Она полоснула его ножом, зацепила шею, но остановить мальчишку не сумела. Тоби взвизгнул и подпрыгнул, точно взбесившийся волчок.

Из глазниц трупа, из полости, на месте которой когда-то был нос, и из раззявленного страшного рта трупа хлынули потоки ос. Охваченная леденящим душу ужасом, Шейла поняла, что осы построили внутри трупа гнездо и теперь тысячами изливались наружу, неумолимо и яростно роясь возле нее и детей.

Она круто развернулась, подхватила Триш под мышку и, крикнув Джо: «А ну, бегом!» помчалась к фургону, где, взлетая и сливаясь в желто-черную полосатую стену, шевелились новые тысячи ос.

Выбирать не приходилось. Шейла с размаху сунула руку в самую гущу роя, продираясь к ручке дверцы.

Осы в мгновение ока облепили пальцы, втыкая в них жала так глубоко, будто ими управлял единый злобный разум. Подвывая от острой боли, Шейла неистово нашаривала ручку. Осиная волна, ежесекундно жаля, поднялась до предплечья... выше локтя... к плечу. Пальцы Шейлы сомкнулись на ручке. Осы атаковали щеки, шею и лоб молодой женщины, но она уже распахнула дверцу. И Джо, и маленькая Триш всхлипывали от боли, но все, что Шейла могла сделать для детей, — это лично забросить их в фургон. Она сгребла руками полные пригоршни ос, раздавила их между пальцами, протиснулась внутрь и захлопнула дверцу.

Однако и в машине оказался не один десяток насекомых. Джо в ярости принялся бить их свернутыми в трубку комиксами, потом снял кроссовок и тоже использовал в качестве оружия. Лицо мальчика покрывали укусы, оба глаза очень сильно заплыли.

Шейла запустила мотор, включила дворники, чтобы смести с ветрового стекла шевелящийся живой коврик, и увидела: рыжий мальчишка, стоя перед ними, высоко воздел руки, из-за цеплявшихся за голову Тоби ос его огненно-рыжие волосы стали желто-черными, рубашка тоже, а из пореза на шее сочилась кровь.

Шейла слышала собственный рев — рев дикого зверя — и до отказа утопила педаль газа.

«Вояджер» прыгнул вперед, в осиную метель.

Тоби понял, что сейчас случится, и попытался отскочить. Но перекошенное, страшное лицо его подсказало Шейле, что он опоздал на шаг. Фургон ударил его, сбил с ног, распластал по дороге. Шейла с силой выкрутила руль вправо и почувствовала, как вильнуло колесо, с хрустом прокатившееся по телу маленького маньяка. Потом бензоколонка осталась позади, и машина, набирая скорость, помчалась через Кейпшоу. В салоне Джо одну за другой давил ос.

— Молодцы! — крикнула Шейла, хотя исторгнутый покалеченными губами голос ее почти не походил на человеческий. — У нас это получилось!

Фургон несясь вперед, колеса вздымали облачка пыли. Колея правой передней шины была забита чем-то ярко-алым.

Счетчик накручивал милю за милей. Через щелку, в которую превратился левый глаз, Шейла все время следила за стрелкой указателя топлива, колебавшейся над нулевой отметкой, но акселератор не отпускала, вписывая фургон во внезапные повороты так быстро, что возникала опасность слететь с дороги в

лес. Наконец Джо убил последнюю осу, а потом оцепенел на заднем сиденье, притянув к себе Триш.

Еще через несколько минут на дороге снова появился асфальт, и они выехали из сосен Джорджии на перекресток. Там дорога расходилась в трех направлениях.

Указатель сообщал: «Холлидэй...9». Всклипнув от облегчения, Шейла проскочила перекресток на скорости семьдесят миль в час.

Одна миля. Вторая, третья, четвертая. «Вояджер» начал было взбираться на холм... Но тут Шейла почувствовала, как мотор строптиво рыкнул.

— О Боже... — прошептала она. Руки, сжимавшие руль, были воспалены и страшно распухли. — Нет... нет...

Движок засбоил, и движение фургона вперед стало замедляться.

— НЕТ! — закричала она, всем телом наваливаясь на руль в попытке не дать фургону остановиться. Но стрелка спидометра быстро падала, а потом мотор заглох.

У фургона еще оставалось довольно сил, чтобы добраться до вершины холма, и катиться он перестал примерно в пятнадцати футах от того места, где за гребнем холма начинался спуск.

— Ждите в машине! — велела Шейла де-

тям. — Не шевелитесь. — Пошатываясь на распухших ногах, она вылезла, зашла со стороны багажника и всей тяжестью налегла на него, пытаясь докатить «Вояджер» до гребня холма и столкнуть под уклон. Фургон сопротивлялся.

— Пожалуйста... пожалуйста, — шептала Шейла, продолжая толкать.

Медленно, дюйм за дюймом «Вояджер» тронулся вперед.

Услышав отдаленное гудение, она осмелилась оглянуться.

В четырех или в пяти милях от холма небо потемнело. Над лесами катилось нечто схожее с массивной черно-желтой полосатой грозовой тучей, гнувшей сосны на своем пути.

Всхлипывая, Шейла посмотрела вниз с высокого холма, у вершины которого стоял фургон. У подножия был широкий S-образный поворот, а дальше среди зеленого леса виднелись крыши домиков и строений.

Жужжание приближалось. Быстро смеркалось.

Она подкатила фургон ближе к откосу, затем он медленно пошел своим ходом. Шейла захромала вдогонку, ухватила за открытую дверь и запрыгнула на сиденье как раз в тот момент, когда машина разогналась по-

настоящему. Она вцепилась в руль и велела детям держаться.

По крыше забарабанило что-то вроде града.

Однако, когда в разгар лета солнце померкло и туча ринулась в атаку, фургон рванулся вниз с холма.

Роберт Р.Маккоммон

ГРИМ

Украсть эту фигню было раз плюнуть. В три часа утра Кельвин Доус посетил голливудский Мемориал-Музеум, что на бульваре Беверли. Попал он туда через служебный вход с помощью загнутого металлического крючка, который он извлек из черного кожаного мешочка, спрятанного под курткой у самого сердца.

Слоняясь по длинным залам мимо колесниц, катавшихся в «Бен-Гуре», палаток из «Шейха», макета адской лаборатории из «Франкенштейна» в натуральную величину, он тем не менее точно знал, куда идет. Днем раньше он уже приходил сюда с платной экскурсией. Поэтому, проникнув в музей, он десять минут спустя уже стоял в зале «Меморабилия». Где бы ни касался обоев луч крошечного фонарика-«карандаша», вспыхивали звезды из фольги. Перед Кельвином высились запертые кубы стеклянных витрин: одну заполняли парики на безликих головах манекенов, следующая содержала флаконы ду-

хов, использовавшихся в качестве реквизита в лентах с Ланой Тернер, Лореттой Янг, Хеди Ламарр; в следующей витрине на полках разместились украшения из стразов — бриллианты, рубины, изумруды, сиявшие, точно товар из ювелирных магазинов Родео-драйв.

За ними находилась витрина, которую искал Кельвин. На ее полках были разложены деревянные ящички разных цветов и размеров. Луч фонарика скользнул на нижнюю полку — а, вот и добыча! Большая черная коробка, за которой он пришел, пряталась во мраке. Крышка была открыта, внутри Кельвин увидел лотки с тюбиками, маленькими пронумерованными баночками и чем-то, похожим на завернутые в вощеную бумагу мелки. Рядом с коробкой лежала маленькая белая карточка с парой строчек машинописи: «Коробка с гримом, принадлежавшая Джин Харлоу. Выкуплена из имущества Харлоу».

«Порядок! — подумал Кельвин. — Есть!» Он расстегнул молнию на мешочке с инструментом, обошел витрину и несколько минут трудился, выбирая из своего богатого снаряжения нужную отмычку.

Блатная работенка!

Когда почти рассвело, Кельвин Доус вернулся в свою крохотную квартирку за бульваром Сансет. Закурив сигаретой с марихуаной,

чтобы расслабиться, он поставил черную коробку на карточный столик и задумался. «Ей-Богу, ничего особенного, — думал он, — просто горстка баночек, тюбиков и карандашей, да и те, похоже, по большей части такие засохшие, что сами рассыпаются». Да и в самом футляре не было ничего привлекательного. Хлам, по мнению Кельвина. С какой стати мистер Марко вбил себе в голову, будто он сумеет толкнуть эту фиговину кому-нибудь из лос-анджелесских коллекционеров? За что тут можно было выручить 5000 долларов? Это было выше его понимания. Ну, поддельные камушки, парики — еще туда-сюда, можно понять, но это?.. Уму непостижимо!

Коробка была порядком обшарпанной и исцарапанной, по углам из-под черного лака виднелась голая древесина. Но вот замочек был необычным: он был сделан из серебра в виде человеческой руки, пальцы с длинными острыми ногтями были скрючены и напоминали когти. Серебро от времени потускнело, пошло пятнами, однако замок, похоже, работал исправно.

«Мистер Марко оценит мой труд», — подумал Кельвин. Сам грим выглядел совершенно усохшим, но, когда Кельвин отвинтил крышки нескольких пронумерованных баночек, на него повеяло диковинными ароматами.

Из одной баночки потянуло холодным, глинистым запахом кладбищенской земли, из другой — свечным воском и металлом, из третьей дохнуло чем-то, вызывавшим в воображении кишашую гадами трясину. Ни названия фирмы, ни каких-либо иных свидетельств того, где был куплен этот грим или чья это продукция, ни на одной баночке не было. Несколько гримировальных карандашей, вынутых Кельвином из лотка, раскрошились прямо в руках, и Кельвин спустил кусочки в унитаз, чтобы мистер Марко не обнаружил, что он с ними возился.

Мало-помалу марихуана стала брать свое. Взгляд Кельвина отяжелел, он закрыл крышку коробки, защелкнул серебряную ручку-замок и, думая о Дэйни, улегся на диван-кровать.

Проснулся он словно от толчка. Сквозь пыльные шторы резко светило послеполуденное солнце. Кельвин схватился за часы. Два сорок! А мистер Марко велел позвонить в девять, если дело выгорит.

... Кельвин поплелся в конец коридора, к таксофону, но изнутри его сжигала паника.

В антикварном магазине на Родео-драйв секретарша мистера Марко ответила:

— Будьте любезны, как мне доложить, кто звонит?

— Скажите, это Кел.

— Минутку.

Вскоре поднялась еще одна трубка.

— Марко слушает.

— Это я, мистер Марко. Коробка с гримом у меня. Все в лучшем виде, дельце прошло, как сон...

— Как сон? — негромко переспросил голос. Раздался тихий воркующий смех. Этот смех походил на журчание воды, бегущей над очень опасными камнями. — Неужели, Кельвин? В таком случае спать ты должен очень тревожно. Ты видел утреннюю «Таймс»?

— Нет, сэр. — Сердце Кельвина забилось быстрее. Он понял, что что-то пошло наперекосяк, где-то он знатно прокололся. Стук его сердца, казалось, заполнил телефонную трубку.

— Удивительно, что полиция еще не навестила тебя, Кельвин. Пишут, что, вскрыв витрину, ты затронул скрытую сигнализацию. Ага. Вот эта статейка — страница семь, вторая колонка. — Послышался шелест разворачиваемой газеты. — Бесшумную сигнализацию, разумеется. Полиция считает, что они прибыли на место как раз в тот момент, когда ты уходил; один из офицеров полагает даже, что видел твою машину. Серый «Фольксваген» со вмятиной на левом заднем крыле. Знакомо, а, Кельвин?

— Мой... у меня «Фольксваген» салатового цвета, — пробормотал Кельвин, у которого внезапно сдавило горло. — Я... мне вмазали по крылу на стоянке у «Клуба Зум».

— Да неужто? В таком случае я бы посоветовал тебе начать укладывать чемоданы, дитя мое. В это время года в Мексике должна быть славная погодка. Если только ты до нее доедешь. Ну а теперь, ты меня извинишь, если я займусь другими делами. Счастливого пути...

— Погодите! Мистер Марко! Пожалуйста!

— Ну что еще? — Теперь голос был холоден, как ледник.

— Выходит, работу я запарол? Но ведь это мои проблемы. Ну и что же, что меня засекли? Каждому может выдаться плохая ночь, мистер Марко. Я же все-таки взял коробку! Вот она, при мне! Давайте сделаем так: я приношу ее вам, получаю свои три куска, а потом уж беру свою малышку и качу в Мексику, а там... А что тут такого?

Мистер Марко опять разразился холодным, начисто лишенным веселья кудахтающим смехом. От этого смеха вверх по позвоночнику Кельвина неизменно пробегал озноб. Он представил себе жирную тушу мистера Марко, сидящего в черном кожаном кресле с подлокотниками, вырезанными в форме оскаленных львиных морд. Его широкое лунообразное ли-

цо не выражает ничего, а тусклые страшные глаза черны, точно отверстия в стволах двустволки, рот чуть скошен на сторону, губы красные, как ломти сырой печенки.

— Сдается мне, ты ни черта не понимаешь, Кельвин, — наконец сказал он. — Я ничего тебе не должен. Дело в том, что ты увел не тот гримировальный набор...

— Как так? — хрипло выговорил Кельвин.

— Все это есть в «Таймс», голубчик. Однако не вини себя, мальчик мой, я тебя, кстати, не виню. Какая-то музейная крыса напутала, и набор грима несравненной Джин Харлоу поменяли местами с одним из наборов Комнаты Ужасов. Ее набор был из натурального черного дерева, а в красную шелковую подкладку были вшиты бриллианты, предположительно символизирующие ее романы. А тот, что увел ты, принадлежал Арлану Кронстэйну — актеришке, снимавшемуся в фильмах ужасов. Благодаря своему гриму и маскам разных уродов и чудищ он был очень известен в конце тридцатых и в сороковые годы. Его убили... лет десять-одиннадцать назад в венгерском замке, который он себе отгрохал на голливудских холмах. Помнится, обезглавленное тело бедняга нашли болтавшимся на люстре. Так-то вот. Однако кто в наши дни не ошибается? Вся жизнь сплошная ошибка, не так ли? А теперь извини меня...

— Прошу вас! — сказал Кельвин, задыхаясь от отчаяния и бешенства. — А может быть... может, вы сумеете продать коробку с гримом этого парня, что снимался в ужастиках?

— Может быть. Кое-какие из его лучших фильмов — «Восставший Дракула», «Мсть волка», «Лондонские вопли» — все еще порой откапывают для поздних ночных телепрограмм. Но на поиски фанатика-коллекционера потребуется время, Кельвин, а твоя коробка в наше время весьма и весьма опасный товар. Ты погорел на ней, Кельвин, и я подозреваю, что остывать тебе предстоит очень скоро в тюрьме Чайно...

— Но мне... мне позарез нужны эти три штуки баксов, мистер Марко! У меня уже есть на них планы!

— Ты что, свихнулся? Я ведь уже говорил, что ничего тебе не должен. Впрочем, на прощание дам тебе один хороший совет, Кельвин. Уезжай-ка ты отсюда далеко-далеко и всю оставшуюся жизнь держи рот на замке насчет моей деятельности. Уверен, что ты знаком с методами мистера Кроули, хотя пока и не имел возможности лично оценить их эффективность.

— Да, — пробормотал Кельвин. — Да, сэр. — Кровь в висках стучала в такт сердцу.

Ему доводилось встречаться с мистером Кроули — скелетом шести футов росту, который работал у мистера Марко «специалистом по уговорам». Каждый раз, когда он видел Кельвина, глаза его начинали гореть жадной крови.

— Но... что же мне делать? — в отчаянии выкрикнул Кельвин.

— Видишь ли, ты — мелкая сошка, мальчик мой, а занятия мелких людишек — не моя забота. Зато я растолкую тебе, чего тебе не следует делать. Тебе не следует больше звонить в эту контору. А также тебе не следует упоминать мое имя до самого конца своей жизни... которая, предоставь я право решения мистеру Кроули, оборвалась бы раньше, чем ты успел бы повесить трубку. Что я и собираюсь сделать. — И с последним холодным смешком телефон умолк.

Кельвин некоторое время созерцал трубку, словно надеясь, что та, может быть, опять оживет. Но трубка с презрением гудела ему в лицо. Он медленно опустил ее на рычаги и как сомнамбула направился к себе в комнату. Послышался звук полицейской сирены, и в душе Кельвина возникла паника, но звук доносился издали и постепенно замер.

«Что же делать? — беспрестанно крутилось в голове, словно там заела сломанная

пластинка. — Что же теперь делать?» Он закрыл дверь и запер ее на щеколду, а потом обернулся к коробке с гримом, лежавшей на столе.

Крышка была открыта, и Кельвин подумал, что это странно — ведь он помнил (или так ему казалось), что вчера вечером закрывал ее. Пыльные лучики света лизали серебряные скрюченные пальцы защелки. «Так глупо облажаться! — подумал Кельвин, и его охватила злоба. — Дурак, дурак, дурак!»

Он в два широких шага пересек комнату и, схватив коробку, занес над головой, чтобы вдребезги разбить об пол. Внезапно что-то будто укусило его за палец, и он, взыв от боли, уронил коробку обратно на стол; ящичек перевернулся, из него хлынули баночки и гримировальные карандаши.

Между тем на пальцах Кельвина, в том месте, где по ним, словно клешня омара, ударила захлопнувшаяся крышка, остался багровый рубец. «Эта тварь меня укусила!» — подумал он, пятясь прочь от коробки.

Серебряная рука поблескивала в полумраке, согнув один палец, точно приглашала.

— Пойми, я должен от тебя избавиться! — сказал Кельвин, в страхе вздрогнув при звуке собственного голоса. — Если копы тебя найдут, я влип!

С этими словами он впихнул весь просыпавшийся грим обратно в футляр, закрыл крышку и, прежде чем взять коробку в руки, с минуту испытующе смотрел на нее. Потом он пронес ее по коридору к черной лестнице, спустился в тянувшийся за домом узкий проулок и там затолкал в недра помойного бака, под старую шляпу, несколько пустых бутылок и коробку от пиццы. Потом вернулся к таксофону и, трепеща, набрал телефон квартиры Дэйни; номер не отвечал, и Кельвин позвонил в «Клуб Зум». Трубку поднял бармен Майк.

— Как делишки, Кэл?— На заднем плане играл музыкальный автомат; «Иглз» пели о жизни в отеле «Калифорния». — Нет, Кэл. Дэйни сегодня раньше шести не появится. Извини. Может, передать ей чего?

— Нет, — сказал Кельвин. — Все равно спасибо.

Он повесил трубку и вернулся к себе, гадая, где черти носят Дэйни. Кажется, ее никогда нельзя было застать на месте. Она никогда не звонила, никогда не давала знать, где находится. Разве не купил ей Кельвин симпатичное позолоченное ожерелье с парой бриллиантиков, чтобы показать, что не злится за того старикана из Бель-Эйр, которого она динамила? Да, ожерелье стоило Кельвину кучу денег; из-за него-то он и попал в нынешний финансовый переплет.

Кельвин стукнул кулаком по карточному столу и попытался разобраться, что к чему: надо было так или иначе раздобыть денег. Он мог бы попробовать заложить свой приемник или даже требовать с Корки Макклинтона давнишний бильярдный долг, но этого им с Дэйни в Мексике вряд ли хватило бы надолго... Нет, ему кровь из носа нужно было получить свои три тысячи с мистера Марко! А как насчет Кроули? Этот профессиональный убийца прихлопнет его как муху из своего сорока пятого калибра!

Что делать, что делать, что делать?

Перво-наперво, решил Кельвин, пропустить глоток и успокоиться. Он открыл буфет, вынул бутылку джина и стакан, но пальцы его тряслись так, что Кельвин не смог себе налить, поэтому он отбросил стакан и сделал большой глоток прямо из горлышка. Джин опалил горло и пищевод и адским пламенем скатился вниз.

«Черт побери эту чертову коробку! — подумал Кельвин и сделал еще один глоток. — Черт побери мистера Марко! — Еще глоток. — Черт побери Кроули. Черт побери Дэйни. Черт побери идиота, который махнул местами эти вшивые коробки с гримом. Черт побери меня самого, что взялся за эту идиотскую работу...»

Закончив проклятиями по адресу своих троюродных и четвероюродных братьев, проживающих в Аризоне, Кельвин вытянулся на диван-кровать и уснул.

Проснулся он с одной-единственной ужасающей мыслью: копы! Но он был в комнате один, никого больше, никакой полиции, все в полном порядке. Правда, в голове гудело, и свет за небольшими, затянутыми смогом окошками тускнел — вечерело. «Что делать? — подумал Кельвин. — Проспать весь день?» Он потянулся за бутылкой, стоявшей на карточном столике рядом с футляром с гримом, и увидел, что джина осталось примерно полглотка.

Поднеся бутылку к губам, Кельвин проглотил остатки, и в животе забурлило еще сильнее.

Когда его затуманенный взор вновь остановился на коробке с гримом, он выронил бутылку на пол.

Крышка коробки была откинута, а серебряная рука собрала в пригоршню тени синих сумерек.

— Что ты тут делаешь? — невнятно пробормотал Кельвин. — Разве я не избавился от тебя! Разве я не... — Он силился сообразить, что же такое произошло, он припоминал, что вроде бы отнес эту штуковину в помойку, но,

впрочем, и такое могло ему присниться. — От тебя одни несчастья, вот что! — закричал он. С трудом поднявшись на ноги, Кельвин, покачиваясь, выбрался в коридор, добрался до таксофона и еще раз набрал номер антикварной лавки.

Низкий тяжелый голос ответил:

— «Магазин антиквариата Марко».

Кельвин вздрогнул; это был Кроули.

— Это Кельвин Доус, — выговорил он, собравшись с духом. — Доус. Да, Доус. Позвольте мне поговорить с мистером Марко.

— Мистер Марко не хочет с тобой говорить.

— Послушайте, мне нужны мои три тысячи зеленых!

— Сегодня вечером мистер Марко работает, Доус. Хватит занимать телефон.

— Я просто... просто хочу получить то, что заработал.

— Вот ка-ак? Тогда, может, я смогу тебе помочь, паскудный недомерок. Только сунь сюда нос, и я побренчу в твоем котелке парой-тройкой патронов сорок пятого калибра? Только появись здесь, безмозглый коротышка! — Телефон умолк, прежде чем Кельвин успел сказать хоть слово.

Он схватился руками за голову. В ушах наперебой звучало: «Паскудный недомерок. Низ-

корослое отребье. Мелкий человечешко. Безмозглый коротышка». Казалось, всю жизнь — от матери и уродов из детской колонии до лосанджелесской полиции — Кельвина кто-нибудь да обзывал этими словами. Он и впрямь не вышел ростом, и судьба его не баловала. «Я вам не паскудный недомерок! — с ненавистью подумал Кельвин. — Когда-нибудь я вам всем покажу!» Спотыкаясь, он добрался до своей комнаты, по дороге врезавшись плечом в стену. Пришлось включить свет, пока тьма не заполнила всю комнату.

В это мгновение Кельвин увидел, как коробка с гримом подползает ближе к краю стола.

Он так и уставился на нее, не дыша, словно загипнотизированный скрюченными серебряными пальцами.

— Есть в тебе что-то интересное, — тихо проговорил он. — Что-то о-о-о-очень интересное. Я ведь вот этими руками... Я запихал тебя в помойку?! Или нет?

С минуту Кельвин не спускал с коробки глаз, и тут ему показалось, что скрюченный указательный палец как будто... пошевелился. Он согнулся, выпрямился... И опять — помянул к себе. Кельвин протер глаза. Никакого движения. Показалось. Или нет? Да! Нет. Да! Нет...

Да?

Кельвин прикоснулся к ящичку — и с криком отдернул руку. Ее потрянуло, точно снизу вверх от пальцев к плечу пробежал слабый электрический заряд.

«Что же ты на самом деле такое?» — шептал он и потянулся, чтобы закрыть крышку, но на сей раз скрюченные пальчики как будто цепко ухватили его за мизинец, потянув руку в коробку. Он вскрикнул: «Эй!», и когда отнял руку, то увидел, что сжимает в ладони баночку с гримом, обозначенную цифрой 9.

Затем крышка сама собой захлопнулась.

Кельвин испуганно подскочил на месте. Скрюченные пальцы замочка стали на свое место. Кельвин долго смотрел на баночку, оказавшуюся в его руке, потом медленно — очень медленно — отвинтил крышечку. Внутри оказалась сероватая с виду грязь, что-то наподобие масляной краски с довольно-таки явственным запахом...

«Чего?» — подумалось ему. Крови. Да. Именно крови, но и чего-то холодного, мглистого. Кельвин решительно сунул в баночку палец и втер грим в ладонь. Ладонь закололо и пронизало таким холодом, словно обдало пламенем. Кельвин вымазал гримом обе руки. Ощущение было хоть и необычным, но не было неприятным. Нет, решил Кельвин, это

ощущение вовсе не неприятно, поскольку сейчас он ощущал... силу!

И не просто силу, а непобедимость. Ему хотелось броситься в объятия ночи и полететь с облаками, проносящимися по ухмыляющемуся лику луны. «Да это просто чертовски приятно, — подумал он и намазал немного грима на лицо. — Боже, видела бы меня сейчас Дэйни!» Он заулыбался, глядя на себя в зеркало. Его лицо, покрытое пленкой холодного вещества, казалось каким-то странным, необычным, словно черты Кельвина заострились. Его рот и челюсти тоже казались какими-то иными. Особенными.

«Мне хочется получить с мистера Марко свои три штуки баксов, — сказал себе в зеркало. — И я их получу. Именно так-с. Получу, и немедленно».

Спустя секунду Кельвин отбросил пустую баночку и повернулся к двери. Его налитые мышцы трепетали от неведомо откуда поселившейся в них силы. Это не была сила юности, напротив, он чувствовал себя старым как само время, но при этом все его существо переполняла невероятная, чудесная, вечная молодость. Кельвин двинулся к дверям и дальше, в коридор, а сила и ярость сопровождали его, подобно разворачивающей свои кольца змее. Пришло время взыскивать долги.

Легким дымком проплыл он в сумерках и, скользнув в свой «Фольксваген», поехал через Голливуд, направляясь в сторону Беверли-Хиллз. Над зданием «Кэпитол Рекордз» висел бледный серп луны. У светофора Кельвин почувствовал идущий из соседней машины чей-то пристальный взгляд; он чуть повернул голову — и молоденькая дамочка за рулем «Мерседеса» оцепенела, в ее лице внезапно проступил ужас. Свет сменился, Кельвин поехал дальше, оставив неподвижно замеревший на месте «Мерседес».

Да уж. Определенно ему пришло время взыскивать долги.

На шикарной улице Родео-драйв он притормозил у бровки тротуара в двадцати метрах от густо-синего с золотом навеса с надписью «Антикварный магазин Марко». Почти все дорогие магазины на этой улице уже закрылись, по тротуару слонялись редкие зеваки, любители поглазеть на витрины. Кельвин прошел к антикварной лавке. Двери, естественно, оказались заперты, а стальные жалюзи опущены. Табличка на двери гласила «ЗАКРЫТО». Следовало бы прихватить инструмент, решил про себя Кельвин. Впрочем, обойдемся и без него. Этим вечером для него ничего невозможного не было; этим вечером он буквально мог творить чудеса. Он всего лишь представил себе

то, что ему сейчас хотелось сделать, потом глубоко выдохнул — и сырым серым туманом втянулся в щель между дверью и косяком. Этот поступок и его самого перепугал до чертиков, а один из зевак схватился за сердце и как подрубленный дуб рухнул на мостовую.

Демонстрационный зал был устлан светлым ковром верблюжьей шерсти, повсюду стояли витрины из полированного стекла, заполненные поблескивавшим антиквариатом: вот лакированное пианино красного дерева, некогда принадлежавшее Родольфо Валентино, а эта латунная кровать — имущество Мэри Пикфорд, вот прикроватная лампа с колпаками в виде цветов роз — некогда бывшая собственностью Вивьен Ли. Свет фар, порой проскальзывавший по потолку, выхватывал из темноты серебряные, латунные, бронзовые редкости. А из глубины магазина, из-за двери, которая вела в короткий коридорчик к офису хозяина магазина, до Кельвина доносился знакомый голос.

—... да... да... все, что вы говорите, — это чудесно и просто замечательно, мистер Фрэйзер, — говорил мистер Марко, — да, да... я же сказал, что слышу и прекрасно понимаю все, что вы мне говорите, но не уступлю. На эту вещь у меня есть покупатель, и если я хочу ее продать, то передача должна состояться самое

позднее завтра во второй половине дня. — Затем последовало несколько секунд паузы. — Вот именно, мистер Фрэйзер. Мне наплевать, как ваши люди достанут дневник Флинна. Но я надеюсь, что завтра к двум часам дня он будет у меня на столе. Понятно?..

На губах Кельвина заиграла улыбка. Бесшумно, как дым, он пересек демонстрационный зал, вступил в коридор и приблизился к закрытой двери офиса Марко.

Он совсем было уже собрался повернуть ручку двери, как вдруг услышал, что мистер Марко положил трубку.

— Ну, мистер Кроули, — сказал Марко, — на чем мы остановились? Ах да; проблема нашего дражайшего Кельвина Доуса. Я очень боюсь, что мы вряд ли сможем положиться на его скромность — он не станет молчать, столкнувшись с превратностями судьбы. Так что помогите судьбе, голубчик. Где он живет, мистер Кроули, вам известно. К вашему возвращению деньги будут приготовлены...

Кельвин протянул руку, схватился за ручку двери и дернул на себя. К его изумлению и неопишуемому торжеству, дверь целиком слетела с петель.

Увидев его, Марко, который сидел за массивным письменным столом красного дерева, втиснув свои триста фунтов в кресло со льви-

ными мордами, издал испуганный писк. Черные маслины его глаз чуть не выскочили из орбит. Кроули, который листал в углу журнал, распрямился во весь свой огромный рост, словно отпущенная пружина. Под его густыми черными бровями глаза мерцали как холодные алмазы. Кроули сунул было руку под клетчатую спортивную куртку, но Кельвин единственным взглядом приковал его к месту.

Лицо Марко приобрело цвет плесневелого сыра.

— Кто... кто вы? — проговорил он дрожащим голосом. — Что в-вам н-нужно?

— Неужели вы меня не узнаете? — голос Кельвина был мрачным и мягким, как черный бархат. — Я же Кельвин Доус, мистер Марко.

— Кэль... вин? — На двойной подбородок мистера Марко вылетела ниточка слюны, она же сорвалась на лацкан угольно-серого костюма от братьев Брукс. — Нет! Не может быть!

— И тем не менее это так. — Кельвин усмехнулся и почувствовал, как из его десен в предвкушении обеда выдвигаются клыки. — Я пришел за возмещением своего долга, мистер Марко.

— Убей его! — пронзительно взвизгнул Марко, взглянув на Кроули. — Убей сейчас же!

Еще не оправившийся от потрясения Кро-

ули машинально выхватил из скрытой под курткой кобуры автоматический пистолет сорок пятого калибра и ткнул его Кельвину под ребра. Времени отпрыгнуть у Кельвина не было — палец Кроули уже судорожно жал на курок. Грянули два выстрела, и Кельвин ощутил еле уловимый жар. Так же быстро ощущение исчезло. Он обернулся, позади, сквозь завесу синего дыма, в стене виднелись два пулевых отверстия. Кельвин не вполне понимал, почему ему тут же не разворотило живот, видно, это и впрямь была ночь чудес.

Он сграбастал Кроули за шиворот и одной рукой швырнул через комнату, будто набитое соломой пугало. Громила с истошным ревом врезался в противоположную стену и рухнул на пол. Однако надолго он не залежался. Пытаясь в руках и ногах, он на четвереньках, точно огромный краб, лихорадочно прополз мимо Кельвина и умчался вдаль по коридору.

— Кроули! — завопил Марко, пытаясь выбраться из кресла. — Не бросай меня!

Кельвин взялся за стол и без малейшего усилия, словно махина красного дерева была соткана из паутины, толкнул стол вперед и пригвоздил тучного Марко к креслу.

Антиквар обреченно заскулил, глаза его плавали в глазницах, налитых влагой. Кельвин улыбнулся, и его ухмылка напоминала оскал черепа.

— А сейчас, — интригующе прошептал он, — пришло время платить по счетам. — Он протянул руку и, ухватив толстяка за галстук, стал медленно затягивать его, так что в конце концов лицо мистера Марко стало походить на красный пятнистый воздушный шар. Потом Кельвин грациозно подался вперед, словно стремясь сорвать прощальный поцелуй с уст красотицы, и погрузил клыки в пульсирующую яремную вену антиквара. Из углов его рта закапала ударившая фонтаном кровь. Несколько мгновений спустя труп Марко, потерявший, казалось, добрую половину веса, обмяк в кресле, ссутулив плечи и раскинув руки, будто полностью сдался на милость победителя.

Кельвин на миг задержал взгляд на безжизненном теле. Внезапно у него из-под лопатки поднялась волна тошноты, голова закружилась. Кельвин почувствовал, что не владеет собой, что затерялся в еще более глубоком сумраке. Он развернулся и, спотыкаясь, выбрался в коридор. Там он согнулся пополам, и его вырвало. Наружу ничего не вышло, однако вкус крови во рту заставил Кельвина пожалеть, что у него нету мыла. «Что я натворил?» — подумал он, привалясь к стене.

По лицу его каплями стекал пот, рубаха липла к спине. Он опустил взгляд к своему боку. В центре сорочки красовались две доро-

венные дыры с обожженными порохом краями. «Это должно было бы убить меня, — осознал Кельвин. — Отчего же не убило? Как я попал сюда, в магазин? Почему я имеенно так разделался с мистером Марко?» Он сплюнул раз, другой, потом еще и еще. Рассудок мутился от вкуса крови. Кельвин потыкал пальцем в десны. Клыки исчезли, зубы опять пришли в норму. Вообще все пришло в норму.

«Во что меня превратила эта коробка с гримом?» — на мгновение задумался Кельвин. Он носовым платком вытер с лица пот и вернулся опять в офис. Нет, это не сон. Мистер Марко по-прежнему был мертв, а в стене по-прежнему красовались два пулевых отверстия. Кельвин задумался, где же Марко держит деньги, поскольку эта вещь на том свете без надобности. Он перегнулся через стол, избегая неподвижного взгляда вытаращенных глаз, и принялся рыться в ящиках. В нижнем, под всевозможными бумагами и прочей дребеденью, лежал белый конверт с напечатанной на нем фамилией Кроули. Кельвин заглянул внутрь. Сердце его буквально подпрыгнуло в груди: в конверте лежало самое малое пять тысяч долларов. «Вот, наверное, те бабки, которыми Кроули собирались заплатить за мою смерть», — подумал Кельвин. Он взял деньги и кинулся бежать.

Спустя четверть часа он тормозил на стоянке у «Клуба Зум».

В красном свете неоновой вывески он, трясаясь от счастья, вновь пересчитал деньги. Пять с половиной тысяч баксов! Такой кучи денег Кельвин не видел никогда в жизни.

Ему отчаянно хотелось пива — смыть стоящий во рту вкус крови. Да и Дэйни, скорее всего, уже в клубе, танцует себе. Сунув деньги в задний карман, он заспешил через стоянку к входу в клуб. Внутри словно ополоумевшие молнии сверкали цветные фонари-мигалки. Откуда-то из темноты гремел музыкальный синтезатор, дробь басового барабана болезненно отдавалась в еще не успокоившемся желудке Кельвина. У стойки и за рассыпанными по залу столиками сидели редкие посетители. Они потягивали пиво и флегматично смотрели на сцену, где равнодушно вращала бедрами одна из девиц. Кельвин взобрался на табурет у стойки и сказал бармену:

— Эй, Майк! Дай-ка пивка. Дэйни уже здесь?

— Да. Она там, за сценой. — Майк подтолкнул к нему кружку с пивом, потом нахмурился. — Ты в порядке, Кел? Вид у тебя такой, точно ты привидение увидел.

— У меня все ништяк. Или будет полный ништяк, как только прикончу твое пойло. —

Кельвин одним глотком осушил больше половины кружки и хорошенько прополоскал рот. — Так-то оно лучше.

— Что лучше, Кел?

— А ничего. Забудь об этом. Расслабься. Мать честная, ну и холодно же тут у вас!

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — с искренней тревогой в голосе осведомился Майк. — Здесь небось градусов тридцать. Кондиционер сегодня под вечер опять сдох.

— Ты за меня не волнуйся. У меня все о'кей. А как увижу свою деточку, станет еще лучше.

— Хм, — покачал головой Майк и стер тряпкой пивные брызги со стойки. — Я слышал, что на той неделе ты купил Дэйни подорок, золотую цепочку. Сильно разорился?

— Примерно на сотку. Впрочем, потратиться на нее стоило. Хотя бы просто, чтобы увидеть, как моя прелесть улыбнется... Я хочу подговорить ее смотаться со мной в Мексику на пару недель.

— А-а-а, — протянул Майк, продолжая стирать со стойки теперь уже воображаемые брызги. Наконец он поглядел прямо в глаза Кельвину и сказал: — Хочешь напрямому? Ты хороший парень, Кел. От тебя тут ни разу не было неприятностей. Могу точно сказать, ты — мужик что надо.

— Ты к чему это клонишь?

— Да так, просто... Ну ладно! С души воротит, как подумаю, что тебя ждет в самом скором времени. Мочи нет на это смотреть.

— Н-да? И что же это значит?

Майк пожал плечами.

— Давно ты знаешь Дэйни, Кел? Несколько недель? Знаешь, сколько таких вот прошло мимо этой вот стойки? Все эти девки вроде нее приходят и уходят. Нынче тут, завтра там. Само собой, поглядеть на них приятно: все они красотки. Да только они торгуют своей наружностью так, точно их тела — недвижность в прибрежной полосе Малибу. Понял, к чему я клоню?

— Нет.

— Ладно. Как мужчина мужчине. Подружески, о'кей? Дэйни из тех, кто берет за это бабки, Кел. У нее на веревочке кроме тебя пять, не то шесть парней. Она высосет тебя до суха и пинком выкинет на помойку.

Кельвин заморгал; в животе у него опять бурлило.

— Ты... ты врешь!

— Вот тебе святой истинный крест. Малютка Дэйни просто-напросто играет тобой, Кел; то вытянет, то макнет — точно рыбку с крючком в брюхе...

— Врешь! Кто тебе дал право так гово-

ритель! — Кельвин с пылающим лицом поднялся со своего места и перегнулся через стойку к бармену. — Все это вранье! Небось хочешь, чтоб я от нее отступился, чтобы тебе досталось? Что, подвернулся удобный случай? Держи карман шире. Я пошел к ней. А ты и не пытайся меня остановить! — Он двинулся прочь от стойки. Голова шла кругом, как волчок.

— Слышишь, парень, — тихо сказал Майк, и в его тоне звучала ирония, — Дэйни не одна.

Но Кельвин уже шел за сцену, за черный занавес, к раздевалкам.

Третья дверь по коридору вела в комнату Дэйни. Уже собравшись постучать, Кельвин услышал сочный, раскатистый мужской смех и застыл, сжав руку в кулак.

— Кольцо с бриллиантом? — говорил мужчина. — Это правда? Ты не шутишь!

— Клянусь Богом, Макс! — отвечал голос Дэйни. Такой теплоты Кельвин никогда в нем не слышал. — На прошлой неделе этот старый хмырь подарил мне бриллиантовое кольцо! По-моему, когда-то он работал в Эн-Би-Си или Эй-Би-Си — в общем, в какой-то из этих «Си». Да ну, какая разница — теперь он все равно вышел в тираж. Так вот, знаешь, в чем он ложится в постель? В носках на подтяжках с резинками! Представляешь! Он клялся, что хочет на мне жениться. Наверное, не шутил —

в ломбарде за это колечко дали шесть сотен.

— Да ну? Тогда где моя доля?

— Потом, малыш, потом. После работы буду у тебя, договорились? Если ты предложишь мне принять душ, то я может быть пушу тебя потереть мне спинку, а?

Наступило долгое молчание, и Кельвин слышал скрип собственных зубов.

— Конечно, детка, — наконец сказал Макс. — Какой ты сегодня хочешь, черный или красный?

В этот момент Кельвин готов был пошлить дверь головой, но вместо этого он повернулся и бросился бежать. В голове его назревало извержение вулкана. Он промчался через весь зал, мимо стойки, мимо Майка, за дверь, к своей машине.

«А я-то думал, что она меня любит! — бушевал он, с визгом тормозов выезжая со стоянки. — Подлая тварь! Она всю дорогу играла мной, держала за фраера!»

Стиснув рулевое колесо так, что суставы пальцев побелели, Кельвин втопил акселератор в пол.

К той минуте, как он заперся в своей квартире, включил приемник и рухнул на диван, вулкан уже взорвался, наполнив жилы кипящей лавой ненависти. «О, это сладкое слово — месть, — думал Кельвин. Боевой клич Сатаны

теперь был клеймом выжжен в его душе. — Как же так произошло? — недоумевал он. — Отчего? Зачем? Почему я вечно оказываюсь ничтожным коротышкой?»

Он вдруг приподнял голову и поглядел на коробочку с гримом. Она опять была открыта, а серебряный скрюченный палец манил к себе.

— Ты приносишь мне несчастья! — заорал на нее Кельвин. Однако теперь он знал, что тут кроется нечто большее. Гораздо большее, чем просто плохая примета! Этот набор красок был странным, быть может, немного недобрым, но в них, в этих баночках, обитало могущество... возможно, и месть тоже.

«Нет! — сказал он себе. — Я больше никогда не воспользуюсь им. Куда у меня едет крыша, если я думаю, будто коробка с гримом даст мне желаемое? Или я становлюсь просто психом?» Он уставился на футляр расширившимися глазами.

Эта коробка была чем-то странным, жутким — товаром из волшебной лавки Люцифера. Но товар этот был вполне реален. Кельвин сознавал, что в заднем кармане брюк у него — свернутые в трубочку деньги, что рубашка его пробита пулями, а на теле ни царапины. «От черта ли этот ящик или от марсиан, — подумал он, — но он может дать мне то, чего я хочу».

Сунув руку в коробку, Кельвин наугад вынул баночку. На ней стоял номер 13. С шумом втянув носом воздух, он, принюхавшись к крему, обнаружил, что тот пахнет грязным кирпичом, скользкими от дождя улицами, фонарями на китовом жиру... Он ткнул пальцем в густую красно-коричневую массу и на миг задержал на ней остановившийся взгляд. Запах этот не просто кружил голову, он еще и рождал... — бешенство!

Кельвин неторопливо размазал грим по щекам, втер его в лоб, в шею, в тело. В глазах его медленно разгоралась маниакальная решимость. Зачерпнув еще грима, он принялся втирать его в плечи, грудь, руки. Этот грим был жгучим, как безумная страсть, он рождал безумные фантазии и стремления.

Крышка коробки сама собою упала, и щелкнул вставший на место замок.

Кельвин с улыбкой поднялся и шагнул к буфету. Выдвинув ящик, он достал остро наточенный мясницкий нож. «Так, — с торжеством принятого решения подумал он. — Так, мисс Дэйни-Подстилка, никак, пришла пора и тебе получить по заслугам, а? Нельзя же допустить, чтоб дамочки вроде тебя шлялись по улицам, вихляя задницами, и, точно уличные торговки, старались всучить свой сладенький товар всякому, кто назначит цену повыше, а, голубушка? Не-ет, ежели мне дадут хоть словом об-

молвиться на этот счет, я решительно против!»

И Кельвин заспешил прочь из квартиры, к машине — у него был вид человека, выполняющего чрезвычайно важную, не терпящую отлагательств миссию. Он должен был отомстить за поруганную Любовь.

Он ждал Дэйни в глубокой тени за «Клубом Зум». Девушка вышла в самом начале третьего. Она была одна, и Кельвин этому искренне порадовался, ведь с Максом он не ссорился. Его предала вот эта тварь — очень красивая девушка с длинными светлыми волосами, искрящимися голубыми глазами и чувственными пухлыми губками на прелестном овальном личике. Сегодня она надела чудо-создание — зеленое платье с разрезами, выставившими напоказ шелковистые бедра.

«Наряд блудницы», — осуждающе подумал Кельвин, наблюдая, как Дэйни, крадучись, переходит через стоянку.

Кельвин выступил из темноты, держа нож за спиной, точно желая удивить девушку сверкающей и блестящей игрушкой.

— Дэйни? — улыбаясь, шепнул он. — Дэйни, любовь моя?

Она круто обернулась.

— Кто здесь?

Кельвин стоял между тьмой и красной круговертью неоновой вывески. В этих сполохах его глаза мерцали как кровавые лужицы.

— Это я, твой верный возлюбленный, Дэйни, — сказал он. — Твой возлюбленный пришел забрать тебя в Рай.

— Кельвин? — с изумлением прошептала она, делая шаг назад. — А что ты здесь делаешь? И почему... почему у тебя такое лицо?

— Я кое-что принес тебе, любовь моя, — негромко проговорил он. — Иди ко мне, я отдам тебе это. Ну же, миленькая, не робей.

— Что с тобой, Кельвин? Ты пугаешь меня.

— Пугаю? Да что ты? С чего бы это? Это же я, твой голубчик Кэл, пришел поцеловать тебя и пожелать доброй ночи. И принес такую забавную штучку. Красивую и блестящую. Иди посмотри.

Дэйни медлила, бросая взгляды на безлюдный бульвар.

— Ну же, — сказал Кельвин. — Никто не сделает тебе подарка приятней.

По лицу Дэйни пробежала смущенная, неуверенная улыбка.

— Что ты принес мне, Кельвин? А? Еще одно ожерелье? Давай поглядим!

— Я держу его за спиной. Иди сюда, любушка. Иди посмотри.

Любопытство и алчность возобладали над осторожностью, и Дэйни нехотя шагнула вперед. Глаза ее блестели, как у испуганной оленихи. Поравнявшись с Кельвином, она протянула руку.

— Надеюсь, что эта вещица будет такой же милой, как и то ожерелье, Кэл...

Кельвин крепко схватил девушку за запястье и рванул на себя. Когда голова Дэйни запрокинулась, он вспорол ножом подставленное ему беззащитное горло. Даже не пискнув, девушка покачнулась и начала падать, но ее тело не успело коснуться земли — Кельвин оттащил ее за здание клуба, чтобы приятно провести время.

Наслаждался он добрых полчаса и, закончив, посмотрел на остывающий труп и пожалел, что не прихватил карандаш и бумагу, оставить записку. Он знал, что в ней было бы: «Вам придется хорошенечко подумать, чтобы поймать меня. Стать хитрыми, как лисы. Из глубин Ада — Ваш Кел-Потрошитель».

Он вытер лезвие о тело Дэйни, сел в машину и поехал в Хэнкок-Парк, где бросил оружие убийства в смоляные ямы Ла-Бреа. Потом им овладела тошнотворная слабость, и он без сил опустился на траву, подтянув колени к самой груди. Когда он понял, что весь перед рубашки у него залит кровью, его забила мучительная крупная дрожь. Надергав полные горсти травы, Кельвин постарался оттереть большую часть крови. Потом улегся на землю (в висках его все гудело и стучало) и, несмотря на боль, попытался поразмыслить.

«О Боже! — думал он. — Что за набор грима попал ко мне в руки? Кто сотворил эту коробку? Кто заколдовал баночки, тюбики и карандаши?» Да, это было волшебство — но волшебство недоброе, обернувшееся злое-

щим, уродливым, опасным. Кельвин припомнил: мистер Марко говорил, что этот набор принадлежал актеру по имени Кронстэйн, игравшему в фильмах ужасов, и что этот Кронстэйн прославился своим гримом, масками монстров. От внезапной жуткой мысли Кельвин похолодел: сколько же в этих масках было от грима, а сколько — настоящего? Быть может, половина на половину? Когда наносишь грим, сущность чудовища голодной пиявкой впивается в тебя, а потом, насытившись, досыта напивавшись кровью и злом, ослабляет хватку и отваливается? «Там, в офисе мистера Марко, — подумал Кельвин, — я действительно был отчасти вампиром. А потом, на стоянке у «Клуба Зум» — Джеком-Потрошителем. В этих баночках, — подумал он, — не просто грим; в этих кремах и пастах живут подлинные чудовища, они ждут, чтобы их разбудили мои желания, страсти, мое... злое начало».

«Я должен избавиться от этой коробки, — решил он. — Я должен вышвырнуть ее, пока она не успела меня уничтожить!» — Он поднялся и побежал через парк к машине.

Коридор на его этаже был темным, как полночные грезы оборотня.

«Чертовы лампы, что с ними стряслось? — подумал Кельвин, ощупью пробираясь к своей двери. — Вроде бы они горели, когда я уходил?»

И тут в конце коридора очень тихо скрипнула половица.

Кельвин обернулся и вперил взор во мрак, рукой с ключом нашаривая замочную скважину. С неуверенностью подумал он, что, кажется, различает какой-то неясный силуэт. С бешено колотящимся сердцем Кельвин вставил ключ в замок.

И за ничтожную долю секунды до того, как увидел оранжевую вспышку, которую изрыгнуло дуло револьвера сорок пятого калибра, он понял: Кроули. Пуля угодила в косяк, в лицо полетели острые, колючие щепки. Кельвин в ужасе закричал, повернул дверную ручку и влетел в комнату. Едва он успел захлопнуть дверь, как филенку примерно в дюйме от его виска с визгом прошила вторая пуля. Он крутанулся в сторону от двери, пытаясь вжаться в стену.

— Где пять штук зеленых, Доус?! — крикнул Кроули из коридора. — Они мои. Гони денежки, или ты не жилец, мразь, недоросток паскудный! — Центр двери пробила третья пуля, оставив большую дыру с кулак величиной. Потом Кроули принялся бить в дверь ногой. Дверь затряслась на дряхлых петлях. Теперь по всему зданию стоял крик и визг, однако дверь угрожала в любой момент загреметь внутрь. Скоро Кроули окажется в комнате, чтобы сдержать обещание и вогнать в голову Кельвину пару пуль сорок пятого калибра.

Кельвин уловил едва слышное: «щелк».

Он резко обернулся. Серебряная скрюченная рука сама собой отстегнулась; коробка с

гримом была открыта. Кельвин дрожал, как лист во время урагана.

Дверь затрещала и заскулила, возражая против ударов плеча Кроули.

Кельвин смотрел, как она прогибается внутрь почти до точки разлома. Грянул новый выстрел, пуля вдребезги разнесла окно в противоположной стене. Он обернулся и вновь испуганно посмотрел на гримировальный набор.

«Он может спасти меня. Вот чего я хочу, вот что может эта штука...»

— Когда я попаду в комнату, Доус, я вышибу тебе мозги! — ревел Кроули.

В следующую минуту Кельвин очутился в другой половине комнаты. Он схватил баночку под номером 15. Крышка отвинтилась практически сама собой, и ноздрей Кельвина коснулся исходивший от содержимого баночки мшистый аромат горного леса...

Дверь раскололась посередине; указательный палец Кельвина нырнул в баночку.

— Я убью тебя, Доус! — рявкнул Кроули и очередным пинком распахнул дверь.

Кельвин резко обернулся, чтобы встретить нападающего лицом к лицу, но тот в полном ужасе прирос к месту. Кельвин прыгнул, испустив полный звериной ярости вой; его когти прошлись по лицу Кроули, сдирая кожу, оставляя алые полосы. Противники повалились на пол. Зубы Кельвина рвали незащищенное горло жертвы. Опустившись на четвереньки,

он нагнулся над останками Кроули, зубами и когтями срывая мясо с костей. Потом поднял голову и победно завыл. Тело Кроули под ним еще корчилось и содрогалось в конвульсиях.

Тяжело дыша, Кельвин отвалился от Кроули. Тот выглядел так, точно его пропустили через мясорубку. Подрагивающие руки и ноги уже начинали коченеть. В здании царил невообразимый шум, с нижних этажей неслись вопли, крики, визг. Кельвин расслышал быстро приближающуюся полицейскую сирену, но страха не испытал. Он совершенно не боялся.

Поднявшись, он перешагнул лужу крови и заглянул в гримировальный набор Арлана Кронстэйна. Внутри него таились власть, могущество, сила. Сотни личин, сотни масок. С этой штукой его больше никогда не назовут плюгавым коротышкой. Спрятаться от легавых ему теперь будет раз плюнуть. Как нечего делать. Стоит только пожелать. Кельвин взял баночку номер 19. Отвинтив крышечку, понюхал белый, почти прозрачный грим, и понял, что тот пахнет... пустотой. Он размазал его по лицу, по рукам. «Спрячь меня, — подумал он. — Спрячь». Сирена умолкла перед самым домом. «Скорее! — скомандовал Кельвин той непонятной силе, что правила содержимым ящичка. — Сделай так, чтобы я... исчез».

Крышка упала.

Серебряная скрюченная рука со щелчком, похожим на шепот, стала на место.

Двое сотрудников лос-анджелесского полицейского управления, Ортега и Маллинэкс, отродясь не видели человека, растерзанного так, как был растерзан труп, лежавший на полу этой квартиры. Ортега нагнулся над телом, морщась от тошноты.

— Этот парень давно уж покойник, — сказал он. — Вызови-ка лучше машину из морга.

— А это что? — спросил Маллинэкс, стараясь не наступить в поблескивающую лужу крови, сочившейся из истерзанного трупа. Он отпер стоявшую на столе черную коробку и поднял крышку. — С виду вроде... театральный грим, — негромко сказал он. — Эй, Луис! Эта штука соответствует описанию той, которую прошлой ночью увели из Музея Воспоминаний.

— А? — Ортега подошел взглянуть. — Господи Иисусе, Фил! Она самая! Это вещица Арлана Кронстэйна, помнишь такого?

— Не-а. Куда провалилась эта хозяйка?

— Думаю, еще блюет, — сказал Ортега. Он подобрал открытую баночку, понюхал содержимое, потом бросил ее обратно в коробку. — Я, наверное, видел все фильмы ужасов, в которых только довелось сниматься Кронстэйну. — Он тревожно посмотрел на труп и вздрогнул. — Кстати говоря, амиго, этот парень выглядит точь-в-точь как то, что осталось от одной из жертв Кронстэйна в «Мести оборотня». Что могло так распотрошить человека, Фил?

— Не знаю. И не пытайся меня напугать. — Маллинэкс повернул голову и устался на что-то другое, лежавшее на полу за диваном-кроватью с неубранной постелью. — Боже ты мой, — тихо проговорил он, — ты погляди! — Он сделал несколько шагов вперед и остановился, сузив глаза. — Луис, ты ничего не слышал?

— А? Нет. Что это там? Шмутье?

— Ага. — Маллинэкс нагнулся, хмурия брови. Перед ним, еще сохраняя форму человеческого тела, распростерлась рубаша. Штаны. Ботинки — неразвязанные шнурки, носки. Ремень и молния на брюках тоже были застегнуты.

Заметив на подоле рубашки пятна крови и что-то вроде прожженных сигаретой дыр, Маллинэкс вытащил ее из брюк и увидел внутри штанов трусы.

— Занятно, — сказал он. — Чертовски занятно...

Глаза у Ортеги были большими, как блюдца.

— Ага. Забавно. Как в той картине с Кронстэйном... «Возвращение человека-невидимки». Он там оставил одежду в точности так и... э...

— По-моему, нам понадобится помощь, — сказал Маллинэкс и поднялся. Его лицо приобрело мучнисто-серый цвет, и глядел он мимо Ортеги, на пухлую женщину в халате и бигуди, стоявшую в дверях. Она с отвратительным жадным интересом глазела на труп.

— Миссис Джонстон? — поинтересовался Маллинэкс. — Чья, вы говорите, это квартира?

— Ке... Кель... Кельвина Доуса, — заикаясь, выдавила миссис Джонстон. — Он никогда не платит вовремя.

— Вы уверены, что на полу — не он?

— Да. Он... некрупный мужчина. Мне примерно до подбородка. Ох, по-моему, мой желудок сейчас взорвется! — Пошатываясь и шаркая тапочками, она покинула комнату.

— Мама родная, что за бардак! Эти пустые шмутки... говорю тебе, прямоком из «Возвращения человека-невидимки».

— Ага. Ладно, наверное, можно уже отправить эту штуку туда, где ей место. — Маллинэкс постукал пальцем по черной коробке с гримом. — Так, говоришь, она принадлежала актеру из фильмов ужасов?

— Точно. Давным-давно. Теперь небось вся эта ерунда годится только на помойку. — Ортега слабо улыбнулся. — Дрянь, из которой делают грезы, верно? Пацаном я почти все картины Кронстэйна посмотрел по два раза. Про человека-невидимку, например. А потом он снялся еще в одной — тоже было нечто! — под названием... погоди-ка... «Человек, который съезжился». Вот это был класс! Про одного чувака, который стал ростом с таракана.

— Я в фильмах ужасов понимаю слабо, —

сказал Маллинэкс. Он провел пальцем по серебряной руке. — У меня от них мурашки. Почему бы тебе не побыть тут с нашим приятелем-жмуриком, покуда я свяжусь с моргом? — Он сделал пару шагов вперед и остановился. Что-то тут было не так, странно...

Он прислонился к разбитому косяку и осмотрел свою подметку.

— Хм! — сказал он. — На что это я наступил?

A decorative border surrounds the central text area. It features a repeating pattern of stylized skulls and leaves, with some skulls appearing inside circular frames. The border is composed of two parallel lines with the decorative elements in between.

Роберт Р.Маккоммон

ГОРОД ГИБЕЛИ

Гром прокатился сквозь все его тело, сквозь каждую его косточку, и он пробудился с памятью об этом громе.

Вокруг было тихо. Весь дом был погружен в тишину, и будильник не зазвонил.

«Неужто на работу опоздал!» — в отчаянии забилась в мозг мысль, пораженная стрелой безнадежного ужаса.

«Эге, нет, тут что-то не то... Нет, нет... погоди чуток...» — Он протер глаза, прогоняя застилавший их туман, и лишь тогда в голове что-то прояснилось. Во рту все еще отчетливо держался привкус лука из вчерашнего мясного пирога. А всем известно (и он это ЗНАЛ совершенно точно), что День Мясного Пирога — по пятницам.

Значит, сегодня — суббота! Слава тебе Господи, в офис пилить не надо. «Фф-уф, — облегчение мягко распространилось по телу, — а теперь успокойся... расслабься...»

Боже ты мой, ну и кошмар же приснился ему! Сон уже таял, невнятный и весь перемешанный в сознании, однако в памяти еще жила его странная, отвратительная суть, как змея

на поляне оставляет свою сброшенную кожу.

Вдобавок ко всему этой ночью была гроза — Брэд знал это совершенно точно, поскольку, пробудившись от грома, увидел пронзительно-белые сполохи молний и услышал раскатистый гулкий рев грома — за стенами их спальни бушевал самый настоящий ураган. Однако Брэд уже не мог вспомнить, в чем заключался самый кошмар его ночного видения, сейчас он чувствовал только легкое головокружение и некоторую потерю ориентации, словно он только что сошел с безумно разогнавшейся ярмарочной карусели.

Неожиданно ему вспомнилось, как он сел в постели и увидел молнию, настолько ослепительно яркую, что в наступившей следом тьме у него перед глазами замелькали белые пятна. Сара еще что-то такое сказала... Брэд вспомнил, что в этот момент его жена что-то такое сказала... но уже не помнил, что именно...

«Черт побери, — сказал про себя Брэд, уставаясь на противоположную стену спальни, где было окно, выходившее на Бэйлор-стрит. — Что за дьявольщина! Какой странный день! И никто не скажет, что сейчас июнь!» Свет казался скорее зимним, бледным. Он был какой-то... призрачный, жутковато-сероватый. От него рождалось плохое настроение и было немного больно глазам.

Он с трудом выбрался из кровати и прошел через комнату к окну. Отдернув штору, он выглянул на улицу и, вглядываясь, прищурился.

В кронах деревьев, в переулках и над крышами домов по всему городу висело нечто вроде плотного, серого тумана. Туман этот, слабо светясь, неподвижно лежал по всей улице, насколько можно было углядеть; куда ни посмотри, все стало бесцветным, словно что-то слизало отовсюду пестрые краски лета. Брэд поглядел вверх, на небо, пытаясь отыскать солнце. Похоже, оно все же было где-то там, наверху — тусклая лампочка, светившая сквозь грязную вату. Вновь послышались далекие раскаты грома, и Брэд Форбс, зевнув, сказал:

— Сара! Киска, ты только глянь сюда!

Жена не ответила, не шелохнулась. Брэд кинул на нее взгляд. На простыню, белым саваном накрывавшую фигуру жены, выбилась прядь каштановых волос.

— Сара? — осторожно повторил он, сделав шаг в сторону кровати.

И вдруг Брэд совершенно отчетливо вспомнил, ЧТО она сказала прошлой ночью, когда он, еще не совсем очнувшись от сна, сел на кровати и увидел в окне трескучую молнию.

«Мне холодно, холодно...» — жалобно простонала она.

Ухватив простыню за край, Брэд потянул ее к себе.

На том месте, где прошлой ночью спала

его жена, лежал скелет в нежно-голубой кружевной ночной рубашке. К голому высохшему черепу на кусочке кожи цеплялись пряди ломких каштановых волос.

Голубая ночная сорочка Сары топорщилась на ребрах, а вокруг, на белеющих костях и между ними, лежало что-то похожее на высохшие куски коры... Это кожа, понял он, да... это ее кожа. Череп ухмылялся. От кровати исходил горько-сладковатый запах окутанного сизым туманом кладбища.

Брэд что-то жалобно простонал, не спуская оторопевшего взгляда с останков жены, откуда глаза не полезли из орбит. Его череп так распирало изнутри, точно мозги вознамерились взорваться, из прикушенной нижней губы его тоненькой струйкой поползла кровь.

«Мне холодно, — произнесла ночью Сара болезненно хныкающим голосом. — До чего же мне холодно... холодно».

А потом Брэд услышал собственный стон. Он выпустил из рук простыню, попятился, шатаясь, к стене, споткнулся о свои шлепанцы и с размаху шлепнулся на пол. Простыня, ниспадая на скелет, словно вздохнула.

С улицы пророкотал приглушенный туманом гром. Брэд оторопело уставился на костлявую ступню, которая торчала из-под нижнего края простыни, и увидел, как с нее на густой, длинный ворс изумрудно-золотистого ковра, покачиваясь от дуновения воздуха, об-

летают хлопья мертвой высохшей плоти.

Он словно целую вечность просидел так, глядя в одну точку, ничего не соображая и ничего не предпринимая. Неожиданно он пришел в себя. И сразу же в голове промелькнуло, что сидел он не просто так. Может, все это время он хихикал, или всхлипывал, или и то и другое вместе, — Брэда едва не вырвало. Захотелось свернуться в калачик и снова уснуть, вырваться из этого кошмара. Он и в самом деле на несколько секунд закрыл глаза, однако, когда вновь открыл их, в кровати по-прежнему лежал скелет жены, а гром слышался уже гораздо ближе.

Брэд мог бы так просидеть до скончания века, не зазвони у кровати телефон.

Как подброшенный он очутился на ногах и схватил трубку, стараясь не глядеть вниз, на череп с каштановой шевелюрой, не вспоминать, какой красавицей была его — Господи! юная двадцативосьмилетняя! — жена.

— Алло, — произнес он тихим мертвым голосом.

Ему не ответили. В недрах телефонного кабеля Брэд слышал далекие щелчки и гудение.

— Слушаю вас!

В трубке молчали. Правда, теперь там словно — или ему почудилось? — слышалось легкое шелестящее дыхание.

— Эй вы там! — взвизгнул Брэд в трубку. — Ответьте же что-нибудь, черт вас поберет!

Послышалась новая серия щелчков; затем раздался механический безучастный голос:

— Нам очень жаль, но ваш абонент занят или не отвечает. Все линии заняты. Пожалуйста, повесьте трубку и попробуйте перезвонить позже. Вы слушаете автоответчик. Спасибо...

Брэд швырнул трубку на рычаги, от движения воздуха со скул черепа взлетели хлопья кожи.

Босиком, в одних пижамных штанах Брэд выбежал из спальни и ринулся вниз по лестнице, истошно крича:

— Помогите! Спасите! Кто-нибудь!

Оступившись, он покатился кубарем и врезался в стену, но, ухватившись за перила, ухитрился не сломать шею. Ураганом он промчался через парадную дверь на двор, продолжая пронзительно взывать о помощи. Под ногами захрустели опавшие листья.

Брэд остановился и огляделся. Эхо его голоса до сих пор отзывалось по закоулкам Бэйлор-стрит.

Воздух был сырым, неподвижным и каким-то густым, им невозможно было дышать. Брэд вновь уставился на сухие листья, что ковром укрыли серо-бурую траву, которая всего сутки тому назад была зеленой. Внезапно поднявшийся ветер закружил новые сухие листья; Брэд задрал голову к небу. Там, где накануне вечером (перед тем как он, засыпая, закрыл глаза) шелестели листвой зеленые дубы, он увидел голые серые ветви.

— ПОМОГИТЕ! — пронзительно крикнул он. — КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Но на его призыв никто не откликнулся — ни в доме, где жили Пэйты, ни Уокеры, ни Кроуфорды, ни Леманы. Улица была недвижна и безлюдна, ни живой души, и, стоя под листопадом в июне седьмого числа, Брэд почувствовал, как что-то упало ему в волосы. Он поднял руку, вытащил предмет и взглянул на то, что держал в руке: это был скелет птицы с несколькими бесцветными перышками, прицепившимися к костям.

Он стряхнул косточки с ладони и принялся лихорадочно вытирать ее о пижамные штаны. Потом он услышал, как у него в доме вновь зазвонил телефон.

Он кинулся к аппарату, стоявшему в глубине первого этажа, на кухне, схватил трубку и задышавшись, затараторил:

— Помогите! Прошу вас... я на Бэйлор-стрит! Пожалуйста, помо...

Он прервался, услышав в трубке потрескивание, странный шум сродни вою пронизывающего ветра, а в самой глубине проводов — словно чье-то шелестящее дыхание.

Он тоже притих. Молчание затягивалось. Наконец Брэд не вытерпел и спросил напряженным шепотом:

— Кто это? — Он прислушался. — Кто здесь?

Раздался щелчок, затем послышался зуммер...

Брэд с силой крутанул цифру «0». Почти немедленно на линии замямлил бестелесный автоматический голос:

— Извините, но сейчас ваш абонент занят или не отвечает... — Обрушив кулак на рычаги, Брэд набрал номер службы спасения — 911.

Но в ответ раздался голос автомата:

— Извините, но сейчас...

Снова стукнув по рычагам кулаком, Брэд стал звонить соседям, Пэйттам, сбился и попытался еще раз, затем еще.

— Извините, но...

Пальцы Брэда опустились сразу на пять цифр.

— Извините...

Брэд с криком вырвал аппарат из стены и запустил через всю кухню, разбив окно над мойкой. В дом рывом ветра понесло сухие листья. Сквозь стеклянные панели двери черного хода Брэд увидел: на обнесенном изгородью заднем дворе что-то лежит. Он вышел. Сердце тяжело стучало, на лице и на груди выступили бисеринки холодного пота.

Неподалеку от конуры среди опавших листьев лежал скелет Сокса — их колли. Вид у собаки был такой, точно ее ободрали до кос-

тей на полушаге. Возле останков, словно снег, белели клочья шерсти.

В пронзительной тишине он вновь услышал, как наверху зазвонил телефон.

И вновь он бросился бежать. Но теперь уже от дома. Он выбежал в калитку заднего двора, на улицу, к парадному крыльцу Пэйтов. Он забарабанил им в дверь, громко призывая на помощь, пока не почувствовал, что вот-вот охрипнет. Тогда он кулаком разбил стекло в двери, не обращая внимания на боль и кровь, просунул руку внутрь и отпер щелкнувший замок.

Ступив за порог, он почуял трупный запах. Словно в этом доме мумифицировалось что-то умершее давным-давно.

В спальне хозяев наверху он обнаружил тесно прижавшиеся друг к дружке скелеты. Третий скелетик — в былые времена Дэйви Пэйт, двенадцатилетний паренек с кудлатой макушкой — лежал в кровати в комнате со стенами, оклеенными афишами Принца и «Ист Севентин». На другой половине комнаты на засыпанном мелким песочком дне аквариума лежали мелкие рыбки косточки.

И только тогда Брэду все стало ясно. Яснее некуда. Он понял, что произошло, и чуть не опустился на колени в усыпальнице Дэйви Пэйта.

Этой ночью к ним в городок пришла смерть. И унесла с собой в ад всех, кроме него, Брэда.

Но если это так... тогда кто же — или ЧТО же — набирало номер его телефона? Кто прислушивался к его воплям на другом конце провода? Кто... или... Боже милостивый, что?

Брэд этого не знал, но вдруг спохватился — он же сообщил этому неизвестному, что все еще находится на Бэйлор-стрит. Быть может, прошлой ночью Смерть скосила всех, прозевав его, а теперь... Теперь, прознав, что Брэд до сих пор обретается на Бэйлор-стрит, придет за ним.

Брэд пулей вылетел из соседского дома, промчался по опавшей листве, забившей сточные канавы, и направился на восток, к центру города.

И снова поднялся ветер — немного сонно, лениво, тяжело; он всколыхнул сырой туман, и тогда Брэд разглядел, что небо впереди залито кровавым багрянцем. Позади, будто нагоняя его шаги, грохотал гром. По щекам Брэда струились слезы.

«Мне холодно, прошептала прошлой ночью Сара. Мне холодно». Это Смерть коснулась ее своим костлявым пальцем и, прозевав Брэда, отправилась скитаться в ночи. «Мне холодно», сказала Сара. Больше ей никогда уже не придется согреться.

Брэд выбежал к двум столкнувшимся на мостовой автомобилям. За баранками лежали одетые скелеты. Чуть поодаль из-под листьев едва виднелся скелет крупного пса. Над головой застонали, заскрипели деревья — их ветви

пропарывали в густом тумане дыры, в которые заглядывало кровавое небо. Вновь налетел ветер.

«Вот он Конец света, — подумал Брэд. — Настал Судный День. Нынче ночью и грешники, и праведники равно обратились в прах. В живых остался я один. Я один, и Смерть знает, что я на Бэйлор-стрит».

— Мама!

Плачущий детский голос пронзил Брэда. Поскользнувшись на листьях, он остановился, как вкопанный.

— Мамочка! — повторил искаженный низко стелющимся над землей туманом голосок. Ему вторило эхо. — Папочка! Кто-нибудь... помогите!

Голос принадлежал маленькой девочке. Она плакала где-то неподалеку. Брэд прислушался, попытавшись засечь, откуда он доносится. Сперва ему подумалось, что плач раздается где-то слева, потом — что справа. Впереди, сзади... Брэда одолевали сомнения.

— Я здесь! — громко крикнул он. — Где ты?

Ребенок не ответил, но Брэд все еще слышал его плач.

— Я тебя не обижу! — окликнул он ребенка. — Я стою прямо посреди улицы! Если можешь, иди ко мне!

Он стоял на месте и ждал. Сверху налетел шквал бурых, уже тронутых тленом листьев... Потом Брэд увидел, что справа из тумана к

нему медленно приближается маленькая фигурка. У девочки были русые волосы, завязанные нежно-голубыми лентами в два крысиных хвостика, а на мертвенно-бледном, искаженном ужасом лице блестели промытые слезами дорожки. Девочке было лет пять, может быть, шесть. На ней была розовая пижамка, а в объятиях она крепко сжимала куклу. Примерно в пятнадцати футах от Брэда она остановилась — и уставила на него красные опухшие глаза... может быть, и немного безумные.

— Папа? — прошептала она.

— Ты откуда? — спросил Брэд, все еще не оправившись от потрясения. В Судный день он не ожидал услышать чужой голос, увидеть живым кого-то еще, кроме себя. — Из какого ты дома?

— Из нашего, — ответила она. Нижняя губа у нее дрожала, личико было таким, словно вот-вот сморщится, съежится. — Оттуда. — Она ткнула пальцем в туман, где маячил какой-то увенчанный крышей силуэт здания, потом опять перевела взгляд на Брэда.

— А еще кто-нибудь жив? — продолжал допрашивать он. — Твоя мама? Или папа?

Девочка лишь неподвижно смотрела на него.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Келли Бэрч, — ответила она как во сне. — Наш телефон 633-6949. Пожалуйста... помогите мне... найти полисмена.

Как легко сейчас было бы, подумал Брэд,

свернуться клубком в устилающих улицу листьях и поддаться безумию... но коль скоро в живых осталась еще вот эта девчушка, могут найтись и другие. Возможно, этот ужас постиг только Бэйлор-стрит... или только эту часть городка; может быть, произошел химический или радиационный выброс, или в молнии было что-то страшное, или какое-нибудь супероружие дало осечку. Что бы это ни было, возможно, его действие ограничилось лишь небольшой частью города. «Конечно», — подумал Брэд и усмехнулся, и тут же увидел, что девочка быстро отступила на два шага.

— Все будет хорошо, — пообещал он ей. — Я тебя не обижу. Я иду на Главную улицу. Хочешь пойти со мной?

Келли не отвечала, и Брэд подумал, что девчонка и впрямь свихнулась, но тут губы ее шевельнулись, и она сказала:

— Я ищу... ищу мамочку и папочку. Они пропали. — Она сдержала всхлипывание, но по щекам снова побежали слезы. — Просто... просто оставили в кровати кости и... пропали.

— Пошли. — Он протянул ей руку. — Идем со мной, хорошо? Давай посмотрим, а вдруг мы найдем еще кого-нибудь.

Девочка не сдвинулась с места. Костяшки ее пальчиков, вцепившихся в улыбающуюся куколку, побелели. Откуда-то издалека, с юга до них доносились отдаленные раскаты грома, по черно-багровому небу, как трещина в скале,

змеей проскользнула ослепительно-белая молния. Больше Брэд ждать не мог; он зашагал дальше по улице, но на полшаге остановился и оглянулся. Девочка, припустившая было за ним, тоже встала. К ее косичкам пристали сухие листья.

— Все будет хорошо, — еще раз с наигранной улыбкой пообещал ей Брэд и словно со стороны услышал, до чего же кощунственно и безнравственно прозвучали эти слова. Город — вымер. Его жена Сара, красавица Сара — умерла. Возможно, его жизни сегодня тоже придет конец. Может быть, все живое на планете... Но нет, нет — останавливаться нельзя, надо что-то делать, хотя бы попытаться найти во всем этом какой-то смысл. Он опять двинулся на восток, в сторону центра города. Он не оглядывался, но знал, что Келли вприпрыжку идет следом, держась на четырех-пяти метров.

На перекрестке стояла врезавшаяся в дуб полицейская машина. Капот и ветровое стекло покрывали слои листьев, но Брэд разглядел сидевшие за рулем согбенные костлявые останки в полицейской форме. Самым ужасным было то, что его руки — руки скелета — лежали на руле, словно пытаясь и дальше вести машину. Брэд понял, что какая бы напасть ни обрушилась на город — жесткая радиация, ядовитые химикаты или сам Сатана, широко по-хозяйски прошедший по улицам, — это за-

няло один миг, все человеческие кости и деревья обнажились в мгновение ока, и Брэд снова почувствовал, что сознание его находится на волосок от безумия.

— Попросите полисмена найти маму и папу! — крикнула Келли у него за спиной.

— На Главной улице есть Центральное отделение полиции, туда мы и пойдем, — объяснил он. — Договорились?

Она не ответила, и Брэд тронулся в путь.

Они шли мимо скованных молчанием и неподвижностью домов. У пересечения Бэйлор и Хиллард, где все еще покорно мигал желтый глаз светофора, на земле распростерся скелет в спортивном костюме. Его «кроссовки» были малы Брэду и слишком велики Келли. Не останавливаясь, они прошли мимо. Келли немного поплакала, но потом крепче обхватила куклу и уставилась прямо перед собой заплаканными опухшими глазами.

А потом Брэд услышал — и от страха его сердце вновь тяжело забилося, — как где-то далеко в тумане прозвонил телефон.

Он остановился. Телефон продолжал звонить — тоненько, настойчиво.

— Там кто-то звонит, — тихо сказала Келли, и Брэд понял, что девочка стоит совсем рядом. — Мой номер 633-6949.

Он сделал шаг вперед. Еще один, и еще. Впереди, в тумане, на углу Дэйтон-стрит он разглядел очертания таксофона. Таксофон настойчиво звонил, словно требуя ответа.

Брэд медленно приблизился к таксофону и впился взглядом в трубку, словно та могла оказаться коброй, вставшей на хвост, чтобы нанести удар. Ему не хотелось отвечать на звонок, но его рука сама собой поднялась, пальцы потянулись к трубке. Брэд понял: если на другом конце провода он услышит все то же шелестящее дыхание и жестяной, записанный на пленку голос, то может случиться так, что он начнет кричать и не сумеет остановиться.

Пальцы Брэда обхватили трубку и понесли было ее к уху.

— Эй, парень! — сказал кто-то за его спиной. — Я на твоём месте не стал бы отвечать.

Брэд круто обернулся на пятках, перепуганный до полусмерти.

Через дорогу на кромке тротуара сидел, вытянув перед собой ноги и дымя сигаретой, незнакомый молодой человек.

— Не советую брать трубку, — предостерег он.

Вид человека из плоти и крови странным образом потряс Брэда, словно он забыл, как выглядят люди. Молодому человеку, одетому в грязные вытертые джинсы и темно-зеленую рубашу с закатанными рукавами, было лет двадцать с небольшим. Его русые волосы патлами свисали до плеч, щеки заросли щетиной примерно двухдневной давности. Парень потянулся и, зевнув, сказал:

— Лучше не бери, браток. Это — город гибели.

— Чего?

— Сказано же, город гибели... — Парень поднялся и оказался тощим и долговязым — около шести футов ростом. Он перешел через дорогу, с хрустом ступая по сухим листьям рабочими башмаками, и Брэд заметил на нагрудном кармане парня нашивку, удостоверяющую, что он — сотрудник санитарного департамента. Когда молодой человек подошел поближе, Келли прижалась к ногам Брэда и попыталась спрятаться за куклу.

— Пусть звонит, — сказал парень. Глаза у него были бледно-зеленые, глубоко посаженные и изумленные. — Если ты поднял бы эту штуку, мы бы все пропали пропадом... Говорю же я, что это город ги...

— Что ты заладил одно и то же?

— А так оно и есть. Кто-то пытается разыскать всех отбившихся от стада. Ему чертовски надо настичь оставшихся в живых и закончить работу. Он мечтает смахнуть всех нас метлой в канаву, приятель, ликвидировать всю вселенную...

Он затянулся сигаретой и выпустил в неподвижный воздух облачко дыма.

— А сам-то ты кто? Откуда?

— Звать меня Нейл Спенсер. Ребята кличут Спенсом. Я...

Парень на секунду умолк, уставясь в ту сторону, куда уходила Бэйлор-стрит, затем продолжил.

— Я был мусорщиком. До сегодняшнего

дня, ясный пень. А утром пришел на работу и нашел сидящие в мусоровозах скелеты. Часа так три назад. Я уж тут ходил-ходил, шарил повсюду...

Его пристальный взгляд задержался на девчушке, потом вернулся к Брэду. Таксофон все еще звонил, и Брэд почувствовал, что о его стиснутые зубы колотится крик.

— Кроме вас двоих, я никого живого еще не видел — вы первые, — продолжал Спенс. — А последние минут двадцать или около того я просидел тут. Сидел и дымил одну за одной... А попросту ждал конца света.

— Что... случилось? — срывающимся голосом спросил Брэд. Глаза его жгли слезы. — Боже... Боже мой... что произошло?

— Что-то где-то там разорвалось, — невыразительно откликнулся Спенс. — Лопнуло или бухнуло. Кто-то выиграл последнюю битву и, сдается мне, не тот, кому прочили победу попы. Не знаю. А может быть, мадам Смерть просто устала ждать? Кто знает, может, ей когда-то точно так же вот досадили динозавры, она их и того... Может быть, теперь это происходит с людьми.

— Но где-то тут должны быть другие люди! — воскликнул Брэд. — Не можем же мы быть единственными во всем мире!

— Чего не знаю, того не знаю. — Спенс в последний раз затянулся и выкинул окурок на мостовую. — Знаю одно: ночью в этот мир явилось что-то очень хищное и устроило себе

пир, а когда закончилось, начисто вылизало тарелку. Вот только теперь оно опять проголодалось. — Он кивнул на звонящий телефон. — Хочет обсосать еще косточку-другую. Одним словом, как я и сказал, братан... Город Гибели. Здесь, там, везде. Кругом погибель неминуемая.

Телефон издал последнюю пронзительную трель и умолк.

Брэд услышал, что девочка опять заплакала, и погладил ее по головке, чтобы успокоить. Но тут же понял, что делает это окровавленной рукой.

— Мы... нам надо куда-нибудь пойти... что-нибудь сделать...

— Что делать? И куда идти? — лаконично поинтересовался Спенс. — Готов выслушать ваши предложения, сэр.

На этот раз из соседнего квартала донесся далекий телефонный звонок. Брэд стоял, держа окровавленную руку на голове девочки, и не знал, что и ответить.

— Ну тогда я вам скажу. Идемте со мной в одно местечко, — предложил Спенс. — Сейчас я вам покажу кой-чего по-настоящему интересное. Лады?

Брэд кивнул, и они с Келли поплелись следом за мусорщиком Спенсом на север, мимо молчащих домов и строений Дэйтон-стрит.

Спенс отвел их примерно на четыре квартала, к большому супермаркету «От-Семи-До-Одиннадцати». За кассой, развалиясь, сидел скелет в коротком желтом платье в синий и

бордовыми цветочек. На бесстыдно торчащих из-под подола коленях лежал раскрытый номер «Нэшнл Инкуайзер».

— Вот, прошу, — негромко проговорил Спенс, прихватив с полки пачку «Лаки Страйк», и кивнул в сторону маленького телевизора на прилавке. — Взгляните и скажите мне, что мы должны делать и куда идти?

А телевизор работал — обычный маленький цветной телевизор. Спустя долгую, заполненную молчанием минуту Брэд понял, что канал настроен на одну из тех программ новостей, что выходят в эфир круглосуточно. На экране без движения сидели два скелета — один в сером костюме, второй в пурпурно-красном платье — неловко склонялись над столом напротив центральной камеры; женщина успела положить руку мужчине на плечо; по столу были рассыпаны желтые листки с вечерними новостями. Позади этих двух в глубине павильона виднелись три или четыре скелета, тоже навеки застывшие за своими рабочими столами.

Спенс достал из пачки сигарету и опять закурил. По неподвижному изображению на телевизионном экране проскочила случайная искра.

— Это не просто город, это мир Гибели, — сказал Спенс. — Не только тут, приятель. Везде. Видишь?

Телефон за прилавком вдруг зазвонил, и Брэд, закрыв уши руками, пронзительно закричал.

Звонок оборвался.

Брэд опустил руки. Его дыхание было жестким и хриплым, как у попавшего в ловушку зверя. Кто-то подергал его за пижамную штанину.

Он поглядел вниз, на девочку по имени Келли Бэрч, и увидел, что она улыбается.

— Ничего страшного, — сказала она. — Отвечать было не обязательно. Я ведь и так вас нашла, правда?

— Что-о-о... — прошептал Брэд.

А девушка захихикала. Ее смех постепенно менялся, он становился все энергичнее, мрачнее, он набирал мощь и злобу и наконец превратился в торжествующий вопль, от которого затряслись витрины магазина «От Семи-До-Одиннадцати».

— ГОРОД ГИБЕЛИ! — проревело существо с косичками-хвостиками. Затем его рот растянулся, глаза стали серебряными, холодными и мертвыми, а из жуткой бездонной пасти вылетела ослепительная стрела бело-голубой молнии. Она ударила в Нейла Спенсера, закружила его волчком, сбила с ног и швырнула головой вперед в стекло витрины. Мусорщик грохнулся животом на мостовую. Когда он снова попытался подняться, Брэд Форбс увидел, как плоть на костях юноши расползается, облетая хлопьями, будто иссохшая древесная кора.

Спенс застонал не своим голосом, и Брэд стремглав вылетел из дверей магазина, да так, что чуть не сорвал их с петель. В его босые ступни впились стеклянные занозы. Брэд промчался мимо Нейла: тело последнего в корчах дергалось на мостовой, на запрокинутом черепе появилась ухмылка смерти.

— Не уйдешь! — прокричало позади него существо. — Нет! Нет! Не уйдешь!

Брэд оглянулся и увидел, как из раззявленного рта демона вырвалась и сквозь разбитую витрину метнулась к нему молния. Кинувшись на мостовую, он попытался заползти под припаркованную машину.

Что-то угодило в него, накрыло, точно океанская волна, и Брэд услышал раскатившийся как удар грома рев чудовища. На несколько секунд он ослеп и оглох, но боли не было... только колючая щекотка, угнездившаяся глубоко в костях.

Брэд поднялся, опять побежал и тут заметил, что с рук у него слезает плоть; вниз, медленно покачиваясь,плыли кусочки, отделившиеся от лица. По ногам Брэда побежали трещины, плоть отпала; он увидел свои кости.

— ГОРОД ГИБЕЛИ! — услышал он крик чудовища. — ГОРОД ГИБЕЛИ!

Брэд споткнулся. Плоть его ступней осталась лежать на мостовой, теперь на бегу он

отталкивался от асфальта голыми костями. Он упал, задрожал, скрючился...

— Мне холодно, — услышал он собственный стон. — Холодно...

Она проснулась с мыслью о громе, прокатившемся по каждой ее косточке.

Дом был погружен в тишину. Будильник не прозвонил. Суббота, поняла она. Сегодня работы нет. Выходной. Но, Господи, что за кошмар ей приснился! Теперь сон растворялся — таинственный и мрачный, невнятный. Прошлой ночью была гроза — Сара помнила, как проснулась и увидела вспышку молнии. Но, каков бы ни был кошмар, сейчас она не могла воскресить его в памяти; Сара подумала, что еще она помнит, как Брэд что-то говорил — но что именно, она теперь не могла сообразить...

Какой... странный свет. Он не похож на июньский, больше напоминает... свет зимнего утра.

Сара вылезла из кровати и пересекла комнату. Отдернув белую занавеску, она выглянула и прищурилась.

В кронах деревьев и над крышами домов Бэйлор-стрит висел плотный серый туман. Где-то далеко пророкотал гром, и Сара Форбс сказала:

— Брэд? Дорогой! Глянь-ка сюда!

Но ее муж не ответил, даже не пошевелился. Сара взглянула на него и на простыне, которой он укрылся, точно саваном, увидела копну темных волос.

— Брэд? — снова сказала она и несмело шагнула к кровати.

И вдруг вспомнила, что он говорил прошлой ночью, когда она, не вполне очнувшись от кошмара, села и увидела трескучую молнию.

— Мне холодно... Холодно...

Сара схватила за край простыни и потянула...

Роберт Р.Маккоммон

ЧНКО

— Жизнь — дерьмо! — торжественно объявил Маркус Саломон после очередного изрядного глотка пива.

Он сделал последний глоток и с размаху стукнул глухо звякнувшей бутылкой об ободраный журнальный столик возле своего кресла. Этот звук вспугнул прятавшегося под приподнятым краем переполненной пепельницы таракана, и тот стремглав кинулся бежать в поисках более надежного укрытия.

— Ах ты, мать твою! — рывкнул Саломон, ибо таракан — блестящий, черный экземпляр в добрых два дюйма длиной — перепрыгнул на ручку его кресла и заскользил по ней, неистово перебирая лапками.

Саломон ахнул по таракану пивной бутылкой, но промахнулся. Тот промчался по креслу вниз, очутился на полу и пулей метнулся к одной из спасительных трещин, которые во множестве тянулись вдоль плинтуса.

Маркус Саломон обладал необъятным выпирающим «пивным» брюхом и целой дюжиной подбородков, однако проворства ему было

не занимать; во всяком случае, реакция у него оказалась быстрее, чем ожидал таракан. Выпрыгнув из своего кресла, Саломон грузно протопал по комнате и раздавил таракана ногой, прежде чем тот сумел протиснуться в щель.

— Вот ведь гнида! — заорал Саломон, весь кипя от ярости. — Ну, сволочь черная! — Он перенес на ногу всю тяжесть своего обрюзгшего тела, и раздавшийся звук «чвак!» превратил его свирепую гримасу в добрую довольную ухмылку. — Ну что, поимел я тебя, а? Капут тебе, падло! — Он растер таракана по полу, как окурок, и поднял ногу, чтобы полюбоваться плодами своих трудов.

Таракана разорвало почти пополам, брюшко вдавилось в половицы, а единственная оставшаяся лапка слабо подергивалась.

— Так-то вот тебе, паразит! — назидательно сказал Саломон. Но не успел он договорить, как еще один здоровый черный таракан, выскочив из щели под плинтусом, бодрой рысцой пронесся мимо своего погибшего собрата.

Саломон яростно взревел, так что рев этот сотряс тонкие стены их жилища и завибрировало грязное стекло в открытом окошке, выходящем на пожарную лестницу, и погнался за ним, тяжело бухая ногами об пол. Второй таракан оказался шустрее и хитрее первого — он попытался забраться под вытертый пегий

коврик, лежавший за порогом гостиной, где начинался узкий коридор, ведущий в глубь квартиры. Однако Саломон был убийцей высокой квалификации.

Дважды он промахивался, но на третий раз оглушил таракана, и тот сбился с пути. Четвертый удар башмака об пол смял беднягу; а от пятого таракан лопнул. Саломон со всего размаху опустил на таракана все свои двести тридцать семь фунтов, старательно растирая его по доскам пола. В пол снизу застучали — вероятно, шваброй, — и женский голос прокричал: «Ну, вы там, психи ненормальные! Кончайте стучать! Весь дом развалите, будь он неладен!»

— Я сейчас тебе жопу развалю, морда козлиная! — заорал Саломон, адресуясь к миссис Кардинца, старой выдре, которая жила этажом ниже.

И немедленно возник тонкий, взвинченный до истерического визга голос мистера Кардинца, в котором звучало плохо скрываемое бешенство:

— Не смей так разговаривать с моей женой! Да я сейчас к тебе копов вызову, сволочь!

— Давай-давай, вызывай! — прокричал Саломон и притопнул еще разок. — Может, им захочется потолковать с твоим племянником про то, кто же это в нашем доме толкает наркоту!? Давай, звони, говнюк!

Это несколько уgomонило супругов Кардинца, а Саломон обеими ногами нарочито

громко затопал по полу над самыми их головами. Половицы под его тяжестью пронзительно закрипели.

Но тут за стенкой начал орать сосед справа — пьянчуга Бриджер:

— Да заткнись ты там! Дай человеку поспать, чтоб тебя черти побрали!

Саломон подкрался к стене и заколотил по ней. На улице стояла середина августа, было душно, парило, и воздух в квартире словно бы загустел; лоб Саломона блестел от пота, а футболка его была в мокрых пятнах.

— Сам туда катись! Кого это ты посылаешь к черту? Вот приду, намылю жопу твою тощую, ты...

Внезапно его внимание привлекло движение внизу: по полу, точно надменный черный лимузин, мчался таракан.

— Ах ты, стервец! — взвизгнул Саломон, в два прыжка догнал насекомое и обрушил на него башмак. Для таракана настал Судный День.

Скрипя зубами, Саломон безжалостно давил и давил жучка. Со всех его подбородков капал пот. «Чвак!» — и Саломон размазал внутренности таракана по полу.

Уловив краешком глаза еще какое-то движение, он — сплошная стена живота — обернулся и посмотрел на того, кого считал тараканом другой породы.

— А какого черта тебе надо?

Разумеется, Чико не ответил. Он не умел

говорить. Он на четвереньках вполз в комнату и теперь сидел на корточках, слегка склонив набок непомерно большую голову.

— Эй! — сказал Саломон. — Хочешь, покажу тебе одну хорошую штучку? — Он ухмыльнулся, показав гнилые зубы.

Чико тоже осклабился. С его мясистого смуглого лица глядели разные глаза; один был глубоко посаженный, темный, а другой — совершенно белый: мертвый слепой камушек.

— Взаправду хорошую штучку! Хочешь посмотреть? — Саломон, продолжая ухмыляться, утвердительно качнул головой, и, подражая ему, Чико тоже ухмыльнулся и кивнул. — Тогда иди сюда. Сюда, сюда... — Он показал пальцем на желтые, поблескивающие тараканьи внутренности, лежавшие на полу.

Ничего не подозревающий Чико энергично пополз к Саломону. Тот отступил.

— Вот тут, — сказал он и притронулся к влажно поблескивающей кашеце носком ботинка. — Видишь, какая красота! А на вкус — сладко, как конфетка! Ам-ам! Ну-ка, давай, попробуй!

Чико уже был над желтым мазком. Он всмотрелся в пятно, потом своим единственным темным глазом взглянул снизу вверх вопросительно на Саломона.

— Ам-ам! — повторил Саломон и погладил себя по животу.

Чико нагнул свою огромную голову и высунул язык...

— Чико!

Высокий, нервный женский голос остановил ребенка, прежде чем он добрался до пятна. Чико поднял голову и сел, глядя на мать. Шея дебила под тяжестью головы незамедлительно начала напрягаться, отчего череп склонился несколько набок.

— Не делай этого, — сказала женщина Чико и помотала головой. — Не надо. Нельзя.

Чико заморгал здоровым глазом. Он поджал губы, беззвучно выговорил «нн-эээ» и отполз отдохлого таракана.

София вся дрожала. Она сердито сверкала глазами на Саломона, тонкие руки висели вдоль тела, пальцы были сжаты в кулаки.

— Как ты мог... сделать такое?

Саломон пожал плечами; его ухмылка стала чуть менее широкой, точно рот его был раной, оставленной большим и очень острым ножом.

— Что уж с твоим ребеночком и пошутить нельзя? Я просто шутил, вот и все. Я не позволил бы ему жрать это.

— Иди сюда, Чико, — позвала София, и двенадцатилетний мальчик быстро подполз к матери. Он по-собачьи притулился головой к ее ноге, и София коснулась пальцами курчавых черных волос.

— Уж чересчур всерьез ты все это воспринимаешь, — сказал Саломон и пинком отправил раздавленного таракана в угол.

Ему нравилось убивать тараканов; подби-

рать же их трупы было делом Софии.

— Заткнись, сволочь! — проревел он в стену Бриджеру, который все еще кричал, что в этом гнойнике, в этой чертовой дыре, ни дна ей, ни крыши, человеку никогда не дают выспаться. Бриджер умолк, зная, когда не следует лезть на рожон и искушать судьбу. Этажом ниже чета Кардинца тоже хранила молчание, не желая, чтобы потолок рухнул им на голову.

Но в комнате жили иные звуки, они доносились и из открытого окна, и из нутра убогого дома: неотступный, сводящий с ума рев уличного движения на Ист-Ривер-драйв; два голоса, мужской и женский, громко скандалили на замусоренном бетонном квадрате, который районные власти именовали «парком»; рев пущенного на полную громкость стереомагнитофона; громкое урчанье и стоны перегруженного водопровода и стрекот вентиляторов, которые в жаре и духоте были совершенно бесполезны. Саломон уселся в свое любимое кресло с продавленным сиденьем, из-под которого свисали пружины.

— Притащи-ка мне пивка, — велел он.

— Можешь взять сам.

— Я сказал тебе.. принеси пива!

Маркус повернул голову и уставился на Софию взглядом, в котором горели ярость и смерть.

София выдержала его взгляд. Миниатюрная, темноволосая женщина, с безжизненным

лицом сжала губы и не двинулась с места; похожая на крепкий тростник, гнущийся, но не ломающийся под напором очередной бури.

Толстые костяшки пальцев Саломона за- двигались и сложились в кулаки.

— Если ты вынудишь меня подняться с этого кресла, — спокойно сказал он, — то серьезно пожалеешь об этом.

Софии уже приходилось жалеть о своем упрямстве. Однажды Саломон отвесил ей такую пощечину, что голова у нее три дня гудела, как колокол в церкви «Санта-Марии». В другой раз он швырнул ее к стене и переломал бы ей все кости, не пригрозил ему тогда Бриджер сходить за полицией. Однако хуже всего было в тот раз, когда Саломон пнул ногой Чико и синяк целую неделю не сходил с плеча мальчика. В такой переплет, как сейчас, они угодили из-за нее, а вовсе не из-за мальчика, и всякий раз, когда сын страдал, сердце матери разрывалось от горя.

Саломон оперся руками о подлокотники, приготавливаясь подняться с кресла.

София повернулась, сделала те четыре шага, что отделяли комнату от каморки, которая служила им кухней, и открыла тарахтящий холодильник.

Содержимое его представляло собой сборище объедков: разнообразнейшие остатки и недоеденные куски, коробки со всякой съедобной всячиной и бутылки с пивом, самым дешевым, какое ухитрялся находить Саломон.

Вполне удовлетворенный, тот вновь устроился в кресле, полностью игнорируя Чико, бездумно ползавшего по полу взад-вперед. «Ублюдок, никчемный тараканище, — думал Саломон. — Давно бы следовало раздавить это полоумное отродье. Избавить от убогого существования, от вечных страданий. Да он бы лучше помер, чем жил бы вот так — глухим, немым и полуслепым?» Все равно, рассуждал Саломон, башка у ублюдка пустая, мозгов ни капли. Ходить и то не может. Только ползает на карачках, мешается под ногами, идиот долбаный. Вот если бы он смог выйти из дома да подсуетиться где-нибудь насчет денег, может, тогда можно было бы его уважать, но, насколько понимал Саломон, Чико лишь занимал место, жрал и срал.

— Ты — дерьмо, ноль без палочки, — сказал Саломон и в упор посмотрел на мальчика. Отыскав свой любимый угол, Чико сидел там и ухмылялся.

— И чего это тебе все кажется таким смешным, едрена мать! — фыркнул Саломон. — Повкалывал бы в доках на разгрузке, как я каждый вечер уделываюсь, небось меньше бы скалился, идиот хренов!

София принесла пиво. Он вырвал бутылку у нее из рук, откупорил крышечку, отшвырнул ее и большими, жадными глотками высосал содержимое.

— А ему скажи, чтоб перестал, — велел он Софии.

— Что перестал?

— Скалиться. Скажи, чтоб перестал зубы скалить и еще — чтоб перестал глазеть на меня.

— Чико ничего плохого тебе не делает.

— А меня с души воротит смотреть на его чертову уродскую рожу! — закричал Саломон и в этот миг увидел, как мимо ноги Чико мелькнуло что-то темное: вдоль треснувшего плитуса пробежал таракан. По носу Саломона прокатилась капелька пота, но он утерся раньше, чем она добралась до кончика. — До дего же печет, Господи, — устало пожаловался он. — Не выношу жару. Голова от нее трещит. — В последние недели голова у Маркуса Саломона болела очень часто.

«А все этот треклятый дом, — подумал он. — Будь прокляты эти обшарпанные грязные стены и окошко на пожарную лестницу. Будь прокляты черные волосы этой суки Софии, в тридцать два года уже пронизанные седыми прядями, и отчужденная усмешка ее дебила...» Нет, определенно нужна в этой жизни какая-то перемена, смена обстановки, что ли, не то он сойдет с ума... И вообще, какого черта он связался с этой сварливой бабой и с ее дебильным чадом? Он сам же себе отвечал, и ответ был прост: чтоб было, кому приносить пиво, стирать шмотки и раздвигать ноги, когда Саломону того хотелось. Больше на нее никто бы в этом городе не позарился. Пусть еще благодарит, ножки целует за то, что он терпит ее

ублюдка, ведь тем чистеньким паренькам, которые занимаются соцобеспечением, довольно было бы поставить примерно одну подпись, чтобы упечь Чико в приют к другим таким же кретинам. Саломон погладил прохладной бутылкой лоб. Поглядев в угол, на Чико, он увидел, что мальчишка по-прежнему улыбается. И так Чико мог сидеть часами. В этой его ухмылке было что-то такое, чертовски действовавшее Саломону на нервы... Вдруг вверх по стене позади Чико пробежал здоровенный черный таракан, и Саломон взорвался, словно граната, из которой выдернули чеку.

— К чертям собачьим! — вдруг заорал он и запустил в таракана полупустой пивной бутылкой.

София в ужасе завизжала. Бутылка угодила в стену прямо под тараканом, шестью или семью дюймами выше вздутого черепа Чико, но не разбилась, а упала и покатилась по полу, расплескивая повсюду пиво. Таракан же метнулся вверх по стене и юркнул в щель. Чико продолжал сидеть совершенно неподвижно и ухмылялся.

— Ты совсем уже сдурел! — закричала на Саломона София. — Псих! Идиот! — Она кинулась на колени, прижала сына к себе, и Чико обнял ее своими худыми смуглыми руками.

— А чего он пялит на меня свои тупые зенки! Заставь его отворачиваться, когда я здесь! — Саломон вскочил; его толстое брюхо и подбородки тряслись от неистовой злобы на

все и вся — на Чико, на черных блестящих та-
раканов, которым не было конца, их, словно
восставших из ада, приходилось убивать снова
и снова, на прошитые трещинами стены и ре-
вушую Ист-Ривер-драйв. — Однажды я твоему
ублюдку башку оторву, мама родная не узнает,
вот те святой крест!

София схватила Чико за подбородок и по-
тянула к себе. Тяжелая голова сопротивлялась,
но матери все же удалось отвернуть лицо
мальчика от Саломона. Привалившись голо-
вой к плечу Софии, мальчик испустил тихий
бессильный вздох.

— Все, моченьки моей больше нет с вами
тут сидеть! Достали вы меня, сволочи! Пойду
прогуляюсь, — объявил Саломон.

Настроение у него и впрямь было пога-
ным. Он был внутренне недоволен собой, и не
потому, что он бросил в Чико бутылкой; а за-
тем, что зазря пропало недопитое пиво. Груз-
ными шагами он вышел из комнаты и напра-
вился в конец коридора, к общей уборной.

София вся в слезах укачивала сына в своих
объятиях. «Хватит верещать!» — крикнул кто-
то в коридоре. Где-то играло радио, от стены к
стене гулял громовой рэп. Откуда-то наплывал
горьковато-сладкий запах: это означало, что в
одной из нежилых, заброшенных квартир,
служивших теперь прибежищем наркоманам и
торговцам наркотиками, выпаривали кокаин.
Распоровший привычный шум далекий вой
полицейской сирены немедленно породил за

дверью напротив быстрый испуганный топот, но мало-помалу сирена затихла, и топот прекратился.

Как она докатилась до такого существования, София не знала. Хотя, нет, нет, конечно знала. Все случилось так, как и должно было случиться. Обычная история: от рождения — нищета, оскорбления и жестокие побои от отца — по крайней мере, мать Софии называла так этого пьянчугу. Затем по стандартному сценарию София в четырнадцать лет становилась дешевой проституткой, промышлявшей в испанском Гарлеме. Затем настала пора иглы, кокаина, обчищенных карманов туристов на Сорок второй улице. Обычная история из тех, что, единожды начав разматывать, обратно уже не смотаешь. И хотя за ее короткую жизнь Софии не раз случалось оказываться и на распутье, когда требовалось принять решение... она неизменно выбирала улицу, погруженную во мрак. Пока она чувствовала себя молодой, ее тянуло к острым ощущениям. Кто был отцом Чико, она, честно говоря, не знала: возможно, торговец, который уверял, что сам он из Олбани и что жена к нему охладела, а может быть, толкач героина с Тридцать восьмой улицы, тот, что носил в носу булавы. Хотя это вполне мог быть один из множества безликих клиентов, тенями проходивших сквозь ее одурманенное сознание. Однако София была твердо уверена, что именно за ее грех младенца настигла кара. Наказывая ее за распутство,

Господь так раздул голову младенца еще в утробе и превратил малыша в бессловесного страдальца. Всему этому виной она, грешница, а еще те негодяи, которые однажды спустили ее с лестницы с ребенком на руках. Так текла ее жизнь, и иной у нее не было. Но сейчас она вновь оказалась на распутье. С одной стороны, она привыкла к Саломону, но с другой — боялась и лишиться Чико. Кроме сына, у нее ничего не было и ничего уже не предвиделось. А Саломон, пусть жестокий, бесчувственный и грубый, зато он не выкинет их на улицу и избьет не слишком сильно. Видно, ему так нравится ее пособие по безработице плюс те деньги, которые она получает на содержание ребенка с задержкой в развитии. София любила Чико; он нуждался в ней, и она не желала отдавать его в холодные, равнодушные руки государства.

Прислонившись головой к голове Чико, София прикрыла глаза. Будучи еще совсем маленькой девочкой, она часто мечтала о ребенке... и в мечтах он представлял идеально красивым, счастливым, здоровым мальчуганом, полным любви, благодати и... — чудес! Она пригладила сыну волосы и почувствовала на щеке его пальцы. София открыла глаза и посмотрела на него, на единственный темный глаз и на мертвый, белый. Пальцы Чико легкими касаниями путешествовали по ее лицу; София схватила руку сына и ласково придержала. Пальцы у него были длинные, тонкие.

Руки врача, подумала она. Целителя. Если бы только... если бы только...

София посмотрела в окно. В знойных серых тучах над Ист-Ривер виднелся осколок синевы.

— Знай, все еще переменится, — зашептала она на ухо Чико. — Вся эта грязь и подлость исчезнут. Придет Христос на землю, и все изменится в одно прекрасное мгновение, когда ты меньше всего ожидаешь. Он явится в своих белых одеждах, сыночек мой, и возложит на тебя руки свои... И еще он возложит руки свои на нас обоих, и тогда... О, тогда мы с тобой оба взлетим над этим миром — высоко, высоко... Ты веришь мне?

Чико не сводил с нее здорового глаза, а его ухмылка то появлялась, то исчезала.

— Ибо обещано, — прошептала она. — Будет сотворено все новое. Всяк будет здрав телом и всяк обретет свободу. И мы с тобой, Чико. И мы с тобой...

Входная дверь открылась и с глухим звуком захлопнулась.

— О чем шепчемся? Обо мне? — спросил Саломон, входя в комнату.

— Нет, — ответила она. — Не о тебе.

— Так-то оно к лучшему. А то я тут кое-кому надрал бы жопу.

Это не была даже обычная пустая угроза, а просто разговор, и оба это знали. Саломон протяжно и басовито рыгнул — эта отрыжка походила на дробь большого барабана — и

двинулся через комнату к своему креслу. Прямо перед ним по полу прошмыгнул еще один таракан.

— Едрена вошь! Откуда же эти сволочи лезут, а? Все лезут и лезут...

Впрочем, понятно откуда, в стенах этого проклятого дома обреталась тьма-тьмушая паразитов, и Саломон вел с ними беспощадную борьбу. Однако сколько он ни убивал, квартира продолжала кишеть ими.

Из-под кресла выскочил второй таракан, крупнее первого. Саломон взревел, занес ногу и притопнул. Таракан с перебитой спиной завертелся на месте. Ботинок Саломона опустился вторично, а когда поднялся, таракан остался лежать, превращенный в нечто желтовато-осклизлое, соплеобразное.

— Ей Богу, так и башку потеряешь с этими тварями! — пожаловался Саломон. — Куда ни глянешь, новый таракан сидит!

— Потому что жарница такая, — с готовностью подхватила София. — Они вечно вылазят в такую жару.

— Вот-вот. — Он отер полотенцем потную шею и исподлобья глянул на Чико. На лице того опять играла вечная его ухмылка. — Ну что тут смешного? А, придурок?! Что, черт побери, ты видишь во всем этом смешного?

— Не смей разговаривать с ним так! — вступилась за ребенка София. — Он понимает твой тон.

— Да ни хрена ни в чем не понимает! —

осклабился Саломон. — А все потому, что там, где у всех людей мозги, у него куча дерьма!

София резко выпрямилась и встала напротив Саломона. Желудок у нее сводили спазмы, но лицо оживилось, глаза заблестели. Бывая рядом с Чико, лаская его, просто касаясь его, она постоянно чувствовала себя такой окрыленной, полной надежд...

— Чико — мой сын, — негромко сказала она, но в ее голосе звучала спокойная сила. — Если ты хочешь, чтобы мы ушли, мы уйдем. Только скажи, и мы уберемся отсюда.

— Как уж. Рассказывай сказки!

— Нам уже приходилось жить на улице. — Сердце Софии тяжело колотилось, но слова, вскипая, переливались через край. — Сможем еще пожить.

— Ага, готов поспорить, что люди из службы соцобеспечения будут в восторге!

— Утрясется, — сказала София, и сердце у нее в груди крепко забилося; впервые за очень долгое время она действительно поверила в свои слова. — Вот увидишь.

«Все утрясется», — звонко билась мысль в голове.

— Ага, как же! — хохотнул Саломон. — А кормить вас ангелы будут? Покажи мне еще одно чудо, и я буду на тебя молиться. — Он раскатиисто захохотал, но этот смех звучал принужденно. Впервые София не пятилась от него, не отводила робкий взгляд. Она стояла

перед ним, вскинув подбородок и распрямив спину. Иногда она становилась дерзкой и строптивой, но это продолжалось недолго.

По полу, под самой ногой у Саломона, пробежал еще один таракан. Саломон притопнул, но проворства таракану было не занимать.

— Я не шучу, — сказала София. — Мой сын — такой же человек, как ты и я. И я хочу, чтобы ты обращался с ним по-человечески.

— Да-да, как же, обязательно... — Саломон отмахнулся. Он не любил спорить с Софией, когда в ее голосе чувствовалась сила, он тогда невольно казался себе слабым. Да и для семейного скандала сегодня было слишком жарко. — Мне пора собираться на работу, — сказал он и, стаскивая заношенную футболку, поплелся в коридор. Мысленно он уже переключился на бесконечные ряды тюков и ящиков, сходящих с ленты конвейера, и на грохочущие фуры, подъезжающие, чтобы увезти их. Саломон знал, что будет заниматься этим до конца своих дней. Все дерьмо, сказал он себе. Даже сама жизнь.

София молча стояла в комнате, Чико тихо скрючился в своем углу. Сердце Софии по-прежнему сильно билось в ожидании удара. Она готовилась принять на себя шквал оскорблений и побоев, а вместо этого...

Возможно, все еще впереди... или нет? Она посмотрела на Чико; лицо мальчика дышало покоем, голову он склонил набок, словно он слушал какую-то небесную музыку, которой

Софии никогда не услышать. Она поглядела в окно, на тучи над рекой. До чего же мало в небе синевы. Хотя, может быть, завтра что-нибудь изменится... Саломон собирается на работу. Ему понадобится обед. София понуро отправилась на кухню соорудить ему сандвичи из лежащих в холодильнике объедков.

Чико еще немного посидел в углу. Потом усталился на что-то на полу и пополз туда. Его тяжеленная голова все время норовила клюнуть носом пол, и Чико пережил трудный момент, когда ее тяжесть грозила опрокинуть его.

— Положить горчицу? — выкрикнула София.

Чико бережно поднял дохлого таракана, которого Саломон раздавил недавно.

Он немного подержал его на ладони, внимательно рассматривая здоровым глазом. Потом он сжал пальцы и ухмыльнулся.

— Чего? — переспросил Саломон.

Рука Чико подрагивала — еле-еле.

Но вот он раскрыл ладонь, и таракан, быстренько семеня лапками, пробежал по его пальцам, упал на пол и метнулся в щель под плинтусом.

— Горчицу класть?! — повторила София. — На сандвич?!

Чико подполз к еще одному издохшему таракану. Он взял и его, и вновь зажал в ладони. Затем ухмыльнулся, глаза его блестели. Таракан протиснулся у него между пальцев и, стре-

лой метнувшись прочь, исчез в стене.

— Да, — буркнул Саломон и вздохнул подавленно. — Один черт.

А сквозь окошко с улицы Ист-Ривер-драйв громыхал ни днем ни ночью не смолкаемый рев автомобилей. И где-то там во всю мощь орал стереомагнитофон, наяривая «рэп». И в водопроводных трубах все хлюпала и стенала вода, и стрекотали вентиляторы, бесполезные в такую жару, и воскресали тараканы и возвращались во щели свои...

Содержание

М.Р.Джеймс. НОМЕР 13.	
<i>Пер. В.Яковлева</i>	5
Элеонора Смит.	
ВОСКОВАЯ ФИГУРА МИССИС РЕБЕРН.	
<i>Пер. В.Яковлева</i>	35
Джей Стрит. ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК.	
<i>Пер. В.Мишакина</i>	61
Роберт Говард. ГОЛУБИ ПРЕИСПОДНЕЙ.	
<i>Пер. В.Смирнова</i>	87
Джозеф Конрад. ИДИОТЫ.	
<i>Пер. А.Мещерякова</i>	141
Хью Эткинсон. ЯЗЫК ЦВЕТОВ.	
<i>Пер. В.Яковлева</i>	189
Э.Ф.Бенсон. КОМНАТА В БАШНЕ.	
<i>Пер. В.Яковлева</i>	223
Э.Ф.Бенсон. ИСПОВЕДЬ ЧАРЛЗА ЛИНКВОРТА.	
<i>Пер. В.Яковлева</i>	247
Фрэнсис Кинг. КУКЛА.	
<i>Пер. А.Мещерякова</i>	279
Роберт Р.Маккоммон. ЧЕРНОЕ НА ЖЕЛТОМ.	
<i>Пер. Л.Макарова</i>	309
Роберт Р.Маккоммон. ГРИМ.	
<i>Пер. Ю.Корефанова</i>	351
Роберт Р.Маккоммон. ГОРОД ГИБЕЛИ.	
<i>Пер. В.Мишакина</i>	395
Роберт Р.Маккоммон. ЧИКО.	
<i>Пер. Ю.Корефанова</i>	421

Роберт Р.Маккоммон

ГОРОД ГИБЕЛИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Серия «Дом ужасов»

Составитель Л. Зданович

Художественный редактор П. Навдаев

Компьютерная графика И. Бояринов, О. Бычкова, К. Корнеев

Технический редактор Е. Крылова

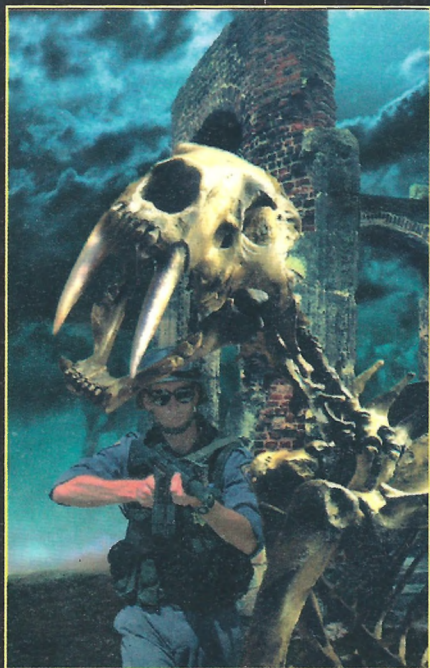
Корректор С. Воинова

Оригинал-макет творческой группы «Панъ»

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2: 953000 — книги, брошюры**

Оригинал-макет подписан в печать 30.04.99 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 12000 экз.
Зак. № 1171.

Роберт Маккаммон

ГОРОД ГИБЕЛИ

R
РЕЦЛА
КЛАССИК